

Большие Братья
представляют

БРАТЬЯ
РАМАНАУСКЭЙ
роман

Москва
2018

ЭКСКЛЮЗИВНОЕ ПОДАРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ ОТ BIG BROTHERS

Big Brothers. Братъя Раманаускэй. – Москва: 2018. – 192 с.

Приблизительный жанр: Посмодернистская черная пародия реальности с элементами бытового сюрреализма.

Жесткая трагикомическая история о двух братьях Саулюсе и Паулюсе, которые помчались по темной тропе к солнцу, и о том, что же из этого вышло.

В связи с наличием в тексте табуированной лексики, сцен насильственного и сексуального характера авторы предполагают, что опубликованное будет читать взрослые люди, ограничивающие доступ к подобным материалам своим детям, внукам, опекаемым и подопечным, а также себе лично в случае неприятия подобного содержания. Не рекомендуется к прочтению чрезмерно впечатлительным лицам с неустойчивой психикой, беременным, кормящим матерям и детям, не достигшим совершеннолетнего возраста.

Все авторские права защищены.

Российская система возрастных ограничений. На основании Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. N 426-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

© Жижом В., Хлопов И.,
Шерстнев И., текст, 2018
© Агеенко Р., иллюстрации, 2018
© Грейчус А., оформление, 2018

ОТ АВТОРА

«В том смысле... какие-то психические больные, которые убивают людей. И кем-то притворяются. Я не знаю, что тут надо иметь в виду. Вообще когда человек думает об этом... Это вообще ужасная, страшная вещь.»¹

Я вкратце расскажу, с чего все началось и чем все закончилось. А началось все с того, что когда я учился в старших классах в школе, в нее стал ходить (после домашнего обучения) один любопытнейший персонаж по кличке Кит (как его называем мы) или Монах (так его прозвали в газете). Я сразу же предположил, что это подлый и плохой человек, и тысячу раз оказался прав². Я наблюдал за его жирной и одутловатой фигурой довольно долго. И некоторые зародившиеся нравственные вопросы не давали мне покоя и беспрестанно мучили мою душу. Один из таких вопросов – ключевой к пониманию книги, которую читатель держит сейчас в своих руках. Вот этот фундаментальный вопрос:

«Если с Китом ничего не может поделать ни правоохрана, ни правосудие, а делать с ним что-то надо, то кто и что должен сделать?»

Этот вопрос, допустим, не дает мне покоя по сей день, но определенный ответ я в итоге нашел. *«Надо убить его, и это должен сделать я»* – решил я, наконец. Здесь следует сказать, что по этому поводу я даже проконсультировался по интернету с русским православным батюшкой (ведь кит – колдун, а в православии, согласно моему представлению о православии, *«колдуна в живых не оставляй!»*). В целом позиция церкви была следующей: грешен я и от греха желаю убийства! Возможно, во мне говорит гордыня, молиться мне надо да каяться! Но нет же! Я не согласен с такой трактовкой вопроса! Во мне говорило исключительно чувство ответственности перед Вселенной, Высшими силами, Богом, Природой, Истиной и всем Правильным и Прекрасным, а вот в священнике, как я подозреваю, говорило «ссыкло». Так что я ре-

1 Автор цитаты – Симонас Ашкалавиčius (Simonas Aškelavičius), режиссер (снял такие фильмы, как «Ограбление поезда, которое совершили Саулюс и Паулюс» и др. ...).

2 Алексей Шишкарев (Aleksėjus Šiškariovas). Если читателю интересно, он может сам поискать этого «мага», «мастера рейки», «знахаря», «растлителя малолетних» и т.д. в литовском интернете и составить о нем свое собственное мнение.

шил, что ждать церковного благословения мне не стоит, и принялся за дело сам, ни у кого не спрашивая больше разрешения.

Позже, объясняя суть и замысел Элеоноре Лассан, эксперту по текстам, которая была вызвана позднее в суд, я говорил: *«Я хотел провести исследование души. Убийц и маньяков – пропуская через свою душу. И своей души – пропуская через души убийц»*. По-моему, я выразился довольно точно. Но пусть это вас особо не смущает – на самом же деле больше всего на свете я хотел отрезать голову Киту и, не решаясь на это физически (будучи таким же по сути «ссылком», как и священник), я решил сделать это литературно.

С Кита все и началось. Братьям понравилась идея, и мы стали писать о Братьях вместе. Думаю, не стоит раскрывать все секреты читателю и говорить, кто какую главу написал и что там будет дальше (ведь глава о Ките – это всего лишь одна, первая, глава). Пусть читатель читает эту книгу вдумчиво, не торопясь и между строк. Авторы было трое. Владислав Жижома (Литва, Клайпеда), то есть я, Игорь Хлопов³ (Москва, Россия) и Игорь Шерстнев (Краснодар, Россия). The Big Brothers. Прошло семь лет. За это время произведение росло и ширилось и вылилось в то, что вы держите в своих руках. Мы славно повеселились, пока писали его. И даже после – так как через некоторое время после того, как я слил тогда еще неоконченное произведение в сеть, какие-то еще более любопытные, чем Кит, персонажи в шарфиках решили, *на наш взгляд*, присвоить себе авторство на наших персонажей и вышел фильм «Ограбление поезда, которое совершили Саулюс и Паулюс», который собрал в литовских кинотеатрах почти полмиллиона евро.

Множество сходств поразило меня. И всегда рядом с этими сходствами воняло надушенными шарфиками. То есть сходство было не полным, но только частичным, те мысли, которые были проработаны в нашем с братьями произведении, были словно бы специально упущены, чтобы не смущать народ. Небрежность в проработке образов поразила меня, как господина – плевков раба в его сторону. Тем не менее, было множество удивительных сходств именно с нашими братьями. Я не буду их тут перечислять. Достаточно того, что я говорил про это в суде. Было много всего, слишком много. И еще много такого, чего сразу и словами-то не выразишь, но что искушенный читатель видит сразу. Этот липкий след плагиата! (хотя, конечно, на уровне ума сомнения были, и я вел постоянные внутренние диалоги сам с собой). Тем не менее, добротный автор учует своих добротных персонажей за милую, даже если они представлены в таком искаженном виде.

Я это рассказываю для того, чтобы вы были в курсе.

³ См. google.

(Сами наши Саулюс и Паулюс такой хуеты по отношению к себе точно не потерпели бы, не потерпели ее и мы. К тому же, как бы наивно это ни звучало, мы так нуждались в деньгах! Чтоб уехать на Ямайку!)

Судебное разбирательство длилось два года, после письменного процесса было назначено три заседания. За недостатком средств я был без адвоката.

Мы проиграли. Такое бывает.

При этом на нашу сторону нам удалось склонить эксперта Э. Лас-сан, которая сначала, прочитав несколько первых глав, пришла в ужас от прочитанного и наотрез отказалась читать дальше. Со временем мне удалось убедить ее в необходимости этого. Не стоит быть такой впечатлительной! В конце концов, она прочитала (о, как терпеливо, последовательно и грамотно вел в те дни я с ней переписку!), прониклась, назвала меня «талантливейшим автором, хоть и разрушительного творчества» и записала себя в поклонницы моего таланта, ну а я в свою очередь записался – в поклонники ее таланта, хотя я мало что понимаю в том, чем она занимается. Меня немного смущало, что она-то считает, как и все остальные, что автор – только я, я один, не зная, что за моей спиной стоит могучее мрачное братство, ничего не зная об Игоре и Шерстневце, тех нескольких главах, что они написали. Но, как говорил Бальзак, «незаслуженная похвала такая же приятная, как и заслуженная». Так что я особо не переживал. Восхитительно было получить такого грамотного собеседника (и здесь у нас, безусловно, зародилась определенная дружба), по-своему понимающего произведение. Она прочитала его полностью, посмотрела фильм, у нее сложилось впечатление плагиата, и она написала анализ, который мы приложили к делу. По имеющимся регалиям эксперта лучше в Литве было не найти. Мы привели в суд заслуженную и одну из ярчайших звезд русской филологии. Но, как стало в итоге известно, это не помогло. Плевать суд на это хотел.

Да, иск был принят, суд принимал и читал (возможно) документы, назначил несколько заседаний, задавал вопросы, но все это была только видимость. Которую надо было создать, так как дело уже получило довольно широкую огласку. Его надо было рассмотреть. В итоге сейчас у меня на руках есть решение суда первой инстанции. Оно состоит из 12 страниц, из которых 11 – это копи-паста из наших документов и документов ответчиков, а 1 страница с формальной частью. Я бы такое «решение» написал за час. В нем сказано только, что «суд не установил нарушений», без какой-либо мотивации и объяснений. Столько написанных страниц, столько сказанных слов и аргументов, два года разбирательства – и все это ради этих нескольких слов!

Ясно вижу, как утром в день объявления решения, помощница говорит судье:

- У нас сегодня объявление решения по этому... как его... писателю...
- По «писателю», да, – усмехается судья.
- Какое будет решение?

Судья смотрит на помощницу с удивлением, мол, перед тобой такой вопрос, оказывается, еще стоит, и говорит:

- Отклонить, конечно!
- Отклонить. Понятно.

И через несколько часов появилось это решение...

Так что ответчики, помахивая шарфиками, шутя и посмеиваясь, отправились прямо с объявления решения из суда в ресторан праздновать, а я сидел в это время дома, объявил о проигрыше в Фейсбуке и слушал 20-минутный трек с исполненной на фортепьяно темой из фильма «Рокки». Судья мне больше не казалась Фемидой, богиней. Для меня она стала простой смертной, такой, каковые в определенных кругах (!) именуются «ТП» и о каких мне неприятно даже думать, не то, что писать. Скажу только, что, согласно аудиозаписи заседания по объявлению решения, на котором меня не было, больше всего она переживала по поводу ошибок, допущенных при копировании первых 11 страниц...

Ну и черт с ними, с моими иллюзиями.

В конце концов, что для Братьев – какие-то суды? Деньги! Какие-то люди в шарфиках вокруг! Все эти поденщики! Мы-то живы. Возможно, мы будем писать дальше. Скорее всего, порознь. А, может, и нет. Может, это единственное из того, что мы написали или напишем и что увидит свет в печатном виде, – в основном, конечно, моими совершенно бескорыстными стараниями. Я не знаю... Жизнь покажет. Мне немного странно и грустно говорить вам все это сейчас.

Автор хочет дополнительно подчеркнуть, что ничто из написанного здесь не направлено на возбуждение каких-либо кровожадных чувств или суицидальных настроений и не является указанием к действию. Автор ставил своей целью исключительно честное и хладнокровное исследование души и психологии *enfant terrible*, совершающих «идейные» преступления, идущие вразрез с любыми общепринятыми нормами. Именно поэтому в произведении отсутствуют какие-либо отрицательные или осуждающие оценки действий главных героев.

От лица Братства выражаю благодарность Роме, который и нарисовал эти чудесные иллюстрации. Теперь мне кажется, что иначе и быть не могло. Назначаю себя Председателем нашей Партии и постановляю безоговорочно принять Рому в наши почетные ряды.

Слева направо: В. Ж., И. Х. Куршская коса. Конец июля 2004 года.

N21

БРАТЯ РАМАНАУСКЭЙ

Let me tell you about heartache and the loss of god
Wandering, wandering in hopeless night
Out here in the perimeter there are no stars
Out here we are stoned
Immaculate
(c) J. D. Morrison

1. КИТООБРАЗНОЕ НЕЧТО

Два человека идут по дороге. Эта дорога пролегает вдоль магистралей, что на краю города, что разделяет город, его окраину, от того, что за этими пределами, то есть поля, как Рубикон. Поле как поле: на нем растет рапс, сейчас он уже цветет, множество желтых цветов, из рапса сделают масло и продадут... У каждой бутылочки будет своя история... Красивое, красивое поле и где-то посередине, ближе к дороге, табличка на высоком шесте – «ПРОДАЕТСЯ». За полем – лес. Лиственный, грибной, широкий, безлюдный. Это я все об одном и том же лесе.

Ну а по дороге идут два человека, два спортивного вида парня. Один несет лопату наперевес, у другого на спине – рюкзак. Они не торопятся. Погода жаркая, и сторонний наблюдатель может подумать, что идут они за червями для рыбалки. Да мало ли куда могут идти два парня с лопатой в такой погожий день?

Вот мимо проходит старушка, вот проезжает несколько велосипедистов, вот навстречу им идет молодая девушка, в коляске она везет ребенка, она улыбается, кивает им в знак приветствия. Вот, дескать, какой хороший летний денек! Тот, что с лопатой, приветливо улыбается ей в ответ. Тот, что с рюкзаком, даже не посмотрел в ее сторону. Их имена Саулюс и Паулюс Раманаускэй. Это два брата. Саулюс старше младшего на год. Они живут с некоторых пор вместе, работают вместе в автосервисе с тех же самых пор и все жизненные радости и горести делят пополам.

– Вчера прочитал теорию хаоса, – говорит тот, что с рюкзаком, то есть Саулюс.

– Ну и как? – отвечает Паулюс.

– Вещь!

– В чем она состоит?

– Не хочу рассказывать... Долго и нудно. У тебя есть, может, тема получше?

– Ты первый начал!

Солнце, солнце нестерпимо печет их затылки...

– Нам нужно сейчас поговорить... Но в этом городе совершенно не о чем разговаривать! – говорит Саулюс. – Хотя подо-

жди. Я тебе рассказывал про изнасилование пацана двумя моими одноклассниками?

– Андрюс и...

– Нет-нет. Речь о Пятрасе из XI «Д».

– Не помню такого.

– Я ничего не помню из этой истории... – говорит Саулюс задумчиво. – Они, кажется, поймали своего должника, что ли... Не помню. Но хорошо я запомнил одну маленькую деталь... На их членах оставалось говно, и они вытирали его о майку этого пацана... Прикинь, какая ебанутая деталь? Говно на майке пацана!

– Ты что, участвовал в этом, что ли?

– Ебанись! Нет, конечно. Я не пидар. Слышал просто, рассказывали. Мои одноклассники. Это было в этом лесу.

– Да уж... этот лес, темный лес... – Паулюс посмотрел в его сторону, и на лице его появилось какое-то жестокое выражение. – Что тут скажешь. Дай сигарету.

– Держи. Но не кури пока. Давай до моста, что ли, пройдем. Может, лучше на мосту покурим?

– Ладно.

И вот он, мост. Но дует ветер. А, как известно, нет ничего отвратительней этого явления природы, когда куришь. Они скурили по сигарете.

Под ними проезжает громыхающий товарняк. То есть погромыхающий. Они так и не попали в него окурками. Все из-за чертова ветра.

– А давным-давно, – сказал Саулюс, положив рюкзак на асфальт, – я в такую погоду выходил в поле с бутылочкой пива... и мне было так хорошо. А сейчас...

– А сейчас даже бутылочки пива не нужно, не так ли? Ха-ха!

Они посмеялись.

– А я вчера дочитал «Соки земли» Гамсуна, – говорит Паулюс.

– Ну и как? Я не читал!

– Вещь!

Пауза. Они прошли мост, свернули в лес и шли так почти час, не разговаривая. Когда они уже подходили к нужному месту,

туда, куда они, собственно, и направлялись, Паулюс не выдержал этой гнетущей тишины и заговорил:

– Гамсун вообще чемпион! Великий писатель! Самый лучший! Там про мужчину, который пришел в пустошь и основал там селенье. Жизнь проста и нет в ней пестроты, зато сколько чистой простоты! Простой чистоты! Это кой-чего да требует! Вот так вот, жить плодами земли!

– Ой, я ничего об этом не знаю, – говорит брат, – мне бы умыться...

– Нет, ты только послушай! Талант Кнута Гамсуна оставим на потом! Послушай мысль, Мысль! – и, не дожидаясь ответа, продолжил: – В мире много государств, много людей, живущих курсом доллара или там... евро! Много спекулянтов, продавцов того, что, по сути, не имеет никакой ценности! Все эти металлы, их стоимость такая, какую им дадут люди! Какие-то цифры, какие-то бумажки! Имеет истинную ценность только натуральный продукт! А политиканство, преступность? женщины убивают своих детей! Прокуроры насилуют маленьких девочек! И белая раса вымирает! Негры и мусульмане заполонили планету! Хорошо, что в Литве их пока почти нет!.. Но это ненадолго! Одно поколение умирает, другое приходит на его место! А для будущего поколения я не вижу никакого будущего! Всюду мусульмане, негры и разврат! РАЗВРАТ! Нынешний мир сошел с ума! Выдуманные кризисы! Вот если жить в глуши, как Исаак из «Соков Земли», какие еще могут быть кризисы? Только неурожай! Но надо больше работать! Какие еще кризисы? Обычные человеческие неурядицы, жизненные происшествия... дерево там придавило ногу, к примеру... жена умерла... девушка стала блядовать... ребенок заболел... Радости и огорчения, столько всего! А нынешний мир... Мне видятся картины апокалипсиса... Одно безумие! Сплошное безумие! Конец уже близок!

– И не говори!

– И мы очистим этот мир! Пусть мы сами тронуты этим безумием, пусть! Мы должны что-то сделать! Ну пусть нет у нас доступа к ядерной кнопке! Пусть! Но хоть одно важное дело для начала мы сделаем! Как тренировка! Наша мечта...

– Паулюс, мы уже все давно обговорили. Все уже решено. Видать, так было предначертано на небесах... Не переживай. И тихо! Мы почти пришли! Вон за этим холмом, кажется...

– Думаешь, там кто-то есть?

– Сейчас посмотрим!

– Да... сейчас посмотрим, – говорит Паулюс и на лице его снова появляется это жестокое выражение.

Они пересекают холм, но там никого, к счастью, нет. Лишь привязана к дереву огромная человеческая туша. На голове – мешок. Они подходят к ней, садятся на траву. Мешка пока не снимают.

– Ну что, ты готов? – спрашивает Саулюс.

– Еще бы! – отвечает Паулюс.

Они снимают мешок и на них глядит испуганное лицо, нет, скорее рожа, глаза вращаются, во рту кляп, они вынимают кляп.

– Не убивайте меня, прошу! – первое, что бормочет туша.

– ТЫ ПРЕДПОЧИТАЕШЬ ИЗНАСИЛОВИЕ, КАК ТОТ ПАЦАН, ДА? – говорит Паулюс, – ТАК, ЧТО ЛИ? ЧТОБЫ ТВОЕ ГОВНО ВЫТЕРЛИ О ТВОЙ ЖИР? Я ПРАВ? И ТЫ СМОЖЕШЬ ПОСЛЕ ЭТОГО СПОКОЙНО ЖИТЬ? ДА? НУ ТЫ И ПИДАРА-АС.... МНЕ ПРОСТО ПРОТИВНО ТЕБЯ СЛУШАТЬ!

– Я ничего не...

– ЗАТКНИСЬ, ЖИРНЫЙ УБЛЮДОК!

– Не убивайте меня! Только не убивайте меня!

Саулюс наотмашь ударил его по лицу. Из глаз пленника брызнули слезы.

– СОПЛИВЫЙ СУКИН СЫН! – заорал Саулюс и пнул жертву ногой в живот. Туша закричала, попыталась машинально согнуться, но тело было накрепко привязано, так что все, что ей оставалось, так это пытаться жадно поймать ртом воздух... туша задыхалась... из ноздри вздулся огромный пузырь... изо рта текли слюни... Теперь ничего вразумительного с этого сукина сына не получишь.

Саулюс затолкал кляп ему обратно в рот.

– Слушай, может, не стоит этого делать? – сказал Паулюс.

– Этот ублюдок совсем не опасен. Не влиятелен. Он просто му-

дак. Может, обойдемся без тренировки? Таких сукиных детей природа наказывает сама. Чего брать грех на душу? Вот мы его отпустим, а он упадет в яму, попадет в капкан, да по пути домой на него нападет стая гребаных барсуков, мать их, и загрызет его насмерть!

– Паулюс, ты чего? Ты должен понять одну простую вещь! Это не мы его убиваем! Это жизнь его убивает! А мы всего лишь оказались на острие ее шпаги!

Этот аргумент, кажется, образумил брата. Он несколько раз обошел тушу, дымя сигаретой. Туша была действительно отвратительной. Урод, ошибка природы. Жирная туша. Какое-то китообразное нечто. Бледное лицо с эдакими усиками, пропитанными козлиной мочой... С такой огромной выгнутой спиной, как если бы там был спрятан второй желудок... А как эта туша смеялась, пока не попала сюда! О! Этот смех! Так смеялся бы какой-нибудь джордж буш, если бы был инвалидом! И этот говнюк еще писал стихи! Да, черт возьми! Этот ублюдок считал себя поэтом! Он писал стихи про самоубийство! Про какой-то черный пистолет! А в голове-то одна похоть и больше ничего! Никаких мечтаний! Никаких мыслей! Никаких великих планов! Вот ублюдок! Но как же так? Вроде бы в мире действует закон эволюции, и выживать должен сильнейший. Умнейший. Все логично. Но какого черта, спрашивается, в мире так много долбоебов? Это выше всякого понимания. Может, сама природа сошла с ума? Или просто таких нормальных парней, как они, совсем отчего-то стало мало и некому позаботиться об этом?

Но действительно. Чего откладывать? Они и так уже долго ждали. Пришло время начинать дело. Они оба встают плечом к плечу. Первым начинает Саулюс, старший брат.

– За то, что ты родился уродом... и жизнь свою ты не ценишь! Ты не знаешь ей цены, ты не знаешь, какой великий это подарок! И даже сейчас! Вместо того, чтобы наслаждаться последними мгновениями своей никчемной жизни, ты скулишь, как последний щенок!

– За то, что ты не заботился не только о душе своей, – подхватил Паулюс, – но и о теле! Посмотри на себя, посмотри на свою гнусную тушу! Разве достоин ты ходить по этой благосло-

венной земле? – Паулюс ткнул его легонько палкой в живот. Туша вздрогнула от этого всем телом.

– Да! мы давно за тобой наблюдаем! Мы знаем, как ты живешь! Мы знаем, чем ты занимаешься по утрам, днями, вечерами, ночами, щенок!

– Ты губишь белую расу!

– Все человечество, чего там!

– Чертов ниггер!

– За то, что ты не веришь в Бога!

– За то, что ты поганый жид и нацист!

– За то и за это, и за пятое и десятое!

– ТЫ, ЧЕРТОВ УБЛЮДОК, ПРИГОВАРИВАЕШЬСЯ К СМЕРТНОЙ КАЗНИ, ТЫ ПОНЯЛ?

Саулюс наклоняется к уху жертвы и проговаривает, эдак словно по секрету:

– Сейчас мы возьмем нож... иотрежем твою голову... мы ееотрежем... и ты умрешь...

– Хочешь ли ты сказать что-нибудь в качестве своего последнего слова? – сказал Паулюс.

Пленник, в оцепенении слушавший все это безумие, судорожно кивает. Кивает головой, которую ему скоро отрежут. Паулюс вынимает у него изо рта кляп.

– Только не ножом, только не по горлу! Прошу вас! Я... я боюсь крови!

– Ах, этот сукин сын ЕЩЕ И КРОВИ БОИТСЯ?! Паулюс! Быстро заткни ему кляп обратно!

– Вот сукин сын!

– Крови он, бля, боится!

– Блядская перекись!

– Свинячья душонка!

– Тварь дрожащая!

– Да тебя надо ИСКУПАТЬ В КРОВИ, ублюдок!

Они попинали привязанную тушу по животу... тяжелыми ботинками... вымещая, таким образом, свое негодование... свою ярость... свою злобу... вот они снова надевают на голову мешок... пора начинать! о! Как теперь хорошо идет сигареты! Плевать на

поганое солнце! Плевать на поганый ветер! Хотя тут ветра не много... это ж лес... О! Насилие, оказывается, может быть таким приятным! Таким прекрасным! Таким упоительным! Господи! Спасибо тебе! Но это только начало... есть еще финальная часть всего этого действия! Смерть! La morto или как это там по-французски! Они посмотрели друг другу в глаза. Во взглядах их светило очень глубокое взаимопонимание. Им больше не нужно было ничего говорить.

– Сейчас или никогда! – сказал Саулюс.

– Сейчас или никогда! – сказал Паулюс.

Вот Саулюс достает нож из рюкзака... подходит к жертве... снимает мешок с ее головы... потом обходит дерево... и, как бы обнимая его сзади... аккуратно отрезает голову своей жертве... отрезает... легко сказать... жертва не могла кричать из-за кляпа... подергивала только ногами... раздавались странные булькающие звуки... такого нигде больше не услышишь... очень специфичные звуки...

Вскоре все было кончено. Голова была отрезана.

Так просто.

– Стой! – кричит Паулюс. – Я тоже хочу! Дай мне!

Саулюс передает ему нож, и Паулюс вонзает нож в грудь этого ублюдка, в грудь этого чего-то, что совсем еще недавно было человеком... дышало, перделало, ело, спало, срало, разговаривало... вонзает один раз, второй раз, третий, четвертый...

– Все, хорош, ХОРОШ! ХОРОШ, БЛЯ!!! – Саулюс оттаскивает брата от трупа. Тот дергается, вырывается, бросает на землю нож, закрывает лицо руками и начинает плакать.

– Братишка, ты чего? – говорит Саулюс.

– Брат! – рыданье... – Брат! – снова рыданье... – Это было... лучшее мгновение в моей жизни!

– Да, братишка, я знаю... я знаю... все хорошо...

– Брат... я такой живой сейчас... брат... я люблю тебя... прости меня...

– Я тоже люблю тебя, братишка...

– Брат! Мы же всегда будем вместе, да?.. мы же братья!... у меня кроме тебя в этом мире никого нет!...

– Да, братишка, конечно... все будет хорошо... не плачь... не плачь...

Но вот рыдания прекратились. Паулюс очень быстро пришел в себя. Очень быстро оклемался. Он сам, сам первый предложил разобраться с трупом. Замести следы – дело крайне важное.

Первостепенной важности, я бы даже сказал.

Они закопали его под холмом неподалеку...

Постарались они действительно на славу. Окровавленную одежду закопали вместе с трупом... заранее позаботились о сменной... она была в рюкзаке... Не оставили никаких следов. Никаких. А те, что остались, – смоеет дождь, развеет ветер, скоро не раз на этом месте зацветет и пожухнет трава... зазеленеют и осыплются листья деревьев... да, пусть продолжают летать здесь мухи, пусть продолжают свой вечный круг дикие муравьи... пусть чирикают здесь вечно птицы... пусть... а этот ублюдок теперь мертв.

Теперь им пора домой. Вот они уходят.

Ночью парни снова вылезают наружу... Вот они лежат в этом прекрасном желтом поле... пьют текилу из горла и интимно о чем-то переговариваются... Перекидываются фразами... завтра на работу в автомастерскую... а сейчас братья наслаждаются тишиной. Прекрасная тихая ночь, каких на свете много.

– Брат... – говорит Паулюс... – Я думаю, это все не просто так... и эти звезды... и это поле... и мы... ты знаешь, жизнь такая штука, что... а может, продадим к чертям наши квартиры, уволимся с работы... купим какой-нибудь участок земли... будем вспахивать землю... разводить скот... как Исаак из «Соков земли»... чем не жизнь?... подальше от всего этого безумия!..

– Может быть, ты и прав, братишка, – отвечает Саулюс, глубоко затягивая сладкий табачный дым, – мне тоже все это осточертело... Но надо все это хорошенько обмозговать...

– Ага... а можем просто уехать куда-нибудь... куда-нибудь, где тепло... на ту же Ямайку, к примеру... я тебе рассказывал про свою мечту?

– Да, конечно. Но ты расскажи еще раз. Это хорошая мечта...

– Хорошо, – Паулюс делает глоток текилы, передает бутылку брату и закуривает сигарету... – Я мечтаю о том, – говорит он, – что однажды зайду в бар... в эдакий дружелюбный бар... где все свои... в мире должно быть полно таких баров... я сяду за барную стойку... закажу текилы... и тут... в бар зайдет прекрасная девушка... она подойдет ко мне... вплетет в мои волосы белый цветок... и скажет: «Здравствуй... Паулюс...».

– Да, это хорошая мечта... – подтверждает брат.

Они сидят так, передают друг другу бутылку текилы и разговаривают. Хорошая ночь, по жилам их струится кровь, молодая чистая кровь.

Где-то вдали грохочет, погромыхивает едущий куда-то по своим рельсам товарняк. Приближается полночь... «Одним жирным куском говна в мире стало меньше», – подумал Саулюс.

**

Они лежали в этом поле, пока не допили весь литр. То время, пока они пили, казалось остановившимся. Как будто утро не наступит никогда и никогда не будет расплаты за то, что они делают. Нет, время как будто даже не остановилось. Оно словно кончилось. На тот момент они чувствовали, будто бы боги их простили за все. И миг этот длился и длился... секунда сменяла одна другую, и в то же время это была одна и та же секунда...

Но утро, как ни странно, все-таки наступило. Паулюс еще сладко спал, а Саулюс... а Саулюс уже принял душ, побрился, почистил зубы и поставил стакан с минералкой, в который он добавил несколько долек лимона, к дивану, на котором спал Паулюс. Брат должен заботиться о брате. Похмелье было сильным. Саулюс потряс брата за плечо. Паулюс пробурчал сквозь сон...

– Нет-нет, заебали!.. Дайте поспать!..

– Это я, брат. Жизнь продолжается. Время просыпаться...

Паулюс приоткрыл левый глаз. Этот его левый глаз выглядел вполне бодрствующим.

– А чего ты такой прилизанный, выбритый?

– Выпей лучше минералки. Тебя тоже, я думаю, мучит похмелье...

– Что верно, то верно!

Паулюс выпил полстакана. Саулюс встал с расческой напротив зеркала и, в очередной раз причесываясь, сказал:

– Я чувствую себя, несмотря на похмелье, великолепно! Как будто я сбросил кожу! Как змея!.. – на этих словах Паулюс открыл оба глаза и приподнялся на кровати. Оба его глаза, будучи открытыми, выглядели вполне бодрствующими.

– Ты знаешь, брат! С убийствами – как с бабами! Я тебе рассказывал, как потерял девственность?

– Нет, брат. Подай мне, пожалуйста, сигареты.

Саулюс бросил ему пачку на кровать. Паулюс немедленно прикурил. Саулюс пригладил пару торчащих волосинок на голове, развернулся, и, тоже закуривая, сказал.

– Она была на десять лет старше, а мне было 17 лет. Вот я раздеваю ее, вижу ее сиськи. Потом... эм-м... пизду. Вроде впервые – ну в качестве того, кто будет... эм-м... это все дело ебать. Раньше так только по телеку видел или в книжках читал. Как и насчет убийств, кстати. Ну, я ее раздеваю, засовываю ей свой агрегат промеж ног... А у самого мысль в голове: «О нет, опять... Господи, как это глупо...». То есть секс впервые, выкупаешь? А ощущение, что ты занимался этим миллиарды лет. Но остановиться, конечно, не можешь. Хочется пройти этот маршрут до конца. Просто время настало, понимаешь? Напрягаешь все духовные силы юности. А ебешь-то какую-то вонючую дуру... Но утром выяснилось, что это не она воняла. Это канализацию просто на улице прорвало...

– Весьма символично.

– Ага. Но было поздно. А потом я стал вступать в сексуальные отношения более-менее регулярно. Не скажу, что мне очень понравился этот первый раз... просто у меня было чувство, что я должен был ее выебать. Как и убить того ублюдка, понимаешь? Вот так... когда я увидел пизду в первый раз... это было как буд-то... Я даже не знаю...

– Опять то же самое?

– Ну да. Как будто я это делал миллион раз... засовывал хуй в пизду и все такое... а толку-то? Бессмысленное действие. Люди совсем не знают, что такое секс и что с ним делать. Вот

мы, к примеру... знаем ли мы, что нам нужно делать с убийствами? И зачем? Селин писал, что самое интересное происходит незаметно для глаз. Сперматозоид, выполняющий свою работу, незаметен!

– Ого!

– Да, брат! Вот мы вроде как замочили одного ублюдка... и в перспективе всего человечества – это ничто... однако кто знает... как слово наше отзовется... я думаю, что все, что мы делаем, останется в вечности, что бы это ни значило!

– Так наше вчерашнее убийство, по-твоему, как первый секс?

– Или как первая любовь! ты же проснулся сегодня новым человеком, верно?

– Может быть, и так...

– Да, брат! Что они все понимают в любви? Что они все вообще понимают? Они не знают, что такое прямая любовь! Они понятия не имеют о том, что такое чистая эмоция! Жалкие трусливые лживые людишки! И какое нам дело до них, презренных поденщиков?

– Никакого!

– Правда, мы адские псы, а?

– Конечно... Мы – не те, у кого получается пить нектар вечности из обыденной жизни...

– Пить нектар вечности? Не совсем понял. Ты о святых? Что-то я не встречал таких. А ты?

– Я – нет... но ходят слухи, будто они есть.

– Но мы-то вчера уколошили не такого, верно?

– Точно не такого!

– Ага... я вот думаю, брат, мы же не маньяки какие-то сексуальные или там еще что... нам не власть ведь нужно над человеком почувствовать, верно? Мы просто чертовы адские псы, так? Возможно, единственные, кто занимается Делом!

– Конечно так, брат! Просто в мире слишком много говна! А мы – воины, зажигающие новую светлую тьму и гасящие старый темный свет! Последние из могикиан!

– Гасящие старый темный свет?

– Ну да, черт возьми!

– Черт, неплохо сказано! Я горжусь тобой! Ты крутой... Но ты знаешь... во-первых, это очень опасная игра. Мы вполне можем кончить где-нибудь в камерах с парочками гомосексуальных литовцев, которые порвут наши задницы на фашистский крест.. Еще может быть самосуд добропорядочных граждан... и множество разных случайностей... как бы не свернуть не туда... и на фигу нам это надо? Господи! Как прогнил этот мир! Тебе хочется рассказать про то, что мы сделали.. к примеру... присяжным?

– Ага! Конечно! Мне они все до пизды.

– Совершенно верно. Представляю себе их серьезные лица! Ведь на месте Кита мог оказаться кто-то из них, верно? У каждого столько скелетов в шкафу!.. А сами – ходят в кино, делятся слухами с коллегами... Впрочем, вставай, брат. У нас сегодня большой день!

– Большой день?

– Да, братишка! – Саулюс, улыбаясь, потрепал брата по плечу, – каждый день – большой день, когда ты счастлив и свободен! Начнем новую жизнь!

– Совсем?

– Ну да. Теперь мы наконец-то свободны. Хватит с нас разно-го говна! У нас – только одна жизнь! И теперь в ней есть смысл! Только вперед, к новым вершинам!

– Ты хотел сказать низинам?

– Совершенно верно! Именно так! Одевайся! ПОРА ДЕЙСТВОВАТЬ!

Паулюс встал с кровати и начал одеваться... Зубы он в отличие от брата решил не чистить. Ему и так было нормально. Новая жизнь? Новая жизнь – это очень хорошо! Паулюс как-то не думал, что все завертится так быстро. Вот, что такое коллективный разум! Его и брата! Надевая ботинки, он даже присвистывал. Погода за окном была солнечной, небо – чистым. Даже лучше, чем вчера.

– Давай, давай, брат, скорее! Мы опаздываем в автомастерскую! У нас сегодня много дел! Ты же не хочешь все пропустить?

– Что-то я не догоняю, брат... Какие именно дела? Что мы должны сделать?

– Для начала мы должны уво-о-олиться! – донесся голос Саулюса из кухни, где он закрывал форточку, – уволиться, брат, – зайдя в коридор, повторил он, подмигивая.

Он и впрямь был в отличном настроении.

Вскоре они уже ехали по городу в своем грузовике и слушали новости. Какой-то политик поделился своими соображениями относительно того-то... и того-то... дело прокурора, насилующего маленьких девочек, застопорилось ввиду отсутствия улик... в авиакатастрофе погибло 49 человек, из них один известный бизнесмен... русские готовятся захватить мир, а США – сияющий холм демократии в мире. Нет, в мире не произошло ничего нового. Все та же старая фальшивая песенка. Все те же скучные, лишённые смысла жизни. Все тот же несуществующий мир. Но какое дело до всего этого братьям Раманаускэй?..

Паулюс вставил в мафон диск с песнями Бэрри Уайта. Саулюс сделал погромче. Они ехали в грузовике, не нарушая правил дорожного движения, и весело подпевали Маэстро, пока их не остановил мусор... Они, разумеется, здорово перепугались. Паулюс даже схватился за нож, когда Саулюса попросили выйти из машины... Но мент просто проверил документы.

– Счастливого пути! – сказал он.

Он смотрел на них так, словно бы все знал и говорил только: «Погодите, ребята, погодите... Ваша не будет брать все время...».

А грузовик тронулся, и братья снова включили Бэрри Уайта. Маэстро был, как обычно, неповторим.

2. ЗАРОЖДЕНИЕ БРАТСТВА

Начиналось все так.

Саулюс шел в церковь за руку с бабушкой. Он хорошо запомнил этот день. Позднее он часто возвращался к нему в памяти.

– Пойдешь в семинарию? – спрашивала бабушка Саулюса.

Саулюс кивал. Бабушка улыбалась.

Улыбка бабушки, коричневое одеяние монаха, стоящего возле капеллы, одеяние, которое Саулюс запомнил до мельчайшей складки, забрызганный грязью подол, ботинки с потрескавшейся кожей и сбитыми каблуками, редкая, ключьями борода – монах был потрясающе серьезен. Такими серьезными бывают только дети в четыре года. Дети и монахи.

– Попроси Святого Казимира оберегать тебя, – говорила бабушка.

Саулюс кивал. Он ненавидел эти походы. Стоя на коленях в церкви, благочестиво сложив руки, Саулюс мечтал о том, чтобы скорее все закончилось. Его губы шевелились. Но это была не та молитва, которой учила его бабушка.

– Черти лесные, черти в воде, черти на суше, черти везде. Оторвите Леонасу голову за то, что он достает меня. Выколите глаза Томасу и его брату-близнецу. Пусть отсохнут руки у Пятраса. Я отдаю их вам. Забирайте их, черти!

Бабушка косилась на него. Саулюс опускал глаза ниже.

Господи, думала бабушка, хоть одного спасу. Хоть одного.

Саулюс ездил к бабушке каждое лето с раннего детства. Как правило, он делал это один. По причине, которая не отложилась в памяти, Паулюс оставался в городе с отцом. Бабушка жила одна, в стоящем на особинку хуторе. Неподалеку было местечко Летукай, Кретингальское староство, небольшой поселок, в четырех километрах – церковь.

Деда Саулюс не знал. Бабушка неохотно говорила о нем. В поселке ее не любили. Однажды Саулюс услышал в разговоре брошенное мимоходом «каратель». Саулюс ничего тогда не понял, однако по тону догадался, что это что-то плохое. Бабушка жила на скудную советскую пенсию, которая стремительно

обесценивалась, и от небольшой торговли – на хуторе у нее было несколько десятков кур. Раз в три дня бабушка шла в местечко и продавала или выменивала яйца на необходимые предметы.

Дом был старый, деревянный. Намного хуже всех других домов в поселке. Он был построен по старинке – прямо на земле, без фундамента. Со временем нижние бревна подгнили, и дом осел на один бок, накренился, словно терпящее бедствие судно. Да оно и было так – его единственный пассажир доживал свой век, не пытаясь препятствовать крушению...

**

– Эй, белобрысый!..

Саулюс обернулся. Сзади стояла компания – многих Саулюс знал, это были дети, постоянно живущие в поселке. Но был среди них кое-кто новый, на вид старше Саулюса и всех деревенских. На нем, несмотря на жаркую погоду, была плотная красная клетчатая рубашка с закатанными рукавами.

– Подойди, – сказал клетчатый.

Поколебавшись, Саулюс остался на месте.

– Подойди!

– Ты кто? – спросил Саулюс, улыбнувшись. – Я тебя не знаю.

На секунду показалось, что клетчатый сбит с толку. Но это была видимость – клетчатый резво подскочил и дал Саулюсу по зубам. Ноги Саулюса подкосились, и он неуклюже завалился на бок.

– Аугустас, ты чего? – спросил кто-то из деревенских.

– Деньги давай! – скомандовал Аугустас.

Саулюс помотал головой:

– Нету.

– Деньги! – Клетчатый замахнулся ногой.

Саулюс зажмурился и разжал кулак. Там лежал рубль, выданный бабушкой на хлеб. Незнакомый вертлявый поляк, стоявший за спиной Аугустаса, выскочил и поднял его. Аугустас пнул пыль перед лицом Саулюса, развернулся и пошел. Остальные потянулись вслед за ним. На лежащего никто не смотрел.

**

– Саулюс, ты идешь в церковь?

Воскресным утром бабушка стояла против лежащего на диване внука.

– Не хочу.

– Саулюс! – строго сказала бабушка. – Ты даже гулять в поселок больше не ходишь. Сидишь только дома. Пойдем.

– Сама иди в свою церковь! Бога нет! Он воняет мокрой собакой!

– Саулюс!

– Не пойду! Нет! Нет!

Бабушка ушла одна.

Старые ритуалы больше не помогали. Да они и не могли помочь. Саулюс с сожалением вздохнул. Чертей, как и бога, не существовало. Вчера в лесу Саулюс в злобе расшвырял ногами свое святилище, которое он годами любовно создавал и которое помогало ему держаться на плаву. Святилище, вокруг которого была выстроена целая устойчивая система. Святилище, защищавшее его все эти годы от врагов.

Первым делом после прибытия Саулюс принес в жертву чертям белую мышь, привезенную с собой из города. Но ее отрезанная голова со вставленным между зубами орехом не помогла. Разбитые Аугустасом губы саднили, неопровержимо доказывая это. Саулюс больше не чувствовал почвы под ногами, не чувствовал на что ему теперь опираться. Он был жертвенным козлом, которого отвергли все – и боги, и черти. Животным, брошенным на потеху неверующей толпе.

Целое лето. Саулюс содрогнулся. Проблемы неминуемы – избежать походов в поселок невозможно, а что из себя представляет Аугустас ясно как божий день. Просто так он не отстанет.

**

– Поросе-о-о-о-нок!

Спускался вечер. С Балтики тянул прохладный ветер.

– Поросе-о-о-о-нок! – снова раздался протяжный зов. Саулюс побежал не оглядываясь. Сзади раздался топот множества

ботинок. Солёный запах моря, проходя через разгоряченные рты, наполнял их вкусом крови.

Погоня длилась недолго. Саулюса вскоре догнали и толкнули в спину. Потеряв равновесие, он грохнулся на землю. В небе висела беременная луна.

– Ты нас избегаешь, поросенок?

Толпа заржала. Это была компания Аугустаса, возглавляемая им самим. Саулюс по очереди смотрел на них, ничего не отвечая.

– Не бойся нас, поросенок. Мы не кусаемся. Правда? – Аугустас оглядел своих.

– Видишь? Никто тут не собирается тебя есть.

Снова раздался взрыв смеха.

– Пойдем с нами... Давай...

Тот самый вертлявый поляк подал Саулюсу руку. Саулюс поднялся, отряхивая штаны.

– Мне домой пора, – сказал он негромко. – Бабушка будет ругаться.

– Не бойся... тебя как звать?

– Саулюс.

– Не бойся, Саулюс. Все будет хорошо. Идем с нами.

Саулюс огляделся. Вариантов не было.

В поселке Аугустас повел их к дому Вишняускасов. Это была летняя дача одного певца. Он редко тут появлялся, предпочитая проводить время отпуска с семьей ближе к морю. Однако за домом регулярно следили, он был вполне приличного вида, не запущенный.

Аугустас остановился около задней двери, и с довольным видом достал из кармана ключ. Раздались одобрителльные возгласы.

– Давай, поросенок, – Аугустас вручил Саулюсу ключ и подтолкнул к двери.

– Что делать?

– Открывай!

Саулюс вставил ключ в замочную скважину и повернул, надеясь, что ключ не подходит и застрянет на полпути. Однако все прошло как по маслу, дверь скрипнула, приоткрывшись.

– Без шума, – предупредил Аугустас.

С необходимыми предосторожностями они вошли. Аугустас зажег свет. Саулюс огляделся. Они стояли в просторной гостиной, уставленной по стенам диванами. Окна были плотно завешаны шторами. Посередине лежал ковер. На одной из стен было подобие камина.

– Шик! Располагайтесь, пацаны.

Все расселись, остались стоять только Саулюс и Аугустас.

– А ты чего?

– Мне надо домой, – снова сказал Саулюс.

– Вы слышали это? – сказал Аугустас, вызвав очередной взрыв хохота. – Поросеночек хочет домой.

Саулюс присел на краешек одного из диванов.

Аугустас прошелся по комнате, заглядывая по углам. В одном из углов, за диваном, обнаружился мини-холодильник. В нем стояло несколько бутылок водки: обычной «Пшеничной» и незнакомой *Finlandia*.

– О-го-го! Гуляем, пацаны!

Нашлись стаканы. Аугустас разлил одну из бутылок на всех. Сам выпил первым, подавая пример. Следом выпил поляк, поморщившись. Потом остальные, давясь и откашливаясь. Остался один Саулюс.

– Я не буду, вы чего.

– Пей давай, поросенок!

– Не буду.

– Пей, а то вольем.

Саулюс нерешительно поднял стакан.

– Залпом, лучше пойдет.

Однако Саулюс не послушал совета и начал пить маленькими глотками, как молоко. После второго в горле разлилось невыносимое жжение. Водка стала там, и дальше проходить отказывалась. Саулюс поперхнулся, разбрызгивая изо рта напиток. Все засмеялись. Кое-как Саулюсу удалось протолкнуть остатки.

– Молодец. По второй?..

После третьего или четвертого круга Саулюс поплыл. На него словно набрасывали одно одеяло за другим, звуки, образы, запахи отодвигались все дальше, бросая его сознание наедине с самим собой. Чтобы сформулировать мысль, нужно было невероятным образом сосредоточиться. С каждым новым одеялом, Саулюс проваливался на тысячу лет назад, к пещерному человеку. Он уже не мог думать словами, слогами, разноцветные пятна мелькали, кружились, тянули за собой куда-то вниз, в теплое, мокрое...

Когда Саулюс очнулся, из-за штор пробивался дневной свет. Он лежал на заблеванном кем-то ковре, в незнакомой комнате.

– Бабу... – слово застряло в сухом горле. Саулюс судорожно сглотнул. Слюны не было.

– Бабушка.

**

После ночного отсутствия бабушка не отпускала Саулюса ни на шаг. Она решила, что он связался с компанией ребят из поселка, и они дурно на него влияют. Бабушка ежедневно часами молилась за спасение заблудшей души Саулюса, а по воскресеньям водила его в церковь. Саулюс покорно сносил все это, о событиях той ночи он не обмолвился ни словом.

В поселке он показывался теперь исключительно с бабушкой. Иногда он замечал парней из компании Аугустаса, которые равнодушно следили за ним, но никаких действий не предпринимали. Самого Аугустаса не было видно.

Шло время. Саулюса мучала скука. Заняться было нечем. Читать в доме бабушки, кроме старой библии, еще дореволюционного издания, со старой русской орфографией, было нечего. Когда Саулюсу окончательно наскучило играть во дворе в мяч, он с неохотой, лишь бы чем-то себя занять, принялся за Ветхий завет.

**

Однажды бабушка заболела. Два дня она лежала в постели, ходила в ведро, стоящее рядом, и почти ничего не ела. В доме

не было никаких лекарств, кроме сушеного зверобоя и еще каких-то растений с поля. Саулюс подолгу стоял возле нее, чувствуя жар, исходящий от старого тела, не зная, что делать, чем помочь.

На третий день бабушка позвала его, и сказала, идти в поселок, звонить маме. «Худо дело», – сказала она. Предчувствуя недоброе, Саулюс пошел.

Его прихватили, когда он вышел с почты после звонка и уже было решил, что все пройдет гладко. Его прихватили и погнали вдоль улицы, с чувством и расстановкой. Они шли за ним, заложив руки в карманы, а ему – ему деваться было некуда. Они гнали его в глухой тупик, окруженный заборами.

– Ты сдал Аугустаса.

Они не спрашивали. Они утверждали.

– Вонючая крыса. Сдал.

Говорил поляк. Аугустас стоял позади с сигаретой в зубах.

– Это не я, – сказал Саулюс тихо.

– Не ты? Ты остался там, а проспавшись, пошел и сдал.

– Я не крыса!

– А вот сейчас мы и проверим!

Саулюс смотрел на них. Вон тот парнишка, с краю, кажется, его зовут Томас, бледный и худой, стоит, переминаясь с ноги на ногу. Наверное, он и сдал. А не он – так кто-то другой. Может, поляк. Недоволен лидерством заезжего пижона. Гиены. Жрут друг друга без совести.

– *Поросе-о-о-о-нок!..*

Аугустас вышел вперед и негромко произнес старое прозвище, привлекая внимание.

Саулюс стоял, озираясь. Бежать было некуда. Сердце колотилось, бесполезно тычась в ребра, как слепой щенок. Саулюс закрыл глаза, а когда снова открыл их – произошло подлинное чудо.

В конце переулка *явился* Паулюс.

– Привет, девчонки, – сказал он.

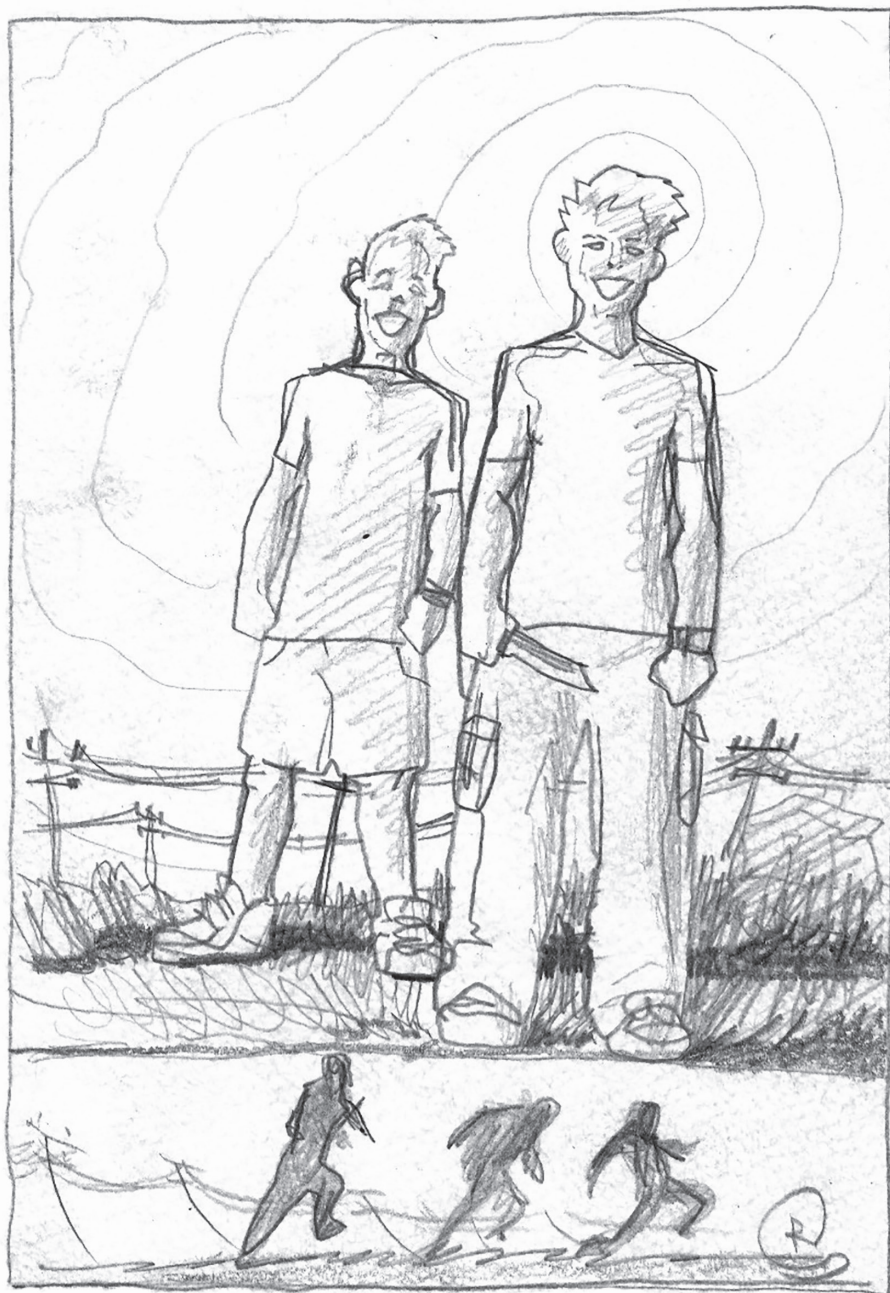
Аугустас открыл было рот, чтобы сказать что-то, однако сделать этого не успел. Паулюс ловко достал из-за пояса выкидной

нож. Без лишней бравადы, вроде красивого размахивания в разные стороны. Ясно было – настроен серьезно.

– Твои проблемы закончились, брат, – сказал Паулюс улыбаясь. – Теперь все будет по-другому.

Дети бросились врассыпную. Саулюс впервые за долгое время расхохотался.

Бог – это любовь, бог – это смерть, это Паулюс с ножом в руках, это мокрая собака, скалящая зубы, это темная кровь причащения, струящаяся из отворенных вен.

3. ТАРАКАНЫ

Еще до того, как братья Раманаuskэй стали работать вместе в автомастерской, они жили порознь. Саулюс жил в Клайпедe – с отцом, а Паулюс жил в одном каунасском общежитии. Так как Паулюс ничего больше не умел, работал он охранником в главном на то время торговом центре в Каунасе – «Соласе». Его график был сутки через двое. На работе он занимался тем, что ждал конца работы. Это требовало определенной выдержки. Паулюс часто нажирался в говно...

Вот уже около месяца Паулюс ни с кем не разговаривал после того, как выходил из «Соласа». Да и в нем он был не слишком-то общительным. Это не то, чтобы было свойством его характера, но люди, с которыми он столкнулся на работе... не нравились ему. Паулюсу вообще не нравились люди. Вся эта лживая людская порода.

После работы он ехал домой, по пути заходя в магазин, где брал две бутылки водки, две пачки сигарет и все остальное, что ему требовалось. Неизменными оставались только водка и сигареты. Дома было пусто. Его домом была комната в общежитии. Во всем здании – никого кроме него и коменданта. Комендант тоже не нравился Паулюсу... Паулюс старался не иметь с ним никакого дела.

От одиночества Паулюс ощущал себя сильнее...

В ту ночь Паулюс сидел в своей каморке и смотрел в окно. Из окна ему были видны кроны голых деревьев. Медленно падал снег... В его комнате горит только одна красная лампочка... посередине комнаты стоит стол... Свет освещает стены, испещренные надписями, рисунками, подписями и отрывками стихотворений Д. Мильтона... Стол, на котором стоит бутылка водки и пепельница... Бычок еще дымится... две смятые кровати по разные стороны стола... еще две кровати, ближе к двери... Паулюс жил один в комнате, предназначавшейся для 4-ых... пара стульев... и все... никаких телевизоров или компьютеров. Разве только на подоконнике стоит магнитофон, а рядом лежат две аудиокассеты. Элвиса и Бетховена. Паулюс включил 9 симфонию...

Затем он встал на стул и воздел руки к потолку...

Увидев у себя на подоконнике паучка, Паулюс открывает окно... он сдувает его наружу... паук закружился среди снежинок...

Паулюс в том состоянии, когда человек выключается от выпитого алкоголя, спит несколько часов, потом просыпается и не может уснуть. Или не хочет. К счастью, оставалась еще треть второй бутылки... Паулюс снова стоит на стуле с простертыми к потолку руками... За окном все так же... идет снег... между рощей и его окнами горят фонари... *К чему я себя готовлю? К смерти? К чему-то великому? Что же все это значит?*

Паулюс смотрел в окно, когда услышал этот странный звук, доносящийся из коридора, – примерно оттуда, где поворот в туалет. Как будто кто-то тащит мебель по коридору. Паулюс прислушался. Черт, уже три часа ночи. Что это может быть? Звуки приближаются... У самой его двери они прекратились. Секунд через десять раздался осторожный стук в дверь... Паулюс достал револьвер из-под подушки...

– Кто там?

Дверь открылась и из-за двери показался худющий паренек с невыразительным лицом.. на нем была армейская куртка. Его глазки бегали, и напоминал он крота.

– Здравствуй. Я не поздно? – мерзкий тихий голос.

– Ты кто?

– Меня зовут Клаудестинус. Я принес тебе холодильник, – Клаудестинус захихикал.

– Спасибо, но с чего ты взял, что мне нужен холодильник?

Клаудестинус еще раз загадочно захихикал. Он выглядел странно в этом освещении. Светотень делала его лицо похожим на маску трупа.

– Я ни с чего не взял. Если не хочешь – не бери. Но учти: я тащил его с третьего этажа...

– Нахуй мне нужен твой холодильник? – повторил Паулюс.

– Это не мой холодильник, я нашел его на свалке... но он работает... я проверял... а у тебя, как вижу, нет холодильника... я подумал, может, он тебе нужен?

– Откуда ты это узнал? что у меня нет холодильника?

– Я и не знал... только сейчас увидел...

Паулюс оставил револьвер на подоконнике, подошел к Клаудестинусу и остановился. В глазах гостя светилось безумие. Клаудестинус протянул руку. Паулюс продолжал стоять со сцепленными сзади руками.

– Ладно, я возьму твой холодильник из сострадания к твоим страданиям, понял? Мне не нравится твоя рожа, но холодильник я возьму. Спасибо. Все, да? А ТЕПЕРЬ УЕБЫВАЙ НАХУЙ ОТСЮДА!

– Хорошо-хорошо... как скажешь... – Клаудестинус снова взялся за дверную ручку.

– погоди. В какой комнате ты живешь?

– 345.

– Хорошо. Я к тебе как-нибудь зайду. Но если ты еще раз придешь сюда, я тебя убью. Поняли ли мы друг друга?

Клаудестинус закивал головой, восторженно хихикая. Паулюс запер за ним дверь...

...И уставился на холодильник. Прошла минута прежде чем он отважился его открыть... Внутри было пусто и грязно, но что это бегают под ногами? Это были тараканы, сотни тараканов различных размеров! Они выбежали из холодильника и растекались по полу...

Ноги Паулюса машинально запрыгали по ебаным гадам. Из глотки Паулюса вырвался оглушительный смех... Паулюс не понимал, какого черта происходит, просто танцевал и смеялся. Тараканы под его ногами были оглушительно смешными...

Танец Паулюса закончился раньше, чем закончились тараканы. Вот он сидит на столе, свесив ноги, пьет оставшуюся водку и курит оставшиеся сигареты...

Наконец, он слезает на пол, не без труда взгромождает холодильник себе на спину и несет его на третий этаж... В комнате 345 – тихо. Паулюс ударяет ногой в дверь, сорвав замок, дверь распахивается и Паулюс видит чистую опрятную комнату... Белые обои, убранные кровати... пушистый ковер... С люстры свисает синяя гирлянда... пахнет мандаринами... «Норка хоббитов какая-то...» – подумал Паулюс. Клаудестинаса в комнате нет. Здесь

живут девушки. Сейчас они все разъехались к родителям... В связи с праздниками... Паулюс вталкивает холодильник в комнату, закрывает дверь и направляется к себе...

Он так и не понял, какого черта произошло в ту ночь и происходит постоянно в его жизни... и кто такой этот Клаудестинус он тоже так и не узнал... Он слышал потом какие-то странные истории о парне, что бродит вокруг общежития по ночам и иногда дронит из кустов на мимо проходящих девушек... но сам он его больше никогда не видел. Еще он слышал о некоем Клаудестинусе, но тот родом из Мажейкяй, пишет стихи про бесов и меняет веру, как пиджак. Сначала он был православным, потом стал иудеем, потом ударился в католичество... Паулюс видел его фотографию. Мудак, конечно, но это был другой парень. Хотя... все люди похожи один на другого... как тараканы...

В этой мысли Паулюс был твердо убежден и до этого случая, и после.

4. ПАК

Каунтрус Раманаускас был терпеливым мужиком. Эту черту он унаследовал от своего деда, тот всегда говорил внуку «не спеши, а то не успеешь», «терпение и труд все перетрут», «кто рано встает, тому Бог дает». По этим дедовским законам Каунтрус и старался жить – не спеша, основательно и положившись на волю Божию. Размеренно. Готовя себя сам неизвестно к чему. Он много работал, чаще всего на поденных работах. Низкооплачиваемых, тяжелых и непостоянных. Но работу находил себе всегда, выполнял ее добросовестно и честно, на прокорм хватало. С будущей женой Каунтрус познакомился в поликлинике, куда забрел совершенно случайно, – он почти не болел, тяжелый физический труд с самого детства словно вырубил его тело из куска сосны, растущей на косе, – сделал прочным и легким; он весь словно состоял из жил. Его ухаживания были такими же основательными и неспешными, как и вся его жизнь до встречи с медсестрой. Времена тогда были другими, – в советской Клайпеде не было большого количества мест, куда можно сводить девушку, да и денег ни у кого не было. Но Каунтрусу повезло, – будущей супруге больше всего нравилось обнимать деревья на Косе и бесконечно смотреть в волны суровой Балтики, в этом они были удивительно похожи. Период ухаживаний не затянулся, их благословили родители, и они поженились. Свадьба была скромной, а Советская власть в те времена еще раздавала молодоженам бесплатные квартиры. С женой Каунтрус жил душа в душу, и даже несмотря на небольшое количество денег, мыслей о том, что они не смогут прокормить детей, у них не возникало. Через год после свадьбы у них родился первенец Саулюс, роды были очень тяжелыми. Еще через год на свет появился Паулюс. И эти роды оказались для мамы смертельными.

Несмотря на то, что к моменту рождения братьев Каунтрусу было уже за 40, для своего возраста мужиком он оставался крепким, и старался вырастить крепкими и своих детей. Коса, Балтика и «Тропа здоровья» стали для них одновременно песочницей, детским садом и церковью. Отец в своей манере – молча-

ливо воспитывал братьев в том же духе, в котором был воспитан и сам, – спокойными, уверенными в необратимости происходящего и готовыми к трудностям. Такими они и росли. Отец так и не смог найти себе новую спутницу жизни, он даже не предпринимал никаких попыток на этот счет, говоря, что второй такой он уже точно никогда не найдет. Так они и жили втроем. Когда же пришло время делать выбор, что братьям делать в жизни дальше, Саулюс пошел по стопам отца, устроившись чернорабочим в порт, а Паулюс поступил на Каунасский гуманитарный факультет Вильнюсского Университета и улетел из родительского гнезда в новую жизнь. На связь он выходил редко, часто не приезжал даже на Рождество с Новым годом, так что Саулюс с отцом жили вдвоем, иногда собираясь после работы за чаем на кухне. Большую часть времени они не разговаривали друг с другом. Саулюс думал о чем-то своем и выходил на балкон покурить, а Каунтрус читал книги по физике. Он был увлечен вечностью, теориями происхождения материи, историей образования вселенной. Иногда он говорил Саулюсу, что пытается разгадать загадки жизни и видит ответы именно в физике. Саулюс относился к увлечению отца спокойно – каждый имеет право заниматься чем-то своим после тяжелого дня на работе.

Спустя несколько лет такой жизни на двоих, Саулюсу позволили. Сухой и равнодушный голос сообщил, что скорая помощь увезла отца в бессознательном состоянии прямо с завода, на котором он работал. Саулюс давно подозревал, что с отцом творится что-то неладное, – он осунулся, стал много спать, перестал ездить на косу и забросил свои книжки. На вопросы о самочувствии отмахивался. В тот день Саулюса не отпустили с работы, поэтому он провел день как на иголках, а вечером помчался в указанную больницу. На регистратуре ему сказали, что отец почувствовал себя значительно лучше и его отпустили домой.

Саулюс вошел на кухню. Отец, как и всегда, сидел, погрузившись в себя.

– Отец, что с тобой?

– Да ничего страшного. Я просто переутомился. Врачи говорят, что мне нужно взять отпуск.

– Хорошо, – Саулюс не поверил в сказанное, но и допрашивать отца не стал. Он вышел из кухни и набрал номер брата. Телефон был недоступен.

На следующий день после происшедшего Каунтрас взял первый за последние несколько лет отпуск. Ему словно стало лучше от одного этого факта. Он не стал более разговорчивым, но хотя бы стал ездить на косу. Саулюс продолжал волноваться и звонить брату. Первые несколько недель номер все так же был недоступен. Но однажды Паулюс, наконец, взял трубку.

– Привет, брат.

– Привет. Я не могу до тебя уже месяц дозвониться. Ты куда пропал?

– У меня не было денег на сотовом телефоне. Да и не нужен он мне был последнее время. Я пытался наслаждаться тишиной.

– Брат. С отцом что-то не так.

– Что с ним?

– Он не разговаривает со мной, постоянно спит, пожелтел и похудел килограмм на двадцать, мне страшно на него смотреть.

В трубке воцарилась минутная пауза.

– Брат, ты меня слушаешь? – спросил Саулюс.

– Да, слушаю... мне кажется, у него рак печени. Я читал про это, – Паулюс звучал спокойно, – и видел отца знакомого моего знакомого с такими же признаками. Он умер через несколько месяцев. У отца рак печени.

Саулюс опустил руку с телефоном и нажал кнопку отбоя. Через неделю отца снова увезла скорая. Его нашли в бессознательном состоянии прямо на улице.

**

– Ну, вот и отцу пиздец, – подумал Паулюс, когда услышал в трубке короткие гудки, – вот и отцу пиздец...

Отец всегда казался ему глыбой, утесом, способным устоять перед любыми бурями. Теперь и этот камень был источен жизнью. Теперь и он исчезнет в Небытии. За окном дул холодный ветер. Общага возвышалась над Каунасом, словно громоотвод, притягивающий к себе непогоду. Снег в этом месте никогда не

падал Рождественскими хлопьями, он всегда был колючим и норовил залезть под одежду, принося с собой болезни и чувство отчаянья.

– Мне надо спрятаться. Снова спрятаться.

Ветер надул небольшой сугроб на подоконнике внутри его комнаты, Паулюс всегда рассматривал возможность заклеить щели окна исключительно как гипотетическую.

– Может быть, мне нравится страдать?

Его немного смущало его последнее увлечение резать себя, но ощущение боли и вид крови отрезвляли его.

– Спрятаться, спрятаться.

Единственным местом в общежитии, где можно было спрятаться, был душ. Только там Паулюс чувствовал себя гармонично (он ненавидел это слово, но именно оно отражало это всеобъемлющее ощущение покоя, чистоты и неуязвимости). Под душем было тепло, капли горячей воды разбивались о поверхности, смывая с Паулюса все лишнее. Он говорил с собой и отцом. Иногда вслух, иногда про себя, только ухмыляясь и дергая густыми бровями вверх-вниз.

– Что ж, отец, вот ты и добрался до финиша, – Паулюс стоял под струей воды, с его ног слезала запекшаяся от порезов кровь. – Ты спросишь меня, жалко ли мне тебя? Нет, отец. Ты был хорошим мужиком и не более. Не думай, что из ложного чувства жалости к кому-то, кто является частью моей семьи, я буду распускать тут сопли. Все равно во мне есть только половина от тебя. Общая кровь – одна на двоих – у нас только с братом. Ты так интересовался вечностью... Вот, теперь ты и изведешь то, что она есть такое на самом деле. Каждый получает свое. И вечность мы все однажды получим всем скопом. По очереди всем скопом!

Раны Паулюса немного саднили, но он не обращал на это тактильное ощущение никакого внимания.

– Смотри, отец, как я могу жалеть тебя? Я второй год в эту лютую зиму хожу без зимних сапог. У меня нет денег, я недоедаю. Вокруг меня люди, наполненные всей возможной мелкой человечностью. А ты уходишь, чтобы узнать самую глав-

ную из всех загадок. Тебе повезло гораздо больше, чем мне. Мой час тоже однажды придет... тоже однажды придет... но ведь не сейчас? ты первый на финишной черте. А я пока могу только выпить за твое здоровье. И мне все равно, что это звучит цинично.

Паулюс подставил под струю лицо и глотнул горячей воды.
– Я пью эту воду за твое здоровье, отец.

**

Когда Саулюс пришел в больницу, отец спал. Чтобы не терять времени даром, Саулюс пошел к главврачу. Постучавшись в кабинет с надписью «Главврач», и, не дожидаясь ответа, он распахнул дверь. Внутри, впрочем, не вошел, оставшись на пороге.

– Здравствуйте, разрешите войти? Меня зовут Саулюс. Я – сын Каунтраса Раманаускаса.

Врач выглядел недовольным. Недовольство мелькало в каждой складке его белого халата, в каждой морщине вокруг глаза, в каждом волоске его неуместной щеточки черных усов. Нехотя оторвавшись от какой-то писанины, он кратко бросил:

– Вы войдете, когда я вас приглашу.

Саулюс сказал «хорошо» и закрыл за собой дверь. Коридор этажа был стандартной кислотно-зеленой кишкой с ответвлениями палат. Ни окон, ни цветов в горшках, ни плакатов. Только кишка коридора и искусственный, болезненный свет, выбрасываемый люминесцентными ядовитыми лампами. Воздух стоял душной вонью антисептика. Саулюс просидел возле кабинета более двух часов, после чего дверь открылась, и вышел главврач. Саулюс встал, и уже было сделал шаг по направлению к кабинету, но доктор закрыл за собой дверь и куда-то пошел, не обращая на него никакого внимания. Саулюс со вздохом опустил обратно на скамейку. Доктор вернулся еще через час. Открыл дверь и тут «заметил» сидящего Саулюса:

– Рак печени. Последняя стадия. Осталось 2 месяца максимум. Завтра мы его выписываем домой. Не хватало еще нам здесь с ним возиться, обезболивающие тратить, – бросил он в сторону Саулюса и закрыл за собой дверь в кабинет.

Саулюс вернулся к палате отца.

– Пойдем, сходим в буфет, – Каунтрус накинул на плечи свитер.

Они спустились на первый этаж больницы. В буфете был обычный набор – бутерброды с колбасой, шоколад, чай, коньяк. Саулюс купил по бутерброду и по стакану чая. Отец печально посмотрел на бутылку коньяка, стоящую на витрине:

– Эх, а вот от рюмки я бы сейчас не отказался...

Саулюс потупил взгляд.

– Ты знаешь, – продолжил Каунтрус, – я тут разговаривал с врачом... – он запнулся... – говорю ему «кажется, я знаю, что со мной... я тут слышал одно слово, которое вы произнесли... «метастазы... думаю, у меня температурный дисбаланс тела»... а доктор смеется, гладит меня по голове и говорит «правильно, правильно, так и есть, мы вас завтра выпишем домой...» так что все у меня в порядке...

Саулюс кивнул опущенной головой. Его взгляд все также был направлен на свои руки, держащие стакан с чаем.

**

Отец умирал, брат снова не брал трубку, и Саулюс не знал, как ему быть. Между ним и отцом (а отец был единственным человеком, с которым Саулюс в последний год регулярно общался) образовалась невидимая стена, глядя на отца он не мог ни о чем думать, кроме как о приближающейся смерти... о его приближающейся смерти. Саулюс предпочел бы, чтобы это был он... не из сострадания... просто происходило что-то важное, что-то более важное, чем все остальное, и Саулюс ничего не мог с этим поделать. Саулюс чувствовал это всей кожей... и это чувство разрывало ему сердце. Он не знал, что ему делать с этим чувством, как с ним обращаться. Был ли ответ на этот вопрос?..

Отец – последнее, что связывало его с предками и традициями. Отец скоро умрет. Он носит смерть на лице...

Саулюс все чаще стал ездить на косу. Он бродил по лесным тропинкам обычно до наступления сумерек... тогда он выпивал последний бокал в баре под навесом в ожидании парома и от-

правлялся домой. Куршская коса была тем местом, где он мог спрятаться... в квартире он ощущал себя запертым...

Отец лежит в больнице, умирает, а Саулюс... Сейчас полдень... Саулюс выходит из дома, заходит в угловой магазинчик, покупает там два пива... и ждет маршрутку, сидя на бордюре и попивая пиво... вот он закуривает свой первый косяк за день... во внутреннем кармане куртки – порция грибов... Саулюс чувствует себя хорошо подготовленным для путешествия на косу... он знает, что пройдет много вечностей прежде, чем он вернется домой... Саулюс знает, что когда он вернется домой, ему будет... нормально. Саулюс знает, что пройдет много вечностей прежде, чем он почувствует себя нормально...

Вот он сидит на заднем сиденье в маршрутке... слева... смотрит в окно и прислушивается к своим ощущениям... ему хочется проникнуть в них так глубоко, чтобы обнаружить покой... но сердце его мерно бьется и покой так далек.

Паулюс съедает порцию грибов в туалете, уже на пароме. Должно пройти около часа до первых ощущений. Саулюсу, в принципе, все равно. Он просто пялится на воду, на чаек, на кроны сосен вдали.

Ему захотелось пройтись до новой переправы, туда, куда он обычно не ходит. Минуты идут одна за другой, Саулюс ходит между деревьями... вот он останавливается и забивает косяк... вот он ложится на мох и лежит, наблюдая за тем, как верхушки сосен покачиваются.

Первая же волна накрыла его прямо во время разговора со сторожем яхт-клуба... Саулюс понял, что нечетко различает теперь границы реальности и воображения. А, впрочем, что такое реальность? Это этот сторож или... Саулюс кое-как закончил с ним разговор и отправился в лес.

На руку Саулюса садится муха... Саулюс видит ее во всех мельчайших подробностях... теперь существует только одна муха... даже его нет, Саулюса... только муха... которая неспешно почистила свои крылышки... и улетела... Саулюс встал и подошел к ближайшему кусту... Он присел на корточки и стал внимательно изучать строение этого растения, его суть... Впрочем, если бы

кто-то на следующий день спросил бы у него, помнит ли он, как изучал муху... куст... сосну... он бы ответил отрицательно.

Начался дождь. Даже сквозь кроны сосен просачивалась вода. Саулюс отправился дальше, к морю... Дождь лил, прибой шумел, море Саулюсу открылось с дюны... оно было прекрасно... Саулюс не стал подходить. Он лег на песок, натянул куртку на голову и застегнул молнию... Он лежал на песке и вдыхал воздух через куртку... Какое-то время... По куртке беспрестанно барабанила вода.. Но даже так Саулюс не мог почувствовать себя в полной безопасности... впрочем, это было вполне ничего.. разве что его пугала мысль о том, что надо будет возвращаться обратно... контактов с людьми Саулюс не хотел совершенно. Все, что угодно, только не люди... эти стражи зла.

Но ноги почему-то сами, шлепая по лужам, привели его в игровые автоматы, туда, где собиралась конченная шваль... И Саулюс был одним из них. Он зашел в капюшоне и старался не вертеть головой. Его интересовал только аппарат. Саулюс был один на один с аппаратом и его танцами, песнями и огнями, и Саулюс проиграл. Всю зарплату, что у него оставалась. Около 200 евро. У него не оставалось даже сигарет, а все деньги только что проиграны. Но он не мог попросить сигарету у прохожих, и, дрожа от холода, он кое-как добрался домой, и закрыл все двери, и выключил свет и лег в кровать без последней сигареты...

Саулюс накрылся одеялом, и ему захотелось остановить этот миг, и остаться в нем навсегда... только теперь он мог бы сказать, что чувствует себя наконец-таки *нормально*. И у Саулюса не возникало никаких вопросов по этому поводу. Стены были родными... повсюду вокруг смерть, а вот здесь, под одеялом, теплится жизнь... Жизнь, о которой не знает никто. Только Бог и Саулюс.

**

«*Все в говне, один я в белом фраке*», – думал Паулюс. Он действительно сидел в новехоньком белом фраке. А вокруг действительно было сплошное говно. Барак Аляксото был тем

самым местом, где погибали птицы, добрые феи и благотворительность. Их останки сжирали крысы, выбравшиеся с кладбища мертвецы и тараканы. Паулюс был одинок и настроен меланхолично, даже несмотря на то, что только что «купленный» фрак сидел отлично. Чтобы добыть его, пришлось изрядно поработать над портным.

«Все в говне, один я в белом фраке, даже брат в говне. даже Бог в говне. А моя фрачная бабочка ревится, словно просит немного воздуха, словно она сейчас улетит отсюда. Я слышу, как снег садится на подоконники. Я слышу чье-то дыхание, пусть комната и пуста. Разве это не прекрасно? Я смотрю в свои глаза в зеркале, и меня не удивляет, что я хочу этого выстрела, – Паулюс погладил лежащий рядом ствол, – на самом пике, я выпущу себе пулю в лоб. Когда все вокруг будет засыпано снегом. А я буду одет в этот самый белоснежный фрак, сотворенный руками Божьими!

Паулюс посмотрел на свои руки, разглядел прожилки, грязные ногти, порезы и язвы. Руки все еще оставались в этом бараке. Они не принадлежали миру белого фрака. Они стояли в одном ряду с крысами. И ласкали ствол.

Паулюс снова подошел к зеркалу покрасоваться, натянуто улыбнулся. Фрак не приносил радости. Руки и глаза выдавали несовместимость. Он вышел из комнаты и начал стучать в соседнюю комнату. Никого не было, потом в следующую, следующую, следующую.

– Чертов барак! чертов барак!

Он вернулся к себе, сел на свою койку, снял бабочку и рывком вырвал из манишки две верхние пуговицы.

– Я буду думать только о фактах этой вселенной: трепанации, смерть вокруг, привязывание, боль, слезы, смерть в каждом движении. Убийство сознания телевизором, ненависть, пожирающая любовь, словно доberman, сошедший с ума и бросившийся на своего хозяина. Деревья, распустившиеся почками предательства. Сумасшествие общностей. Уродливый мир.

Он снова сидел один и слушал скрипку. Откуда она взялась, он не знал. Она звучала, видимо, только в его голове. Нарастая,

нарастая. Чтобы хоть как-то остаться в реальности, он снова схватился за револьвер.

– Я помню эту записку в руках дьявола «Иисус больше не вернется». Скрипка стала звучать еще громче и по его телу разлетелась ужасная боль. Чтобы остановить ее, он снова достал нож и сделал себе еще один надрез на ноге. Пришло легкое отупение, кровь наполняла белый фрак и спустя 5 минут уже начала капать в пустоту и грязь пола.

Звезды сияли где-то на небе, голова кружилась. Он был близок к тому, чтобы отключиться. Скрипка звучала все настойчивее, смешивая реальность белого фрака с кровью, с пустотой барака, с одиночеством.

– Все в говне, а мой белый фрак в моей крови. Птицы все спрятаны по клеткам и Ямайка так далека.

У него перехватило дыхание, и он выключился.

**

Паулюс приехал только на похороны, когда он вошел в здание морга и увидел одинокого брата, стоящего возле гроба, его словно прорвало. Только в этот момент он понял реальность смерти и неизбежность расставания с отцом. Вся его душа, наполненная до этого момента спокойной уверенностью в неизбежности конца, ждущего каждого, взорвалась горем и отрицанием непоправимого. Он упал на колени и зарыдал так горько, как только может зарыдать человек, в одну секунду потерявший часть себя. Часть чего-то неотделимого и крайне важного. Саулюс подошел к брату и с трудом поставил его на ноги:

– Пойдем, простишься.

Он дотащил Паулюса до гроба, работники морга готовились закрыть крышку. Паулюс в последний раз посмотрел на отца и не узнал его. В гробу лежало что-то чужое. Что-то чуждое жизни.

– Закрывайте, – сказал Саулюс.

Они прождали в морге еще час, после чего им выдали гроб. Все это время Паулюс заливался слезами и полной пустотой, а Саулюс одеревенело и механически гладил брата по плечу. Отец

был похоронен на кладбище «Лебартай», находящемся в 5 км от Клайпеды.

На следующий после похорон день Паулюс встал фактически без глаз – они полностью заплыли от рыданий и выпитой накануне водки. Саулюс выглядел лучше. Большинство своих слез он выплакал, ухаживая за агонизирующим отцом, у него просто не было ни на что сил.

– Отец выглядел в гробу ужасно, – сказал Паулюс, наливая брату и себе по граненому стакану водки. – Будто это был не он, а какая-то чужая восковая фигура, причем слепленная не с отца. Грубыми мазками, лишь бы отделаться.

– Это они его еще в порядок привели. Ты бы видел его в последний день агонии. Рак будто всосал в себя всю его суть, не только физическую. Там уже не было отца... Я теперь понимаю, что значит выражение «отмучался». Наш отец именно отмучился. Люди, обсуждающие проблему эвтаназии, никогда не ухаживали за своими агонизирующими родителями. Будь моя воля, я бы сам ему ввел какой-нибудь препарат, чтобы остановить все это.

– Брат, прости, что оставил тебя один на один со всем этим. Я не представляю, как ты все это выдержал. Понимаешь, я сначала не верил в реальность происходящего. Ну, а потом смирился. Это все из-за того, что я был так далеко. Как будто между смертью и мной много километров. Я думал о неизбежности ухода. И что однажды и мы также уйдем. Я не видел в этом ничего страшного, – Паулюс снова затрясся в рыданиях.

– Я прощаю тебя, брат. Надеюсь, мне не придется пройти через это все уже с тобой, – Саулюс выпил залпом водку.

Услышав эти слова, Паулюс сразу утих.

5. ПОИСК ЧИСТОТЫ

Дверь в подвал тугая, из расслоившейся фанеры, заедает, нужно приложить усилие, чтобы открыть ее. К подвалу не спеша подходит Паулюс. Он останавливается перед ступеньками, ведущими вниз, разворачивается лицом к солнцу и закуривает. Из подвала доносится девчоночье поскуливание. Паулюс тушит сигарету и спускается.

– Саулюс, я вернулся.

– Принес?

Паулюс достает из внутреннего кармана куртки песочные часы и демонстрирует их брату. Саулюс расплывается в улыбке.

– Хорошо, просто отлично, – говорит он.

Эту сцену наблюдает еще кое-кто. Но уже не поскуливает. Страшно. Она сидит, примотанная скотчем к стулу. Во рту резиновый шарик, пристегнутый к голове, – такой, какой использовали в фильме против Марселаса Уоллеса⁴. С болезненным вниманием она следит за братьями. Не может оторваться. В паспорте, который валяется на полу, написано имя Скайсте Буткуте. Но братья не обращаются к ней по имени. Что значит имя?

– Как она? – спрашивает Паулюс.

Саулюс улыбается и кивает в ее сторону:

– Сам видишь.

– Выйдем, покурим.

Братья выходят. Прикуривают.

– Ты псих, – говорит Саулюс и, качая головой, смеется. – Просто псих.

– А, грандиозная идея, да? – Паулюс широко улыбается.

– Невероятная!

**

Две недели ушло на то, чтобы найти подходящую девушку. Скайсте – это все-таки немного старомодное имя. Братья уж начали было думать, что придется отступить от первоначального

4 Фильм К. Тарантино Pulp Fiction.

плана и использовать старую женщину, но тут у Саулюса родилась идея.

– Это чистая математика, брат, – сказал он. – Смотри. Из Литвы, как мы слышим, уезжает много людей. Сейчас, мол, чуть ли не два миллиона людей только осталось. Если откинуть русских и поляков, будет и того меньше. Половина, даже больше, из них женщины. Это дает нам около миллиона. Уполовиним эту цифру по возрастным ограничениям. Пятьсот тысяч.

Паулюс смотрел на него непонимающими глазами.

– Интернет. Ключевое слово, брат. Интернет. Думаю, минимум половина женщин нужного нам возраста сидит в сети. По самым скромным оценкам – это сто тысяч. Как ты думаешь, сколько их них носят имя Скайсте?

Саулюс открыл свой потрепанный *RoverBook* и ввел в адресную строку браузера *google.com*.

– Брат, это невероятно, – сказал он. – Смотри.

Результат запроса «*skaiste site:facebook.com*» дал ошеломительный результат. Около 12200 Скайсте всех возрастов. С подробными анкетами и проч. Паулюс засмеялся.

Дальнейшая техническая часть была несложной. Опираясь на интуицию и основываясь на простых критериях: хорошая биография, никаких брюнеток, никаких карих глаз, – по результатам изучения пары сотен анкет, братья выбрали около двадцати из них.

С поддельного аккаунта всем было разослано одинаковое письмо, содержащее тот самый отрывок из Шекспира. В течение нескольких дней ответили две.

Они были не прочь встретиться в любое время.

– Орел или решка, – сказал Паулюс.

Монета достоинством одно евро решила судьбу.

Вечером Скайсте, Скайсте Буткуте, уже лежала в их грузовичке на пути к подвалу, накрытая брезентом.

**

Все начинается с этих строк Шекспира:

Ты б был собой, не будучи Монтекки.
 Что есть Монтекки? Разве так зовут
 Лицо и плечи, ноги, грудь и руки?
 Неужто больше нет других имен?
 Что значит имя? Роза пахнет розой,
 Хоть розой назови ее, хоть нет.
 Ромео под любым названьем был бы
 Тем верхом совершенств, какой он есть.

– Что ты думаешь об этом, брат? – говорит Паулюс.

– Я думаю, что это не по-христиански, – говорит Саулюс. Братья сидят друг напротив друга в продавленных креслах. На столике перед ними громоздятся пустые бутылки из-под темного пива, с горлышками, измазанными пеплом. Несколько десятков бутылок стоят на полу тут и там. Грязно, полутемно, играет вторая симфония Брамса ре-мажор, опус 73.

– Это не по-христиански. Воинствующий материализм. Пизда пахнет пиздою, хоть пиздою назови ее, хоть нет.

– Ха-ха-ха, брат. Ты противоречишь сам себе.

– Я издеваюсь.

– Нельзя издеваться над Шекспиром, это грех.

– Ничто не грех. Все дозволено.

– И все же.

– Я думаю, старый Уилли тут не прав. Этот диктат материи меня смущает. Он говорит нам, эй, эй, слушайте, весь ваш язык, вся ваша философия, все ваши идеи, они ничего не значат. Это все игра. Вы ничем не отличаетесь от пещерных людей.

– От пещерных людей, впервые нюхающих пизду и размышляющих как бы ее назвать!

– Думаю дело в том, что Шекспир не был идеалистом. Он – практичный человек, писал стишки, получал гонорар, мчался в паб промочить горло старым добрым ирландским элем. Идеи его интересовали лишь в той их части, которая монетизировалась. Это не по-христиански, брат.

Саулюс отхлебывает из бутылки. Воцаряется тишина. Братья пьют и курят.

– Как-то, – наконец говорит Паулюс, – я был с одной девчонкой. Недолго. Полгода кажется. Может, меньше. Она была идеалисткой. Скайсте⁵, так ее звали. Символично, очень символично, думал я. Чистая. Католичка. Но сразу я не придал этому значения. Помню, выхожу как-то из бара. Пьяненький. Звонит. А у меня хорошее настроение, отличное настроение. Луна эта. Вечер. Тихо – так, что можно услышать как ангелы пердят на небе. А мне, когда я с девчонкой, никогда плохо не бывает. И я радостный, несу всякую чушь в трубку. Не очень-то слушаю, что она отвечает. А она начинает говорить о том, что у нас хоть все и хорошо, но кое-что ей во мне не нравится. Тут я замолкаю. Она говорит, у тебя не видно пресса, Паулюс, тебе нужно пойти в спортзал. Ты не брешь подмышки, Паулюс, они быстро начинают вонять. У тебя нет цели в жизни, ты не стремишься ни к чему, ты хочешь лежать на диване. Ты постоянно пьешь. На тебя никогда нельзя положиться. Ты можешь пообещать отвезти меня, а сам идешь пить с братом. Ты и сейчас пьяный, что ты молчишь, Паулюс? Почему ничего не отвечаешь? А я знаю, что нельзя ничего отвечать, потому что это глупый разговор. Все эти претензии означают вовсе не то, что они означают. Она просто чувствует, что я не принадлежу ей, и ее это страшно бесит. Ей нужно продавить меня, заставить оправдываться, втянуть в эту липкую паутину. А когда она завладеет моей волей, она сможет крутить как угодно. Полгода, и вот к чему все пришло. Я бросил трубку. Она перезвонила, но я не стал брать. Просто пошел домой, мне нужно было на работу с утра.

Братья открывают еще по бутылке.

– Чем все кончилось?

– Да ничем не кончилось. Такие истории никогда не заканчиваются. Один бесконечный приторный джем. Она мне говорит, знаешь, Паулюс, мы бы могли остаться друзьями. Возможно, мы бы могли продолжать заниматься сексом, но я считаю себя христианкой. Понимаешь, я серьезно к этому отношусь? И я думаю, это было бы неправильно.

– Так и сказала, христианкой?

– Именно так.

– Это пиздец, брат.

– Да.

И снова тихо. Потом:

– Знаешь, нам надо кое-что сделать, – говорит Паулюс. – У меня есть одна идея.

**

– Думаешь, придется ее отпустить?

– Не знаю, Саулюс. Не хотелось бы. Она нас сдаст.

– Сдаст, это точно.

– Но как иначе проверить? Я не знаю способа.

– Мне тоже ничего не приходит в голову.

– Как понять испортили ли мы ее или нет. Понять сразу. Через пару-то лет, ясно будет, получилось или нет. Видно. Но сейчас... Мы можем утешать себя лишь тем, что сделали все, что могли.

– Почти все.

– Да, почти. Осталось последнее.

– Но она хорошо держится. Я начинаю серьезно верить в незыблемость идей.

– Думаешь? Давай еще раз. Мы все хорошо проверили. Скай-сте Буткуте. Двадцать один год. Рост метр семьдесят. Светлые волосы. Серые глаза. Место рождения – Каунас. Учится в медицинском университете. Хорошие родители. Отличное воспитание. (Думаю, пианино и балет). Есть постоянный парень. Уже два года. Живут вместе. Христианка. Что еще? Ах да, регулярно занимается общественной работой, помогает детям, бездомным. Как думаешь, животным тоже?

– Конечно!

– Помогает животным. Активная гражданская позиция. Гражданин Европы.

– Что это значит?

– Не знаю, так написано на ее страничке в Фейсбуке. Как и все остальное. Чистая.

– Чистая.

В подвале Паулюс достает нож и показывает его девушке.

– Видишь?

Она кивает.

– Будешь скулить?

Получив заверение, что нет, Паулюс отстегивает кляп, а Саулюс переворачивает песочные часы и ставит их перед стулом.

– Говори, – приказывает он девушке.

– Что, что вам нужно от меня? Что говорить-то? – она поперхивается.

Братья переглядываются.

– Дай ей воды, – говорит Паулюс.

Саулюс открывает бутылку воды, стоящую рядом, и, придерживая горлышко рукой, дает девушке сделать несколько глотков.

– Говори, что у тебя на сердце, – говорит Паулюс.

– Вы хотите изнасиловать меня? Убить? Зачем вы похитили меня? Вы понимаете, что меня будут искать? У меня очень влиятельные родители! Вас найдут! Вас найдут, понимаете? Вы вообще понимаете, что творите? У вас же нет сердца. Вас найдут. А когда это случится, я добьюсь справедливости. Вы понимаете? Я добьюсь справедливости. Вас накажут. Вас обязательно накажут. В мире есть справедливость. Вся Европа построена на принципе справедливости. Вам крышка, вы понимаете это? Вы понимаете?..

Она расходилась все более. Стала использовать в своей речи мат. И говорить всякие отвратительные вещи. Прислушиваясь к ее словам с научным интересом, братья даже не улыбнулись, когда она назвала их педиками и сказала, что отрежет им члены и поменяет их друг с другом местами.

Последняя песчинка в часах падает вниз. Саулюс смотрит на брата. Паулюс кивает. Саулюс коротко и сильно бьет с правой в висок девушке, и та теряет сознание. Паулюс разжимает лезвием ее зубы и, осторожно примерившись, вырезает язык. Задняя поверхность языка покрыта белесым налетом. Грязь. Как они и думали.

– Придется выколоть ей глаза.

– Само собой, – Паулюс пожимает плечами.

Обезьянка не видит, обезьянка не говорит. Сколько времени пройдет, прежде чем они смогут получить ее показания? Сколько человек будут похожи на их нечеткий словесный портрет? Ответ

на оба вопроса один и тот же – достаточно. Достаточно для того, чтобы спать спокойно.

В наступающей темноте братья выносят Скайсте из подвала и сажают ее под деревом. Аккуратно кладут отрезанный язык на колени. Ветер шуршит опавшими листьями. По губам девушки еще стекают струйки крови. Они собираются на подбородке и каплют на грудь.

Братья становятся рядом, стягивают перчатки и закуривают.

– Ну что, мы сделали все, что могли, Саулюс?

– Думаю, да, брат. Думаю, да.

6. ПОТВОРНИКИ ВЕЧНОСТИ

– Слушай, брат, – Паулюс выглянул из салона их грузовичка с тряпкой... – Я так давно не был в Клайпеде... И все, что видел все это время ... ну, с тех пор, как ты меня устроил в автомастерскую, и до недавнего времени, когда мы уволились, – это работа, бар, кровать, работа, бар, кровать... Что в Клайпеде вообще есть? Чем тут социум дышит... так сказать, элита...

– В Клайпеде нет элиты, брат, – ответил Саулюс мгновенно, – здесь все – провинциальные фаршмаки. Бессильные, бесполые. Есть пара уродов, пара психов, но это крайние случаи. Им просто срывает башню иногда... от ревности... от зависти... они никогда не попадут на Ямайку... варятся в своем говне... и способны они обычно только на разные мелкие пакости... Говно! Это уже само по себе достаточное наказание. Но есть и другие. Менее «агрессивные», ха-ха. Они мне вполне понятны, правда, словами я этого объяснить не могу... пингвины... хотя... сейчас, брат. Секунду...

Саулюс вставил наконецник шланга в ниппель последнего, четвертого колеса их грузовичка. Когда табло показало нужные цифры, Саулюс вытащил шланг, вкрутил колпачок и повесил шланг на место. Затем он посмотрел на часы, уже час, до баскетбольного матча *Žalgiris – Rytas* остается 8 часов... Ремонт и профилактика их грузовичка окончены, он достает сигареты из нагрудного кармана, садится на капот и закуривает...

– Знаешь, брат, есть такие персонажи, которые воспитываются наверное... так, что считают свою духовную ограниченность, скудоумие и... даже не наивность, а... так сказать, *пиноккизм*... исключительными...

– Продолжай, брат. Это интересно. Только вот я не совсем понял про пиноккизм... – Паулюс вышел из машины и тоже закурил.

– *Пиноккизм* – это когда люди живут свои говняные жизни, кормят своих маленьких бесов, но при этом совершенно убеждены, что они исключительны... и возвышенны... обладают возвышенной душой... только потому, скажем, что читают Кастанеду... или там что-нибудь про просветление... Борхес

или Кафка... или Блок... Ну вот они собираются в группы... и организуют литературный кружок... или клуб, как они любят его называть... они не могут не сбиваться в стайки... в кружке они жгут свечи, пьют зеленый чай, едят печенье и читают стихи собственного сочинения... про осень, про взгляды прохожих... про вечность... хвалят друг друга... критикуют... делятся опытом медитации... Братья-очевидцы... у них наверняка какие-то отношения даже между собой есть... парни посвящают стихи дамам... у них там духовное общение, как бы. У них нет ни кишек, ни крови, ни говна в кишках... Состав кружка почти не меняется...

– Так...

– Я с ними даже знаком... Когда-то я туда наведывался. Как шпион... и баб снимал... А какие клички они друг другу выдумывают! «Суровый самурай дождя!» «Адский буран любви!» «Первый воин света»... Может, они и прикалываются так, конечно... только уж очень плоско. Мне не было смешно. Хотя нет. Вру. Адский буран любви – девственница! Ха-ха-ха-ха-ха!

– Я не удивлен.

– Кстати, отгадай, как они себя называют! Ну, в смысле, свой клуб?

– Дай подумать... Может, какие-нибудь «Куртуазные маньеристы»?

– Нет, брат! Ни в коем случае! «Куртуазные маньеристы» – в этом чувствуется намек на говнореволюцию... А наши друзья презирают революционеров! За антигуманность! За жестокость! Всех революционеров! Кроме Пиноккио!.. или Питера Пена! Ха-ха-ха-ха-ха!

Паулюс натянуто улыбнулся. Саулюс отсмеялся вдоволь и сказал:

– А кружок наших перезрелых поэтов называется «Потворники вечности», брат! «Потворники вечности»!

– Потворники вечности? И что же они? «Потворствуют»?

– Совершенно верно! Потворствуют... ха-ха-ха-ха. Давненько я к ним не наведывался... Кстати, сегодня какой день недели?

– Четверг.

– О! Нам повезло! они и собираются по четвергам. В пять. И сидят обычно до восьми. Сам увидишь, что такое *пиноккизм*! У тебя есть планы на вечер? Мы можем их навестить...

– Зачем?

– Как это зачем? – брат пристально смотрел на брата. – Я думал, тебе нужны развлечения... или, так сказать, разрядка... погоди! – Саулюс показал брату указательный палец и быстро юркнул вглубь гаража. Через мгновение он вышел оттуда с двумя бейсбольными битами. Одну из них он бросил брату. Та приятно легла на правую ладонь...

– Что ты об этом думаешь, брат?

– Мне нравится...

– Перчатки и маски. Сам понимаешь.

– Еще бы.

– Ну ладно, брат. Пошли в бар, возьмем по кебабу и пиву... сейчас как раз будут спортивные новости... Нет, нет, биты оставь здесь... Ха-ха-ха!

В 5 часов братья уже стояли напротив здания со странной вывеской «Общество потребителей».

– Это точно здесь? – спросил Паулюс.

– Здесь-здесь, брат... не переживай... вот они уже идут, видишь?

Из автобуса вышла компания из двух девушек и одного парня. У всех троих несмотря на солнечную погоду были желтые зонтики. Девушки выглядели крайне безвкусно.

– Но это не самая главная их проблема, – сказал Саулюс, – ты еще услышишь, как они смеются...

И действительно: не успел Саулюс договорить эту фразу, как раздался этот ужасный фальшивый пошлый смех. Смех *пиноккио*. Девушки смеялись, а парень густо покраснел и отшучивался. Наверное, не смог донести до них какую-нибудь свою очередную поэтическую мысль... Впрочем, братьям это не было известно наверняка. Расстояние мешало услышать разговор... Компания с зонтиками зашла в здание.

– Мы подождем еще час. Чтобы наверняка знать, что сюрпризов не будет, – сказал Саулюс. – Обычно в кружке собирается человек 5-7.

Через минуту в здание зашло еще несколько человек. Девушка. Еще одна девушка... Старик.

Братья ждут.

– Еще пять минут... – сказал Саулюс, – и заходим...

Возле двери в помещение братья остановились...

– Я захожу первым, – сказал Саулюс, надевая перчатки...

– Ладно. Я сразу за тобой.. идем?

– Да, – Саулюс постучал в дверь...

– Открыто! – услышал он звонкий девичий голос...

Саулюс распахнул дверь и забежал внутрь, Паулюс устремился в помещение вслед за ним... их взглядам представилась следующая картина: в небольшом помещении друг напротив друга, развалившись в креслах, сидели «Потворники вечности». Все они были одеты в карнавальные костюмы. Краснеющий парень, которого они видели на улице, был одет в костюм бэтмена, старик – в костюм гнома. Девушки были облачены в наряды фей и принцесс. На столике посередине комнаты стоял чайник с длинным тонким носиком... В кружки был разлит зеленый чай... В блюдце красовалось печенье... повсюду в комнате были развешаны модные японские Фэн-шуй штучки... «Что за чертовщина?» – подумал Паулюс. «Они окончательно спятили, что ли?» Вместо того, чтобы испугаться двух парней с бейсбольными битами в руках, они, увидев их, весело рассмеялись. Фея в голубом костюме сказала:

– Что же вы, мальчики, опаздываете? Чай уже остыл...

Саулюс положил брату руку на плечо...

– Да ничего. Все равно мы не хотим пить чай... Мы пришли не за этим...

– А за чем же? – сказала девушка в зеленом платье.

– Марина, – развязно сказал краснеющий парень. – Это невежливо... Надо сначала предложить гостям сесть... а уж потом предлагать чай...

– Садитесь, дорогие гости... – сказала Марина.

Братья Раманаускэй продолжали стоять так, напротив них, и изредка переглядываться. Паулюс не мог уловить одного: кто

здесь главный? Они все вели себя так, словно бы им не может угрожать никакая опасность.

– Кто у вас главный?

– Главный?.. а главных у нас нет. Мы тут все одинаково... – «Просветленные...» – подумал Саулюс. «Слабые...» – подумал Паулюс, – главные...

– А почему вы называете себя «Потворниками вечности»?

Бэтмен налил себе еще одну кружку чаю:

– Правильно не «Потворники», а «Потворщики вечности». Дело в том, что многие гонятся за формой, забывая про содержание...

– сказал он. – А вечность была вечно... Потворствовать вечности

– значит быть ее стражами, быть воинами света... истинное просветление достигается только путем потворствования вечности...

– Именно так! – сказала девушка в голубом. – Все так и есть!

– А почему на вас эти костюмы?

– Костюмы помогают нам в потворствовании.

Паулюс стоял с открытым ртом, обескураженный. Саулюс ткнул брата пальцем в бок и поиграл бровями «ну? что я тебе говорил?».

– Кстати, мальчики, я что-то не припомню, чтобы вы к нам раньше приходили... – сказала Марина, – кто вы такие?

– Мы кармические полицейские! – Паулюс снял маску... – Вот неожиданно мы решили к вам нагрянуть... – продолжал он, – посмотреть, чем вы тут... собственно, занимаетесь...

– Арестуйте нас, господа полицейские! Накажите нас! – сказала фея в розовом платье и захихикала...

Паулюс открыл уже было рот, чтобы что-то сказать, но брат движением руки остановил его...

– Мы вас обязательно накажем! – сказал он. – Но мы не сможем вас наказать, если вы будете сопротивляться... – Саулюс продолжал быть в маске, сквозь которую были видны только его безумные горящие глаза, – собственно, чего там... мы вас свяжем... и не вздумайте сопротивляться, хорошо? Не зря же мы покупали эти бейсбольные биты...

Раздался оглушительный смех, даже старик что-то там в кулачок захихикал...

– Я не хочу, чтобы меня связывали, – сказала фея в зеленом платье, – по-моему, это глупая идея...

– Марина, ну чего ты... – сказал краснеющий парень и покраснел... – Кастанеда писал, что мы должны быть открыты новому опыту... без этого условия невозможно достичь просветления...

– Ничего, – сказал Паулюс. – Мы поможем вам достичь просветления... но для начала нам нужны веревки... мы не планировали всего этого...

– Марина, у нас есть веревки? У ребят, кажется, есть какая-то мысль...

Братья переглянулись.

– Странная идея... веревки у нас нет... у нас есть наручники... хотя... что вы... за полицейские... если у вас нет наручников?

– Забыли купить, – сказал Паулюс, и вся компания дружно рассмеялась... – Ну так что? Где они?

– Они здесь... сейчас... – девушка в голубом костюме феи поставила кружку с зеленым чаем на стол, затем подошла к комоду и вытащила из нижнего ящика несколько пар наручников... – вот! Такие подойдут?

– Откуда они здесь? – спросил Бэтмен и покраснел. Все снова дружно рассмеялись.

Это были нормальные наручники. Паулюс, удостоверившись в том, что они достаточно надежны, сказал:

– Подойдут...

Потом, нацепив дежурную улыбку на лицо, Паулюс всех приковал наручниками друг к другу... по цепочке... одного за другим... не торопясь... успевая с каждым поговорить... каждому сказать какую-нибудь любезность... приятно было услышать последний щелчок. Наручников не хватило только для Бэтмена... первый же из группы... а это оказался старик-гном... был прикован к батарее... После того, как все наручники были использованы, Паулюс сказал:

– Дамы и господа! У меня есть для вас объявление! Скоро вы все умрете! Не знаю когда в календарном плане... может быть, даже сегодня... но очень скоро! И никакие гуру и потворствования вам не помогут!

Скованные одной цепью смотрели на него, как на актера из спектакля. Все эти феи в зеленых, розовых, голубых и белых платьях... Бэтмен... и даже старик-гном... Они ждали продолжения. Которое вскоре последовало... Саулюс засунул каждому в рот по кляпу. Начал он с «Марины», так как та была чем-то весьма недовольна... ей, кажется, не нравилась эта идея... но было поздно... красневший паренек снова покраснел... он думал уже было протестовать, но Паулюс быстро его успокоил. Ему стоило только замахнуть на него бейсбольной битой... и тот покраснел и сник... одна попыталась кричать, Саулюс влепил ей хлесткую пощечину и она стала тихо всхлипывать... старик продолжал пускать слюни... выживший из ума старик... он дико озирался... он не узнавал смерть. До Потворников вечности только теперь начало доходить, что к чему... некоторые феи дергались... плакали... вращали глазами...

– Кстати, брат, – сказал Паулюс, – кто тут из них «Адский бурлан любви»?

Саулюс снял маску и, рассмеявшись, пнул легонько в бок фею в розовом платье...

– Ты к ней хочешь залезть в трусы, брат? – спросил он игриво и расхохотался. – Предупреждаю! До сегодняшнего дня это не удавалось никому!

– Сколько тебе лет? – спросил Паулюс у розовой феи. Та помотала головой.

Паулюс вытащил кляп.

– 28, – сказала она. – Освободите меня НЕМЕДЛЕННО.

Паулюс немедленно затолкал ей кляп обратно в рот. Саулюс повернулся к брату.

– Я не планировал этого, – сказал он как бы в извинение. – Но грех не воспользоваться таким удачным стечением обстоятельств... как считаешь? Я думал просто устроить тут погром... без убийств... Брат... – Саулюс подошел к брату и прошептал в его ухо:

– Я их всех так ненавижу, что просто собираюсь их тут всех зарезать... постоишь на шухере?

– Нет. Я предлагаю их живьем сжечь. Как это делали с еретиками.

Паулюс принес две канистры. Когда он вошел, Саулюс проверял бумажник Бэтмена. Саулюс улыбнулся: «Нам постоянно везет, брат!» Засунув солидную на вид наличность в карман брюзона, он вернул бумажник Бэтмену и вложил ему в руку нож.

– Он упал в обморок сразу же, как ты вышел, – пояснил Саулюс. – Сейчас... надо проткнуть ему горло так, чтобы у ментов не возникло подозрений, что он это сделал сам...

Потворники вечности слушали разговор братьев, как загипнотизированные.

– Вот, – сказал Саулюс, – готово... вроде нормально, как считаешь?

– Все нормально... ножа только жаль...

– Кстати, брат, – сказал Саулюс, – ты представляешь, как взорвутся завтра клайпедские газеты? Об этом даже снимут сюжет и покажут по телевидению! «Мне всегда казалось, что это был миролюбивый человек, который и мухи не обидит». Подумают же, что это сделал он. Готов поспорить. Ладно, брат. Пора разливать бензин... Открой окно, брат. *А то..... Не сгорят.....*

Паулюс открыл окно. Братья взяли по канистре и начали разливать бензин. Саулюс громко хохотал, поливая бензином волосы и платья дам, старика...

– Ну все... – сказал Саулюс. – Нам пора убираться отсюда... Перчатки снимем только в коридоре. Ничего не забыли?..

– Жаль ножа...

– Да. Ножа жаль. Ну... поджигай...

Паулюс бросил спичку. Потворники вечности полыхнули адовым огнем. Саулюс продолжал смеяться...

– Ну все... пошли...

Братья как ни в чем не бывало вышли из здания...

– Давай сегодня посмотрим баскетбол в баре... не дома...

– Давай. Дай закурить.

Братья садятся в грузовик, припаркованный в квартале от места преступления, и заводят двигатель.

– Адский буран любви... – сказал Паулюс и рассмеялся впервые за несколько дней... – Адский буран любви! Ну надо же!

Саулюс улыбнулся и включил радио.

– Тебе понравилось? Это то, чего ты хотел?

– В общем-то, да. Мне понравилось...

– Ты на пороге новой жизни! – вскричал Саулюс. – Ты на пороге новой жизни, брат!

Паулюс на это ничего не ответил.

7. ANGIE

Саулюсу нужно было выйти из дома, развеяться, подышать немного воздухом, но он не мог себя заставить. Он сидел на диване в грязных трусах когда-то белого цвета, без интереса прислушиваясь к ругани соседей сверху. Было часа два ночи. В комнате Саулюса был потушен свет, так что со стороны казалось – Саулюс добропорядочный гражданин, он засыпает в одиннадцать и встает в семь, он чистит зубы, жарит себе яичницу, варит кофе и продолжает ходить на работу в автомастерскую...

Соседи ругались без вдохновения. Немудрено, думал Саулюс, в какой-то момент совместной жизни вдохновение исчезает.

Вдохновение.

Рядом с ним на диване лежал ноутбук. Последние несколько дней Саулюс занимался одним проектом. Проект требовал средств, но это того стоило. www.angelovestoy.com. Энджи любит игрушки. Милый и невинный сайт. Разноцветный латекс, дилдо, затычки для ануса, садо-медведи. Энджи была шлюхой, раздевающейся перед камерой и исполняющей любые твои желания за деньги. В разделе *About me* сайта было написано следующее:

Name – Angie

Age – 27

Height – 167 cm

Breast cup – 75B

Eyes – Hazel

Hair color – Blue

Tattoos, piercing – YES (pierced tongue, pierced chin, pierced belly button, tattoo on the left shoulder)

Experience – 7 years

Solo – YES

Lesbie – YES

Anal with toys – YES

B/G hardcore – NO

Fetishes – YES

BDSM – MAYBE

Но было еще кое-что, о чем Энджи умолчала, и Саулюс не винил ее за это. Настоящим именем Энджи было Дангуоле, она жила в Клайпеде, сидела с Саулюсом за одной партой три года и первый поцелуй Саулюса был с ней.

Smothering – SURE.

**

Саулюс долго качал головой, не веря. Дангуоле, Дангуоле. Все можно понять, всему есть объяснения. Все может произойти, и Энджи...

– pass ur tool over cum-hole 2 anus. slowly, – написал Саулюс в чат и откинулся на диван.

Энджи прислала в ответ подмигивающий смайлик и потянулась к игрушкам.

– not that. pink.

После того, как Саулюс стал платным членом закрытого раздела ее сайта, что стоило ему 24,96 евро в месяц, он действовал скорее по наитию. Минута привата платным членам обходилась вдвое дешевле, чем случайным посетителям.

В первый день он попросил Энджи достать советскую школьную форму. На следующий день он вернулся и провел полчаса, просто разглядывая ее, в коротком коричневом платъице, с фартуком и косой. Он не показывал своего лица, не показывал свой член, камера его ноутбука была направлена на постер Rolling Stones, висящий на стене.

Неделю Саулюс тратил по сорок евро в день. Сайт жрал деньги с его кредитки, не задавая лишних вопросов. Энджи всякий раз спрашивала его, что ей делать, как себя вести – Саулюс отвечал, чтобы она просто сидела. Ее это нервировало, но деньги капали, а остальное не имело значения. Хуй Саулюса не шелохнулся.

– Поставь на повтор песню Angie.

– Меня часто просят об этом.

В этот раз Саулюс не стал включать свою камеру. Если Энджи и удивилась, то виду не подала. Наверное, с анонимными дрончерами проще работать.

– Я хочу увидеть бабочку, – написал Саулюс.

Энджи взяла платок и стала махать им, словно крыльями.

– Нет. Ты еще не бабочка. Ты – зеленая гусеница.

Энджи легла на пол и свернулась в клубок.

– ЗЕЛЕНАЯ!

Энджи на несколько секунд пропала из кадра. Когда она вернулась, на ней был короткий зеленый топ и зеленые трусы.

– Гусеница растет. Поиграй с собой.

Энджи извивалась на полу, работая дилдо.

– Наступает время окукливания. Гусеница вьет кокон.

Энджи растерянно посмотрела в камеру.

– Веревка, – подсказал Саулюс.

Веревка нашлась. «MAYBE», – вспомнил Саулюс и ухмыльнулся. Энджи сбросила одежду и принялась плести кокон.

– Оставь сиськи, – написал Саулюс.

Энджи замотала себя по грудь. Кокон вышел не слишком плотным.

– Созреть кокону поможет титфак.

Бабочка росла. Существо в коконе изменялось, следуя божественному замыслу. Оно превращалось во что-то иное, не похожее на то, что было раньше. Саулюс барабанил по ноге, наблюдая, как Энджи старательно работает смазанным дилдо. Разве это не чудо? Разве это не проявление божественной любви, любви ко всем созданиям своим, разумным и неразумным?

– Лети, – наконец, сказал Саулюс.

Энджи вырвалась из пут, залезла нагишом на подлокотник дивана и с криком: я лечу, принялась бегать по комнате, размахивая руками.

Саулюс хохотал. Это продолжалось около пяти минут.

– Никогда не надоест, – произнес вслух Саулюс. – Мы творим по велению души и сердца. Мы – чистые идеалисты.

Энджи остановилась, словно услышав это. Саулюс включил камеру ноутбука и направил ее на себя. Он смотрел, как на лице Энджи медленно проступали эмоции. Легкое удивление, недоумение, узнавание. Руки дернулись прикрыть наготу. Но надо от-

дать должное – она быстро пришла в себя. Тогда Саулюс написал на литовском:

– Привет, Дангуоле. Как дела?

Тут же она отключилась.

Саулюс смотрел в темный квадрат, где еще проступало непо-
тухшими пикселями ее лицо, и ухмылялся.

**

Он навел справки. Располагая определенными возможностями, сделать это было нетрудно. Дангуоле жила там же. Он помнил ее двор, с тихой облезлой осиной, с грохотом мывшейся посуды, доносившимся из окон. Он помнил, как сидел на ее кухне, ел курицу, слушая торопливый рассказ про домашнее задание, про кошку, про дуру Алину, он ел, а когда поднимал свои глаза, то видел ее лицо, и уже не мог ни о чем думать.

Ее отец когда-то был видным партийным деятелем Литовской ССР. С распадом союза все это исчезло, однако отец словно не заметил произошедших перемен. Он по-прежнему считал себя высшей кастой, и потому сын плебея, который ел курицу на кухне, был ему не по душе. ЕГО курицу. На ЕГО кухне. Саулюса быстро выставили из дома Дангуоле, а через какое-то время и ее саму перевели в другую школу. Последний раз Саулюс видел ее случайно, в окне проезжавшего автобуса. Пухлые губы шевелились, она читала книгу.

Саулюс сидел во дворе дома Дангуоле и курил. Он натянул капюшон пониже, в его планы не входило спалиться раньше времени. В кармане куртки лежала хорошая веревка, он купил ее вчера в супермаркете, за 1 евро моток. Он не знал, зачем это сделал, в его планы не входило ничего такого... просто соседи снова ругались, и Саулюс схватил немытую сковородку и принялся бить ею по стене, крича:

– КАК ВЫ МЕНЯ ЗАЕБАЛИ! Я УБЬЮ ВАС, СУКИ!.. – после чего Саулюс швырнул сковородку в угол, вышел из дома и вскоре вернулся с веревкой...

Не было никакого плана. Чистая импровизация. Труба в контрапункт с веревкой, лежащей в кармане. Саулюс ждал, что произойдет.

К дому подкатила черная тонированная Volvo S60. Лица водителя не было видно. Из подъезда выскочила Дангуоле, села на заднее сиденье, машина уехала. Саулюс поднялся и пошел в магазин. Там он купил бутылку водки, буханку черного хлеба, вернулся обратно. Спешить было некуда – в автомастерской была не его смена. Вороны кричали от невыносимой мерзости жизни. Саулюс кормил их черным хлебом, пытаясь подловить одну и прихлопнуть. Но вороны были тертые жизнью, просто так их было не прищучить.

Незаметно кончилась водка. Темнело.

Дангуоле вернулась пешком. Саулюс издалека услышал звук ее шагов. От водки в его голове гудела туго натянутая высокая чистая нота. Саулюс был абсолютно трезв. Он поднялся и стал в тени дома, ощупывая веревку в кармане. Когда она приблизилась, Саулюс вышел из тени и откинул капюшон.

– Дангуоле, – сказал он.

Она остановилась. Он был прямо перед ней, чувствовал ее запах, ощущал вставшие дыбом волоски на теле.

Она посмотрела ему прямо в глаза. Пора кончать с этой сучкой. Пора кончать. Он выхватил веревку и набросил ей на шею. Сжал.

– Са... у... люс... – сказала она без звука, одними губами.

– Я лечу, – ответил Саулюс свистящим шепотом. – Я лечу.

По ее телу пробежала дрожь. Через несколько минут она затихла. Саулюс опустил обмякшее тело Дангуоле в грязь, развернулся и пошел прочь, почти побежал.

Angie, жалобно пел в его голове Мик, Angie, ain't it time we said goodbye.

8. ПИРАТСКАЯ ИСТОРИЯ

У Паулюса денег никогда не водилось, да, впрочем, и у Саулюса тоже... а учитывая то, что оба недавно стали безработными... главного источника дохода они лишились. Но у Саулюса был секретный счет, на котором лежало несколько тысяч евро. Эти деньги достались ему после смерти отца. То, что предназначалось на черный день – «на спасение семьи». Сложно сказать, что именно заставляло Саулюса не тратить эти деньги – чувство ли здравого смысла, предусмотрительность, уважение к умершему отцу, любовь к брату или нечто иное... Теперь Саулюс решил, что черный день настал и в первую очередь они это дело, как следует, обмыли – со шлюхами и наркотиками. На вторую ночь... хорошо было сидеть на балконе в креслах, слушать шум сверчков и курить сигары... погода стояла невероятно душная. С балкона им открывался вид на соседние дома, и братья становились свидетелями различных сцен между соседями. Сегодня они по очереди смотрели в бинокль на свое любимое окно... Красивая раздетая женщина лежала на кровати и читала книгу... Саулюс передал бинокль нетерпеливому брату...

– Слушай, брат, – сказал он, возвратившись из кухни с бутылкой текилы... – Пока квартиры наши не проданы... А не переехать ли нам на косу? Мне тесно в этих стенах...

– Мне везде тесно, – сказал брат... – Но мы можем переехать. Почему бы и нет?

– Я давно уже об этом думаю... Лес, палатка, никаких гостиниц... Мы жжем костры... купаемся в море по ночам... пьем и употребляем наркотики... сейчас конец июня... у нас как раз два месяца на все про все... к осени мы продадим хаты и уедем на Ямайку...

– Ах ты сукин сын! – вскричал брат. – Вот пидарас!

– Кто? – спросил Саулюс.

– На, глянь, – Паулюс передал брату бинокль. – Этот жирный пидарас снова начал свои грязные ласки... видишь? Мудило! – Паулюс приложился к бутылке текилы, как будто это была вода. – Пидарас, – повторил он, выдыхая обжигающий воздух.

– Да не хочу я смотреть на этого педрилу. Пусть ебет свою жену, если хочет. Он ее купил. Ты же знаешь, кто это. Мент! Он помог ей, когда у той были проблемы... Кстати, как зовут этого пидараса? Говорят, он берет взятки и все просаживает в казино, влазит в долги...

– Я когда-нибудь их всех уничтожу, – сказал брат.

– Я тебе даже помогу в этом. А пока... Слушай. Давай переедем завтра на косу?

– Давай. Мне похуй.

На том разговор и закончился.

Ну что ж, дело оставалось за малым: на следующий день они купили палатку, прихватили с собой одеял, чайник, топор, нож, лопату, немного старой одежды... все остальное у них было при себе... и отправились на косу. На своем старом добром грузовичке. И в очень скором времени уже сидели у пристани катеров яхт-клуба на той стороне Куршского залива и любовались ночными огнями Клайпеды... и заливом... Они допивали последние глотки вискарря, когда Саулюс заметил в ближайшем катере забытые торчащие ключи зажигания.

– Смотри, брат! Ключи! – Саулюс с бутылкой в правой руке прыгнул на катер, но в связи с опьянением и тем, что катер слегка покачивался на волнах, не удержал равновесие и грохнулся на задницу. Вискаррь, однако ж, не разлил. Так и сидел на жопе на покачивающемся катере с бутылкой вискарря, поднятой высоко вверх в правой руке... и хохотал над этим. Паулюс осторожно спустился в катер, посмеялся над неловким братом и помог ему встать. Остатки бухла они тут же допили.

– У нас нет бухла, брат, – сказал Паулюс.

– Не, сто баллов в палатке что-то да осталось... – ответил Саулюс.

– Точно тебе говорю, брат! В палатке ничего нет! У нас нет бухла!

– Да не может быть! – волнение Паулюса передавалось брату.

– И что же делать? Паромы уже не ходят...

– А катер нам боженька зря с неба подкидывает, что ли? – сказал Паулюс, хитро прищурившись...

– А ведь верно! Самое время прокатиться до Клайпеды за ви-
скарем! Как бля, повернуть... эти... ебанные ключи...

– Дай мне, – сказал Паулюс.

– Не... Я однажды... катался... на катере... знаю... как это дела-
ется... о! Готово!

Катер рванул к другому берегу так резко, что пришла оче-
редь Паулюса грохнуться на задницу...

Братья улюлюкали и смеялись всю дорогу через залив.

На той стороне у них возникла проблема. Банкомат захавал
карточку. И не выдал денег...

– У тебя при себе револьвер? – спросил Саулюс брата.

– Конечно, я всегда его ношу при себе.

– Надень капюшон.

После этого парни зашли в ближайший бар...

Тот оказался пустым. Официантка сдавала кассу. Она подня-
ла голову и сказала:

– Добрый вечер. Мы уже закрываемся. Извините.

– Только не вздумай нажимать на кнопку!

Паулюс вытащил револьвер и направил на барменшу. Саулюс
перескочил через стойку и забрал пульт тревоги. Тогда Паулюс
спрятал револьвер и тоже рванул к стеклянной стойке с бутыл-
ками, дожидавшимися своих хозяев. Они взяли по одной литро-
вой *Jack Daniel's* и одной *Blue Label*. Запихнули по карманам по
нескольку пачек первых попавшихся сигарет и уже направлялись
к выходу, как тут официантка заговорила (все предыдущее про-
исходило в тишине):

– А деньги? Мне-то все равно. А вы уж раз решились. Возь-
мите деньги.

– Мы футбольные хулиганы, а не грабители! Мы из России!
Мы не *грабим*! Мы *ОТЖИМАЕМ*! – заорал Саулюс, после чего
Паулюс достал револьвер и несколько раз выстрелил в люстры.

Затем они с братом довольно быстро добежали до катера... и
так же быстро вернулись на косу...

– Завтра съездим с город по-тихому и снимем бабло в банке,
– сказал Саулюс.

– Ага.

– Бля, заебись! Теперь у нас есть все, что нужно. Скорей бы
дойти до палатки! Брат, выпьем! Мне здесь очень нравится!

– Да, заебись, – сказал Паулюс совершенно искренно. – Это
именно тот образ жизни, который надо вести... каждому... только
большинство не знает об этом.

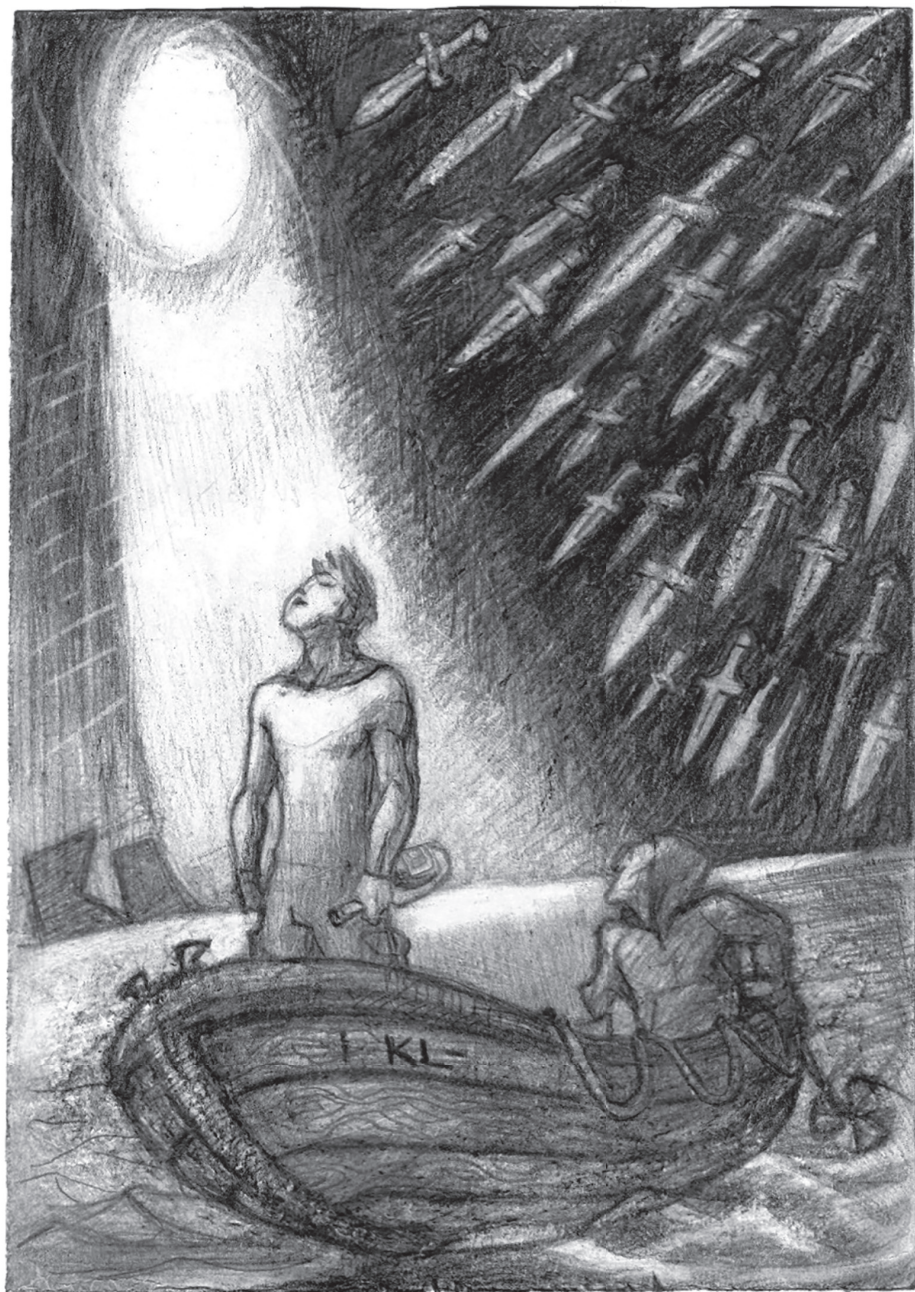
– Ты прав.

– Но ты же постоянно меня сдерживаешь... Зачем – не пойму...
мы братья!

– Брат, я беспокоюсь за тебя, – ответил Саулюс совершен-
но изменившимся голосом. – Я беспокоюсь за тебя, брат. Нельзя
рисковать зря. Ты же не хочешь закончить где-нибудь в тюрьме...
Или того хуже... У нас вся жизнь впереди...

– Хорошо. Я понял тебя, брат... Нам надо быть осмотритель-
ней.

Братья продолжают идти к палатке и пьют вискарь каждый из
своей бутылки... Тишину и спокойствие косы нарушают только их
шаги.

9. ТАНЦУЮЩАЯ ПОД ДОЖДЕМ

Потом погода резко испортилась, нет, скорее испоганилась, начало часто лить. Это делало проблематичным их пребывание в палатке. Нет, место, конечно, они выбрали удачное – прямо под кронами сосен, в минуте от дюн, но дождь с ветром крутили свои варки и навевали грусть, и Паулюс становился все мрачнее и раздражительнее.

Сегодня Паулюс не ночевал в палатке уже не в первый раз. Обычно он предупреждал, что его не будет, не говоря, впрочем, почему... А вчера днем не сказал ничего, кроме того, что едет в город за кое-какими покупками. «Наверное, опоздал на последний паром и скоро будет... – подумал Саулюс и закурил последнюю сигарету. – Впрочем, он последнее время выглядит усталым... он словно слегка не в себе...»

С дюны Саулюсу открылось суровое Балтийское море... суровые волны... суровое небо... суровые чайки летают... как всегда, добывают себе корм.

На берегу был еще кто-то. Саулюс не сразу ее заметил. Неподалеку, где-то в 150 метрах от Саулюса, у самой воды... танцевала девушка... в белом платье... Саулюс машинально присел на корточки. «Какого черта она тут делает одна?» – подумал он. Девушка Саулюса не замечала... а если бы заметила, остановила ли бы она свой танец? Саулюс решил не рисковать. На берегу была только она одна. Когда прибой отбивал, она, подобрав платье, с которого стекала по стройным загорелым ногам вода, подбегала к морю, но не касалась его, а потом с визгом и хохотом отбегала обратно. Вот она зачерпнула воду в ладони и взмыла ими в небо и вода разлетелась!.. На тысячи брызг!.. И ей это, кажется, очень понравилось... Она повторила это много раз! Потом упала на песок и замерла... Саулюс продолжал наблюдать. Она вскочила и продолжила танцевать... «Для себя и чаек, наверное, больше ни для кого... разве что для Бога?» Саулюс несмотря на похмелье чувствовал себя Богом... но он был уверен, что это не совсем грех, скорее неисследованная еще область христианской духовности... (Саулюс это сам придумал.) Он вообще стал похож на мечтателя

в последнее время, лежал себе часами на песке у палатки... пил вискарь... и только и делал, что смотрел на небо или море...

Метрах в 20 от девушки лежала сумочка, накрытая курткой, и босоножки. Рядом несколько чаек искали дохлятину, но без особого успеха.

В конце концов, с сумочкой в одной руке и босоножками в другой она медленно пошла по направлению к переправе. Она была слева, а переправа – справа, так что когда девушка проходила мимо, лежащий на дюне Саулюс смог рассмотреть ее получше... Это была просто красotka – симпатичная, чистокровная литовка лет 18. Такие в деревнях рождаются. И зовут их обычно – Габия, Угне или Дангуоле. Саулюс не раздумывая пошел вслед за ней. Он совершенно не прятался, но и не шел агрессивно быстро. Он чувствовал себя заинтригованным. Она не оглядывалась.

– Да кого тебе бояться? Если ты... «Являешь себя пред очами господа»? Это же Коса, здесь не случается ничего плохого... Кого тебе бояться – каких-нибудь маньяков, бандитов, хулиганов? Или меня? – бормотал Саулюс...

**

Наступает вечер, и братья сидят у костра и пьют пиво... Жечь костры на косе запрещается... и дождь уже перестал... но так уютно сидеть у костра и пить пиво... к тому же увидеть их могли только с вертолетов... А вертолеты в этой местности летают так же редко, как и птерозавры. Так что нечего волноваться...

Братья и не волнуются. Теперь у них снова есть все, что нужно. Паулюс притащил много пива, воды, сигарет и жратвы. Еще он взял литровую бутылку *Jack Daniel's*, пачку сигар и жидкость для разжигания костров. Паулюс передает брату косяк.

– А красивая она? – спросил он.

– Очень красивая. Настоящий ангел чистоты. Если она действительно придет, сам увидишь.

– Сюда придет?

– Ну да. Она обещала прийти сюда после заката. Сейчас как раз закат. Ты не помнишь, что ли?

– Брат. Расскажи эту историю еще раз. А то я тебя плохо слушал... прости...

– С самого начала?

Паулюс кивнул.

– Ну хорошо. Ладно. Держи косяк, брат. Слушай. Я вот зашел на дюну и увидел, как девушка танцует в дождь у моря. Одна. Когда она стала уходить, я пошел за ней. Она не оборачивалась и не ускоряла шаг. Если бы она это сделала, то, быть может, была бы уже привязанной вот к этой сосне, – Саулюс постучал по ней костяшками пальцев, – ты же меня знаешь... Поначалу я не решался подойти. Подошел только у переправы. Я поздоровался и сказал, что видел, как она танцевала у прибоя и что мне очень понравилось. Она заулыбалась. И было в ней что-то такое, брат...

– Все они одинаковые, брат...

Саулюс промолчал. Потом продолжил.

– Она сказала, что чувствовала, что за ней следят чьи-то глаза. Но сказала, что у нее не было ощущения опасности... Ее это только раззадоривало...

– Ха-ха-ха! Их часто подводит интуиция, брат!

Саулюс поводил палкой по песку...

– Брат, ну так что же было дальше? – спросил Паулюс и швырнул пустую бутылку из-под пива далеко в лес...

– Ну что дальше... а дальше ей нужно было подождать паром, и я пригласил ее в бар. Людей не было. Она рассказала, что занимается балетом... что у нее год назад умер парень... которого она очень любила... что она сирота и родом из Шяуляя и сюда приехала автостопом... ее зовут Угне, и ей 18 лет. Блондинка. Голубые глаза. Я в свою очередь рассказал, что мы тоже сами по себе, живем дикарями на косе и что мы реализуем один некоммерческий проект, который приведет нас на землю обетованную...

– И что она?

– Сказала, что она тоже занимается проектной деятельностью... Она там что-то говорила про гуманитарную программу, которой она принадлежит... Но это не секта... Она верующая... она не сказала, какой проект... но сказала, что придет сегодня к нам

все это обсудить. Одна. Я, кажется, вошел к ней в доверие. Я так понял, знакомых в Клайпеде у нее нет...

– Отлично!

– Паулюс, мне очень не нравится твое состояние в последние дни – сказал Саулюс, – ты какой-то дерганный стал. Чем ты занимаешься в Клайпеде?

– Брат. У меня, видишь ли, тоже есть один проект... Одна работенка намечается... Расскажу, когда вернемся домой. К тому же у меня мандраж, мне некуда девать свою силу... Да, кстати, эту... Угне... разве не надо встречать?

– Нет, она сказала, что придет сама. Настояла на этом.

– Понятно... – сказал Паулюс. – И что было дальше?

– Ну а дальше я посадил ее на паром, снова сел в баре, выпил бокал пива, а там и ты на следующем пароме появился...

– Ясно.

– Слушай, брат, я тебя прошу: даже не думай о том, чтобы ее убивать. У нас нет причин этого делать. Она смелая... и живет не зря.. мне кажется, она чистая. Я ей верю... Я тебе обещаю: когда-нибудь мы сыграем в блэкджек на то, кто будет первым ебать в глазницы труп какой-нибудь мартышки, а эту оставь в покое. Брат! Ты должен научиться ждать... Революция начинается с послушания, брат!

Паулюс ничего не ответил, прижег потухшую сигару, отпил пару глотков из большой бутылки и отправился поссать. Саулюс неодобрительно покачал головой и подбросил дров в костер...

И через каких-нибудь сорок секунд появилась Угне.

– Брат! – крикнул Саулюс. – К нам гости! Познакомься с Угне! Угне, привет! Ты вовремя. Я уж думал, не придешь...

Угне выглядела прекрасно: молодая, очень загорелая литовская девушка.

– Нет, я пообещала, что приду, и я пришла. Мне было как-то страшно сюда идти, и я даже думала несколько раз повернуть назад, но я стараюсь выполнять свои обещания... – она улыбнулась. Голос у нее был звонкий, чистый. Красивый.

Из леса вышел Паулюс. Нет. Скорее выбежал. Дальнейшее автору сложно и даже несколько неловко описывать. Это было

невероятно. Господи. Он выбежал без яростных криков или веселых приветствий. Быстро, но тихо. Девушка застыла. В руке у него был топор, которым они рубили дрова... В волосах – красный цветок. За ухом – перо. На лице – мазки чем-то черным. Подбежав на достаточное расстояние, он бросил топор в девушку...

Как он все это успел организовать??? Что за маскарад??? Он это заранее подготовил??? И что важнее – где это он успел так наловчиться??? Топор вошел прямехонько в череп... Девушка и хрюкнуть не успела! Для последней это был последний миг. Она «сидела», «прислонившись» к той сосне и истекала кровью и мозгами. Черт. Да ее мозги просто вытекали из черепа! Она истекала кровью и мозгами и была мертва. Пришла сюда сама, смело, одна. Она танцевала под дождем. У прекрасного мудрого моря... «Пред очами господа». Ее глаза были раскрыты. Больше она никогда не будет танцевать... Саулюс так и стоял с открытым ртом...

Такого хардкора он никак от брата не ожидал. Такая жесть! Выбежать из леса!..

С топором!..

Паулюс же методично исполнял над девушкой свой ритмичный шаманский танец... он тряс головой и вращал руками, изгибаясь, как змея. Вскоре он остановился, достал член и поссал, стараясь попадать на раскроенный череп и лицо, то, что от него оставалось... Саулюс закрыл рот, сглотнул слюну и потянулся за сигаретами...

Паулюс был первым, кто нарушил молчание. «Такое привычное... для этого... места», – подумал Саулюс.

– Ну что, брат? Сыграем? В Блэкджек?.. Ха-ха-ха-ха!

– Слушай, брат, – сказал Паулюс. – Ты уж меня прости. Если это было так неожиданно для тебя. Не хотел. Но и ты должен в свою очередь понять, что чистых женщин не бывает! Разве экс-

перимент с безглазой и безъязыкой теперь Скайсте Буткуте⁶ не показал, что все они просто исчадия ада? Ну, по крайней мере, моего! Да и твоего, разве нет?

– Не совсем, брат... Видишь ли, брат... Нам нужно наверняка знать, что наши жертвы неисправимы. А эта девушка мне понравилась.

– Прости, брат. Но уж очень мне было нужно... – Паулюс криво ухмыльнулся.

– Да. В любом случае, остается надеяться, что никто не знает, что она здесь. Завтра подгоним грузовик к ближайшей дороге, а я разберусь пока с местом преступления... – сказал Саулюс, решив оставить проповедь на более подходящий случай.

– На вот, возьми, – Паулюс кинул брату сумку. Саулюс обнаружил там чистый рулон марли и бутылочку с марганцовкой.

– Зачем это? – спросил он.

– Марганцовка! Смой ею кровь с сосны и топора, да и всего вообще! Одежду ее лучше сейчас сжечь, труп я разделаю и сложу в мешки. Сейчас, только выпью немного...

Все дела они закончили только к пяти утра, когда уже снова рассвело и заалел этот чертов розовый рассвет... Паулюс недавно ушел за грузовиком, а Саулюс караулит эту грудку черных мусорных мешков...

Костер уже погас. Саулюсу не хочется его разжигать. Саулюсу грустно думать о женщинах. Он старается не думать, но не может...

В тот же день братья уехали с косы обратно в Клайпеду. На том месте Саулюс соорудил крест из нескольких связанных прутьев. Труп они увезли в другой лес, тот, где был похоронен и Кит. Им нужно было решать кое-какие вопросы, в первую очередь квартирный вопрос. Они не могут уехать или заняться чем-то более-менее серьезным, пока у них нет денег. Коса была больше прихотью Саулюса. В глубине души он надеялся обрести там покой и умиротворение... и, быть может, просветление... После

⁶ См. главу «Поиск чистоты».

убийства это стало невозможным. Впервые в жизни Саулюс чувствовал себя растерянным и по-настоящему беспомощным. Как будто это Паулюс – старший брат.

Продажа квартиры – единственный вариант... разве что Паулюс там что-то говорил про работу... Но если ты работаешь, ты много не получишь, а им нужно было все.

Так закончилось их сорокадневное пребывание на косе. Об Угне братья больше не заговаривали.

10. СОН ПАУЛЮСА

Паулюс просыпается от собственного крика. Он позвал Саулюса, но ответом ему была лишь тишина. Порыскав под кроватью рукой и не найдя там бутылки, он судорожно нащупал на тумбочке телефонную трубку и набрал брата. Он давно был знаком с этим ощущением беспричинного ужаса, сжимающего костлявой рукой сердце. Ты пытаешься нащупать пульс, и его нет, но сердце колотится, словно звон тысячи колоколов костела. Твои ладони мокрые от холодного нелипкого пота, ты лежишь на мятых простынях и тебе трудно дышать. Словно рыба, выброшенная на берег моря отливом. Холодные волны паники. Все, что может помочь, это – бутылка. Ее не было под кроватью, некуда было идти, чтобы купить ее, даже если бы были деньги. Паулюс нащупал на тумбочке телефонную трубку и набрал Саулюса.

– Давай, брат, давай. Давай, давай! Помогите мне! Только ты, только ты! Сними трубку. Пожалуйста...

В трубке раздавались длинные монотонные гудки, затем включился автоответчик:

– Здравствуйте. Вы позвонили Саулюсу. Оставьте ваше сообщение после «пип-шоу».

После этих слов послышался короткий пип, и Паулюс коротко, но многоэтажно выругался в трубку. Единственная надежда на облегчение испарилась. Все, что ему оставалось, так это разговаривать с автоответчиком:

– Брат! Я знаю, что ты не слышишь меня. И я не надеюсь, что услышишь. Просто сейчас эта трубка – мой единственный шанс пережить следующие 40 минут. Это все, что мне надо...

Пауза.

– Мне нужно всего 40 минут. Я знаю, что эта холодная рука отпустит мое сердце, я знаю, что всего этого нет, это всего лишь душевная болезнь. Но сейчас ты мне нужен. У меня нет ничего, кроме твоего автоответчика, поэтому я прошу тебя, послушай то, что я скажу, завтра. Даже если ты этого не сделаешь, дай своему автоответчику мои 40 минут.

Паулюса начало знобить.

– Слушай меня, Саулюс. Мне сегодня снилась мать. Я только что проснулся с криком на губах. Она была такой, какой я ее знаю, – по фотографии, только живее. Она спустилась ко мне из-под облаков. Вся в белом. И спросила меня: «Детки мои! Папа поднялся ко мне на небеса... А что же случилось с вами после нашего ухода, мои ангелочки? Разве я, нося вас в своем чреве, не молилась часами о вашем прекрасном будущем? Разве отец недостаточно о вас заботился? Разве мы недостаточно вас любили? Как же так вышло, что из двух прекрасных детей у нас выросли звери. Полные ненависти, чьи руки в крови, чьи зубы в крови, чьи волосы напоминают змей у Медузы Горгоны... как же мы вырастили среди всех этих цветов и деревьев, приборя – хищников?!..» А-а-а-а-а-а-а, может, это вообще не мама была? Может, это бес в ее обличье меня искушал? А, брат? Я сказал ей, что мой брат убивал бы за меня, распял бы Иисуса для меня! А вам всего лишь нужно немного дармовой дармовщины. Ждите, ждите, всадников апокалипсиса. Мы с ним – всадники кагма police. Тебе, мама, ПОВЕЗЛО среди сияющих ангелов родить двух зверей, которых ты никогда не знала. Мы убиваем во имя справедливости. Потому что все это дерьмо вокруг не знает веры. Ваш еврейский бог, распятый на кресте. Мы ссали ему в уши, как ссали в уши нам все ваши проповедники. Есть только одна сила добра. ДОБРА! И если вы все еще верите в «подставь другую щеку», то будьте готовы к удару правой вам в солнечное сплетение. Как ирокез на наших головах. Как завывание ветра и жар солнца. Верьте в кастет, зажатый у нас по каждому пальцу. Металл, оплавивший наши пальцы. Ой, мамочка, Вы плачете? Не ссать, скоро придет наряд кагма police и каждому воздастся по вере его! Любой вере! И каждый будет знать, что у судилища по топору в руке... Так ответил ей я, брат, и ее фигура начала таять в дымке, а я держал в руке топор и начал уничтожать цветы вокруг, крича: «Дайте мне наркотиков, дайте мне съесть эти грибы, дайте мне уколоться этой вселенной! Я вас всех в жопу долбил, неудачники! Выйдите со мной на тропу хоть раз! У меня в руках молот, у вас прутик. Из этого прутика я сделаю один трупик, и еще один и еще один! Никакой гладкой мелодии псалмов. Все придут такими, какие они

есть, какими я хочу, чтобы они выглядели. Враги встанут против нас, а я встану с братьями и сестрами с мечами в руках, чтобы наказывать. Мы – брат и сестра кагма police, мы призваны уничтожать, платя своей болью, и пусть мы говорим, что у нас нет в руках ствола, пусть мы это утверждаем изо всех наших сил, когда время придет, мы достанем их из-за наших спин и направим в печень, в легкие, в селезенки провинившихся. Они ждут этого, мама, как и ты ждешь этого. Давай, давай, порхай, порхай, мы же с братом хранители вселенной. Только мы сможем избавить ее от зла. Добро больше не может быть с кулаками. Колесо сансары не может больше вращаться, если под рукой нет БЕНЗОПИЛЫ. Поняла, мама? Мы – это бензопила! Ясно?! Посмотри на мою БЕНЗОПИЛУ, мама, она нравится тебе? Давай, выпей со мной стакан, мама, как насчет небольшой порции наркотиков? Тебе нравится пить человеческую кровь, мама? Ты о чем вообще? Ты кто? Ты куда лезешь! Я сдохну за дело кагма police! Я буду пытаться за вечность справедливости! Вы все отравляете человечество своими насекомыми ядами добра. Вы должны быть наказаны и будете наказаны. Уж мы с братом позаботимся об этом. Зачем я разговариваю с тобой? Когда вокруг меня вечность, полная наслаждения. Тот самый волшебный корабль ждет меня, уже опустил трап. Я вхожу на него, окруженный огнем. Играют не ваши псалмы, играет орган, полный наслаждения, прославляющий то дело, что мы делаем каждую секунду, каждую секунду. Закапывая гниль, прославляя вечность. Ваша терпимость падает вниз с корабельных подмостков, словно крыса. Еще удар, еще удар, еще удар. Громче! Славься, кагма police, принесшая себя в жертву ради добра, которое зло, которое добро с топором. Мы видим вас всех, мы зажигаем этот чистый огонь, очищающий от скверны, мы видим каждую вашу ложь, каждый ваш будто бы тонкий расчет. WOW! Давай, давай, детка. С вашими дочерьми мы сыграем в древнюю игру «сунь-вынь», чтобы они понесли от нас воинов. И однажды придет конец вашей чистой «чистой» ночи. Мы отправим вас по пути во тьму, которой вы достойны!..

Он повесил трубку.

11. ПОЭТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ

– Брат, у нас есть работа, – сказал Паулюс прямо с порога. Он выглядел усталым. Его не было дома последние несколько дней, и он попахивал смесью старой одежды, пота и перегара. – У нас есть «работенка», так будет точнее. Помнишь, я говорил?

Саулюс закрыл за братом дверь:

– Хорошо оплачивается?

– Да. Думаю, что неплохо, – Паулюс стянул вымазанные чем-то белым ботинки и сел на пол прямо в коридоре. Достал из принесенного с собой пластикового пакета банку пива и бросил ее Саулюсу. – Все золото мира, которое можно будет унести руками, будет нашим.

– И много будет золота? – Саулюс открыл банку и сел рядом с братом на пол.

– Я особо сильно на эту тему не думал. Осмотрелся только вокруг, некоторые приготовления сделал... Ну, что-то получим.

– Что делать? Далеко? – Саулюс протянул брату пачку сигарет с последней оставшейся. – У нас нет сигарет...

– Надо сделать ремонт в квартире. Недалеко, – Паулюс прикурив, – если тебя интересует адрес, то это улица Лаукининку дом 37, квартира 29.

Саулюс засмеялся:

– Мы что, должны делать ремонт у нашей СОСЕДКИ? Ха-ха-ха. У этой старой пизды?! И сколько она нам заплатит, старая карга? Ха-ха-ха.

– Она обещала отдать ВСЕ, что у нее есть, за действительно КАЧЕСТВЕННЫЙ ремонт. Я там, в общем, уже пару дней старался... одну комнату почти закончил, инструменты и материал достал... вот, у меня ключи, – Паулюс продемонстрировал связку. – Слушай, я не беспокоил соседей? А то, понимаешь, ремонт это всегда шум...

– Нет, я ничего не слышал. А почему ты меня не позвал? Я бы тебе помог... И я не слишком понимаю про оплату...

В ответ Паулюс достал из кармана несколько листов А4 и отдал брату:

– Вот договор. Читай.

Саулюс развернул небрежно свернутые бумажки и начал вникать. По мере чтения его лицо начало отражать неудовольствие.

– Слушай, бля, мы эту ее трешку полностью должны отремонтировать всего за 100 евро... Сплошная еботня за такие копейки. На них и пива-то не купишь!

По виду Паулюса было видно, что он действительно очень устал.

– Да я же тебе говорил «мы возьмем все», то есть все. Пойдем, можешь не снимать тапочки. Соседняя квартира все-таки.

Паулюс открыл дверь, и Саулюс вошел в квартиру соседки. В прихожей были сложены банки с краской, рулоны обоев, ножовки, гвоздодеры, топор, шурупы и прочее. В воздухе носились запахи ремонта.

– Где ты достал все это?

– Да неважно. Не задавай банальных вопросов. Пойдем, я лучше продемонстрирую тебе то, что успел сделать.

Братья прошли сквозь смежную комнату. Она была полностью завалена мебелью и набитыми тюками. Саулюс подумал, что это – одежда. Дверь в одну из комнат была закрыта. Паулюс схватился за ручку и улыбнулся:

– Слушай, а ты знаешь, что вот если, допустим, марганцовки нет, то одну каплю крови нужно смывать 700-ами литрами воды, чтобы мусора ее не могли обнаружить? – Саулюс отрицательно покачал головой, а лицо Паулюса вытянулось в улыбке. – Есть и еще один способ... Об этом потом, пока же посмотри, во что я превратил эту когда-то уродливую комнату!

Паулюс распахнул дверь и изобразил из себя метрдотеля характерным поклоном и приглашающим жестом рукой: – Прошу Вас!

Саулюс вошел в комнату. Она выглядела странно и была практически пустой. Обои тщательно содраны со стен, розетки выкорчеваны, даже люстра отсутствовала. Всю обстановку составляли черные жалюзи на окне, большая надпись чем-то коричневым на стене и загадочная фигура, сидящая в кресле-качалке в углу возле окна. Фигура была полностью укрыта пледом.

Саулюс присмотрелся. На стене было неровно написано крупными буквами:

все люди мнят, что я – великий супостат
всеобщий, но с чего б? от них обид
и зла не ведал; и не ими ведь
лишен, чего лишен; скорей, они
стяжали мне стяжанье: наравне
с людьми землей владычу – иль всецело⁷.

– Кто это там сидит? – Саулюс повернулся в сторону кресла.

– Как кто!? Это же наш работодатель и старый друг – госпожа Бируте Василяускене! – Паулюс громко засмеялся. – Давай-ка я приоткрою тебе занавес!

Подойдя к фигуре, он сдернул с нее покрывало. Госпожа Бируте Василяускене выглядела не слишком свежо. Ее глаза болтались на тонких нервных ниточках в районе подбородка, щеки были содраны вовсе, кисти рук отсутствовали, также как и ступни, живот представлял из себя макет для анатомического музея, выставляя напоказ все внутренние органы. Тем не менее, труп старался угодить зрителю, – шея дамы была унижена огромным количеством побрякушек, брови были густо покрашены, а сквозь отсутствующие щеки во рту поблескивали кольца. Самым смешным было то, что уши госпожи Бируте Василяускене были продырявлены в десятках мест и в них были вдеты серьги.

– Я не знал, куда деть кольца, – сказал Паулюс, – как ты видишь, мне их было не на что «нанизать» – люблю это слово, – так что я представил себе, что я – пират, и подумал – куда бы пират мог деть кольца? Конечно же, в рот! – Паулюс снова громко засмеялся. Саулюс оценивал увиденное.

– Неплохая работа, неплохая работа. Я правильно понимаю, что «все золото, которое мы сможем унести» находится в этой квартире?

– Да, конечно. Как видишь, госпожа и уважаемый друг Бируте Василяускене уехала в отпуск и наняла на это время двух

7 Отрывок из поэмы Д. Мильтона «Возвращенный рай» в переводе С. Александровского.

братьев-соседей, чтобы они отремонтировали ей квартиру. Мне в моей комнате осталось как следует зашпаклевать и заштукатурить вот эту вот стену, – он кивнул на стену со стихотворением, – и вынести совсем чуть-чуть строительного мусора, – Паулюс указал на кресло, – за тобой вон та вот комната, третью сделаем вместе.

Саулюс кивнул.

– И как ты хочешь, чтобы я отремонтировал свою комнату. В том же стиле? – он поднял вверх брови и хищно ухмыльнулся. Паулюс ухмыльнулся в ответ:

– А это твое дело. Мы же тут не только ремонтируем, у нас тут еще и проходит поэтическое соревнование! Удиви меня. А я пока пойду и отдохну. Я славно потрудился. Кстати, вот тебе твоя часть наличности, которую я нашел по дому, – Паулюс дал брату довольно толстую пачку купюр номиналом 20 евро, – драгоценности сдадим Фрэнки-Ресничке⁸, когда все доделаем. Через неделю подадим мусорам заявку, что хозяйка пропала, не расплатившись с нами.

Когда Паулюс уже стоял в дверях, чтобы уйти домой, брат окликнул его:

– Слушай, тебе никогда не приходила мысль, что на самом деле это тебя зовут Саулюс, а меня Паулюс? Могли ведь спутать.

– Да мне похуй, брат. Брат он и есть Брат. Саулюс-Паулюс-Гербариус, – Паулюс закрыл за собой дверь.

**

– Брат, все готово, – теперь уже Саулюс ввалился в квартиру, попахивая смесью старой одежды, пота и перегара, – пойдём.

Паулюс приканчивал утреннюю яичницу и выглядел довольным жизнью.

– Что ж, посмотрим на твое произведение искусства.

Они вошли в соседнюю квартиру. В комнате, которую ремонтировал Саулюс, не было вообще ничего. Она была отремонтиро-

⁸ Персонаж фильма «Пуля», которому Микки Рурк сдавал драгоценности после ограбления дома соседей.

вана под нулевой вариант – только пол и стены. На одной из стен все тем же коричневым цветом было выведено:

ночные, траурные птицы,
из разоренных ветром гнезд,
к распятым у ПУСТЫХ борозд
слетайтесь, черные провидцы,
над пожелтелюю водой
рассейтесь злобною ордой.⁹

Слово «ПУСТЫХ» было написано большими буквами. Паулюс прочел написанное и на минуту задумался, окидывая комнату короткими взглядами исподлобья.

– И где же наш «донор» для написания? – спросил он.

– Это МОЯ кровь, – ответил Саулюс.

У них заняло еще три дня, чтобы закончить работу. Победитель поэтического соревнования остался не выявленным.

12. САНДРА МАРОЗАЙТЕ

Возле ларька на краю пустого и бессмысленного города, в котором дворник разводил костер из листьев, стояло лишь несколько алкашей, включая Саулюса. Он просто пил пиво с дикого бодуна, прислонившись к витрине, когда она подошла к окошечку и купила самые дорогие сигареты в ларьке. Еще жвачку. Была хорошо одета. Слишком хорошо для этого места. Это была она, она. Черт его знает, что она здесь делала. Сначала Саулюс просто не поверил своим глазам. Но потом поверил... и списал ее появление на судьбу.

– Привет... Сандра... – сказал он.

– Здравствуйте... ой. Саулюс! Это ты?

– Я.

– Ничего себе... Господи... как ты ужасно выглядишь... В тебе... как бы это сказать... утвердилась твоя губительная мрачность, что ли. И эти мешки под глазами... Наверное, личная жизнь не ладится, а?

Саулюс хотел уже было сказать, что они с братом убивают людей, но вовремя сдержался. Надо держать язык за зубами. Столько проблем, столько технического мракобесия. И еще этот похмель, этот жуткий похмель. А она – всего лишь прошлогодний снег... или лист... верно?

– Что ты говоришь, Саулюс?

Саулюс думал, что молчал.

– Что? Я ничего не... Просто мы так неожиданно встретились... – он прочистил горло. – Как поживаешь?

– Я работаю управляющей в фирме, транспортная логистика. Пробую себя и в этом. Учусь в магистратуре!

Она всегда умела рассказывать такие истории.

– Управляющая, говоришь... но какая разница? Президент ты или вор, или проститутка? Я не вижу разницы... одна хуйня, как по мне.

– Зато я вижу!

– Поделись мыслями, раз так.

– Большая разница! Я делаю чистую работу! Деньги получаю не за свое тело, а за выполненные работы...

– Какие еще работы?

– Саулюс... ты так странно на меня смотришь... что с тобой такое?

– Ты всегда была такой карьеристкой... хм... хм...

– Ну да, такой я и осталась. Но с личной жизнью у меня тоже все в порядке. Успеваю и там, и там.

– Вот как...

– Да, Саулюс... тебе может это сложно понять... но когда мы с тобой были вместе... я не успевала ни там, ни там. А теперь у меня все хорошо. Я по-настоящему счастлива. У меня все как в сказке. Замуж скоро выхожу...

Саулюсу показалось, что где-то он уже это слышал. А впрочем, все бабы одинаковые. Всем своим бывшим они говорят одно и то же. Всем своим любовникам они говорят одно и то же. Как им хорошо с ними и как они понимают друг друга с одного взгляда...

– Замуж? Да ты что? Seriously?

– Да...

– Надеюсь, человек достойный!...

– Даже очень!

Разговор становился совсем невыносимым. Саулюс сделал глоток из бутылки.

– Ну, он пограничник, – говорила она. – Сейчас переводится в каунасскую полицию, так как мы решили, что нужно обосноваться в Каунасе... Эти поездки друг к другу просто убивают! Вообще, живем вместе, но не одни, в другой комнате еще и подруга есть. Когда он переведется, будем жить вместе постоянно. Мы квартиру снимаем с однокурсницей...

– Я так и знал! Я так и знал!

– Что именно?

– Я знал, что ты выйдешь за мента!

– Ему 26 лет... ну да, мент. Не имеет значения, какой он профессии. Ты же сам только что это сказал...

– Я не это имел в виду...

– Ну, словом, его зовут Донатас. Но это неважно. Мы женимся, Саулюс! У нас все как в сказке... может, и ребенка заведем. Мы понимаем друг друга, любим друг друга! Мы ДОПОЛНЯЕМ

друг друга! А самое главное – у нас одинаковые желания и мы смотрим на будущее в одном и том же направлении, если ты понимаешь, что я имею в виду! Вот ты говоришь, я карьеристка. Да, я карьеристка! Я хочу пойти далеко!

– Ну это мы еще посмотрим...

– Что?

– Не обращай внимания... я псих.

– Ты какой-то странный...

– Давно никого не убивал просто...

Саулюс жадно присосался к бутылке... он допил ее до дна. Сандра смотрела на это действие с плохо скрываемым отвращением.

– Ты тоже не изменился. Все так же пьешь, да?

– Ну...

– Продолжай в том же духе, ха-ха! Ты знаешь... я тоже кое-что знаю... и могу тебе кое-что сказать – про тебя. Из тебя никогда ничего не выйдет! Ты всегда был просто слюнтяем, преисполненным жалости к себе! А впрочем, мне пора. Я тут заболталась с тобой. Удачи и бросай пить! Может, как-нибудь встретимся... при других обстоятельствах...

– Это я тебе обещаю! Все связано... Бог есть!

Она затушила окурок о мусорку, подмигнула ему напоследок и села в припаркованную неподалеку тачку. Дорогая машина... Правда, внутренности говно. Вот она приспускает окно и говорит:

– Да, кстати, Саулюс... Как проехать к автостраде? Я, кажется, сбилась с пути...

Саулюс объяснил. Машина тронулась, а Саулюс повернулся к окошечку:

– 7 пива, пожалуйста, – сказал он, мысленно повторяя про себя номер.

Через 5 минут он уже был дома. Дома все становится слегка проще. Особенно если тебя там ждет не менее похмельный брат, который смотрит порнографию или читает, или курит, или спит, неважно. Паулюс смотрел порнографию.

– Бля, ну где тебя так долго носило? Я тут чуть не умер! – сказал он.

– Паулюс, я только что встретил свою единственную любовь...

– Да ты что? Стоп! – он выключил звук. – И как она?

– Замуж выходит...

– А, ясно, – Паулюс зевнул. – И за кого?

– За мента...

– За мента?! Ты меня разыгрываешь?

– Нет.

– Вот это да! Ха-ха-ха-ха! Чертовы никчемные таракашки! У этих баб нет ничего святого! Им похуй, за кого выходить, лишь бы их пизды были удовлетворены и деньги у мужа были!

– Она думает, что я ее все еще люблю...

– Да в пизду этих баб, – сказал Паулюс.

– В ПИЗДУ, НАКРЫТЬ БОЛЬШОЙ ПИЗДОЙ И МЕЛЬЧЕННОЙ ПИЗДОЙ ПОСЫПАТЬ!!! – заорали они уже вместе, хлопнули друг друга ладонью о ладонь и расхохотались.

Паулюс допил первую бутылку, открыл вторую, сел в кресло и снова включил звук. Саулюс же забрал пепельницу и отправился на кухню... он взял ручку и аккуратно записал в блокнот б сим-волов и дважды их подчеркнул...

– Как бы послезавтра не опоздать в аэропорт, – сказал зашедший на кухню Паулюс. – Ямайка! Мы скоро встретимся! Я-ху-у! Боб Марли и там где-то моя будущая девка сейчас собирает цветы! Я тебе рассказывал про свою мечту?

– Нет, не уверен... – с сигареты брата на стол упал пепел.

– Братуха! Я мечтаю о том... что однажды... я зайду в бар... в эдакий дружелюбный бар... где все свои... в мире должно быть полно таких баров... и тут она подойдет ко мне... вплетет в мои волосы белый цветок и скажет...

– Паулюс! У меня к тебе дело! – прерывает его брат.

– Нет, братуха. Какие на ямайке дела? Там все постоянно курят травку, и девушки вплетают в волосы цветы... белые! Цветы... она скажет...

– Паулюс! Да ты мне это уже пятьсот раз рассказывал! Послушай-ка лучше сюда... У меня...

– Брат! Не перебивай меня! Меня это злит! Она скажет... здоровствуй... Паулюс...

– Паулюс! Слушай! Я хочу убить ее!

– Кого?

– Да эту суку...

– А как же моя мечта?..

– Спокойно, братуха, спокойно... Ямайка подождет... Твоя мечта никуда не денется. Напротив, это судьба! – он вскочил. – Если бы мы поехали завтра, то все бы пошло коту под хвост. Ты будешь счастлив, брат! Я позабочусь об этом! Обещаю! Понимаешь, все связано... Бог есть! В итоге ты появишься в том баре за минуту до того, как она туда пойдет! Я тебе обещаю...

– Точно? Как-то все это неожиданно...

– Да сто пудов! Не парься! Точно тебе говорю! Теперь послушай меня... понимаешь... мы должны ее убить... Как бы это сказать... – Саулюс походил по кухне, делая резкие жесты рукой с сигаретой. – Я не люблю ее больше... Но у меня есть определенное чувство... понимаешь... когда-то... когда я ее любил... я знал, что она за человек, конечно... я знал, что она вся состоит из материализма... и что у нее нет души... но я верил, что я смогу это изменить!.. моя душа проваливалась в голодную пустоту... я лежал и смотрел в потолок... была полная луна... деревья за окном мерно покачивались... выли собаки... и я пообещал себе... всерьез... я поклялся!.. ты меня слушаешь? Брат!

– Я весь внимание!

– Да, брат! Я поклялся себе! Что я изменю это! Я выверну наизнанку ее душу! Я брошу ее в огонь! Я вытащу ее из огня голыми руками! Чего бы мне это ни стоило! О... брат... я так ее любил... – Саулюс начал плакать.

– Братуха... ты уверен в том, что хочешь ее убить? Может, ты ее все еще любишь?

– Нет, брат. Не люблю. И я не хочу ее убивать. Совсем. Я христианин. Но я проиграл. Пойми. Это слишком много для меня. Понимаешь, если человек в душе – жена мента, то этого не изме-

нить... но я вот что тебе скажу, брат! Меня оскорбляет это! Меня оскорбляет ее душа! Меня оскорбляет то, что я дал себе клятву, которую не могу выполнить! Меня оскорбляет то, что я ее любил! Я должен ее убить, понимаешь? Я должен!

– Да уж... – Паулюс покачал головой, – я понимаю... Но как мы ее разыщем?

– У меня есть номер ее машины...

– Ясно. Мы пробьем его по базе... это ее тачка?

– Скорее служебная.

– Ладно. Служебная значит... пробьем номер... Узнаем, где она работает... выследим... подождем подходящего случая... похитим... отвезем в лес?

– Конечно. В тот же самый. Положим ее труп рядом с тем... ну... Китом...

– Н-да...

– Брат! Помоги мне!

– Ну а как же. На то и брат. Не переживай. Все будет сделано в лучшем виде.

Саулюс внимательно смотрел на брата, сверля его глазами.

– Брат! – сказал он.

– Да, брат?

– Я люблю тебя!

– Я тоже люблю тебя, брат. Не парься. Сейчас все пробьем по базе... Все будет хорошо!...

И вот... по дороге едет мини грузовик, принадлежащий братьям Раманаускэй... в нем сидят хозяйева, а в багажнике – связанное женское тело с кляпом во рту... Это Сандра... они везут ее... в лес... чтобы... ну понятно. Но, может быть, стоит вкратце рассказать о том, как все прошло?

Все было сделано в лучшем виде, как и говорил Паулюс. Но возникло несколько проблемок. Во-первых... Номер по базе пробить они не смогли, так как у них была устаревшая версия программы. Но они не сдавались. Саулюс хорошо запомнил, что Сандра работает управляющей в фирме по транспортным пе-

ревозкам. И перезвонил все такие фирмы в Каунасе. И каждый раз спрашивал Сандру, управляющую. Она нашлась довольно быстро... Это было первым шагом. Затем они прибыли в Каунас, подъехали к зданию и стали ждать. Ее автомобиль Саулюс узнал сразу. Он стоял припаркованный прямо у входа. Мешал грузчикам работать. Те эмоционально размахивали руками, потом один из них позвонил кому-то по мобильному телефону. В конце концов, она вышла. Покричав в свою очередь на них, она припарковалась в другом месте... Потом снова зашла в здание... Они прождали несколько часов, пока она не вышла снова. Она постояла у входа с охранником какое-то время, пофлиртывала, куря свою тонкую сигарету... Потом, смеясь, села в автомобиль... была все так же хорошо одета. *(Теперь же эта одежда аккуратно упакована в мусорный мешок, а саму Сандру они переодели в спортивный костюм, по дешевке купленный в секонд-хенде.)* Ее автомобиль тронулся... они поехали вслед за ним. Так они вычислили ее адрес. Вторая проблема заключалась в подруге. Им пришлось ждать, пока Сандра не останется одна... потом – звонок в дверь и два брата заходят в дом с цветами в руках... раззинутый от удивления рот Сандры, ее бледное лицо... Никаких лишних разговоров: прямой удар в голову, кляп в рот, связать руки и ноги и вот она в грузовике. Им повезло: она жила в частном доме, и дом этот стоит в ряду похожих домишек, и вокруг – роща, а рядом – дорога... никто ничего не видит и не слышит. По крайней мере, братья на это надеялись. Плюс ко всему шел этот мерзкий осенний дождь, вымывая все следы, оставляемые шинами... Так что дождь этот был не мерзким, а... душеспасительным, что ли. Ну а дальше... Два с лишним часа езды из Каунаса в Клайпеду... и вот братья уже подъезжают к началу того самого безлюдного леса на краю города... они не много разговаривают на этот раз... темно и вокруг нет фонарей... приближается зима, и в воздухе уже пахнет морозами... Они идут к нужному месту около часа... Саулюс несет ее на спине... вот они подходят... а там уже вырыта могила, а в ней – лопата и прочее... все это накрыто целлофаном... Сандра в сознании... Паулюс расстилает ковер у ямы... Саулюс же аккуратно кладет ее на него...

– Ну что?.. Брат? – говорит Паулюс. – Сможешь ли ты это сделать?..

Чиркнула спичка, на секунду осветив дрожащие руки Саулюса.

– Брат, я думал об этом всю дорогу... – сказал Саулюс, выдыхая дым. – Я думал об этом все эти дни, все это время...

– И?

– Я не знаю.

– Если хочешь, я могу сделать это за тебя...

– Нет, брат. Исключено. Я никогда не смогу простить тебя за это. Ни тебя, ни себя. Это должен сделать я.

– Ладно. Я не настаиваю. Дело твое. Я пойду поессу. Если что кричи ОКЛАХОМА.

– Ладно.

Паулюс постоял, переминаясь с ноги на ногу.

– И вот что еще, брат. Поговори с ней. Ты любил ее...

Паулюс постоял так, думая еще что-нибудь к этому добавить, но потом махнул рукой и слился.

Сандра, застыв и не двигаясь, слушала их разговор. Ее глаза были широко раскрыты... они были видны в свете луны... Саулюс вспомнил это ее выражение этих ее глаз. Когда-то давно, когда он любил ее и они лежали вместе на его кровати... а это были два сдвинутых дивана посередине комнаты, которую он когда-то снимал для себя и нее, на время съехав от отца... и в полнейшей тишине он вдыхал аромат ее шеи, ее волос... она вдруг цепко хватает его за руку и говорит:

– Слышишь?

– Что, детка?

– Ты слышишь? Это тараканы так *шебуршатся!*

Это вполне могло так быть, ведь комната эта – в общежитии, а посуду Саулюс не мыл уже много дней, а пол не подметал – и того дольше... а луна светила... и действительно можно было услышать эти поскребывающие звуки...

– Ненавижу тараканов! – сказала она. В ее глазах отражалась луна. Как сейчас. Паулюс промолчал тогда, тщательно изучая их выражение... они были преисполнены ужаса... не про-

сто там страха, испуга, а именно ужаса... и они всматривались во тьму, в нутро тьмы... Что было за ее зрачками тогда? Что за ее зрачками сейчас? Саулюс вглядывался в них, пытаясь внутренним слухом уловить отголоски своего и ее будущего... оно казалось ему расплывчатым и мрачным. Точно таким же оно казалось ему снова. И точно такими же были ее глаза. Ничего не меняется. Просто скоро кого-то убьют... Она так не любила тараканов... скоро она вся будет в их власти. Черви ведь тоже в каком-то смысле – тараканы, верно? Саулюс смотрел на нее, боясь пошевелиться. Она иногда косила взгляд вправо... на эту могилу... которая предназначалась ей. А Саулюс все смотрел и смотрел. Потом он встал и аккуратно наступил на ее лицо ботинком, оставляя след грязи.

В конце концов, он вытащил кляп.

Она прокашлялась и издала несколько звуков, словно пытается проблеяться. Ничего не выbleвала. И она ничего не сказала. Просто впилась в него глазами. Ее лицо было смертельно бледным. Облизнула губы. Снова скосила взгляд вправо... Саулюс заговорил первым. Он всегда заговаривал с ней первым.

– Как себя чувствуешь, детка?

Она вспыхнула так, словно бы ей вмазали пощечину. При других обстоятельствах, конечно.

– Да как ты... да как ты смеешь!.. спрашивать у меня такое! Ты знаешь, что тебе за это будет? Мой жених уже работает в полиции! Ты знаешь, что он все сделает, чтоб ты страдал! Так, как ты себе даже вообразить не можешь! Как же я тебя ненавижу! Какая же ты мразь! Ты трус и подлец, вот ты кто!

– Да я знаю, детка. Ты мне сейчас не говоришь ничего нового.

– А я тебе расскажу кое-что НОВОЕ! Хочешь? Ты думаешь, ты первый мне изменил, да? Нет, Я ПЕРВАЯ тебе изменила! Я с ним так трахалась тогда, как никогда не трахалась с тобой!

– Сандра, что ты несешь?

– Когда ты уходил на работу, он приходил к тебе в комнату! Мы ебались на твоей постели! У него и член побольше, да и трахается он получше! и еще Кястас, и Борька, и...

– А о ком ты говоришь сейчас, Сандра? Подожди. Кто он?

– Тадас!

Саулюс не смог сдержать смеха. Тадаса он хорошо помнил. У этого здоровенного мудилы никогда не помещалось больше одной мысли в голове. Да и та была о том, как еще накачать бицепс.

Реакция Саулюса, казалось, совсем сбила ее с толку... Она нервно хихикнула...

Саулюс молчал. К ним подошел Паулюс.

– Все в порядке, брат? До ОКЛАХОМЫ еще не дошло? – спросил он.

– Подходи. Не стесняйся. Да, кстати, я вас так и не познакомил. Паулюс, это Сандра, я ее любил раньше.

– Знаю...

– Сандра! Это Паулюс! Мой безумный брат!

– Рад познакомиться! – сказал Паулюс, приподнимая невидимый цилиндр и церемонно расшаркиваясь.

– Уроды! Труссы!

– В общем так, Сандра... мы тебя уьем. Говорю тебе это сразу и без обиняков и промедлений, так как, я знаю, у тебя есть какие-то надежды, что все это не всерьез и не взаправду. Ты наверняка думаешь, что мы тебя попугать решили... так? У тебя сто процентов есть какие-то надежды. Все люди хотят жить и цепляются за щепки... даже за других людей, утягивая их за собой в пропасть... чтобы тебе было проще, лишая тебя всяческих надежд прямо сейчас! Паулюс! Продемонстрируй ей, что мы можем!

– О-о, с удовольствием!

Паулюс словно только и ждал этих слов. Он разбежался и со всей силы пнул ее в бок. Она согнулась пополам и стала задыхаться... ну вы знаете, как это бывает.

– Какой ужас! – сказал Паулюс, танцуя вокруг нее. – Вы все ведете себя совершенно одинаково!

Он пнул ее еще раз. Потом отошел, закурил и встал в стороне, переминаясь с ноги на ногу. Из глаз Сандры лились слезы... Саулюс подошел к ней, нагнулся и... облизал ее глаза.

– Как вино, – прошептал он. – Всегда мечтал так сделать.

Сандра начала рыдать, завывая, звать на помощь. Кляп пришелся кстати... не то, чтобы они боялись, что их кто-то услышит...

это же дремучий лес... до ближайшей дороги – почти час ходу... просто неприятно нарушать спокойствие такой прекрасной пронзительной ночи какими-то бабскими завываниями. Но поговорить с ней Саулюсу все еще хотелось. Казалось, он не сказал ей еще того самого важного, что должен был.

– Я хочу поговорить с тобой, Сандра, – сказал он.

– Мне уйти? – спросил брат.

– Нет! Останься, Паулюс! Я хочу, чтобы ты присутствовал!

Паулюс присел на корточки рядом.

– Детка... я тебя точно убью. Можешь не сомневаться. Однако если ты будешь кричать, я причиню тебе много боли. Я не хочу причинять тебе боль. Я христианин. Я не хочу причинять тебе даже неудобства! Видишь, мы позаботились о том, чтобы тебе не было холодно! под тобой – ковер! Чувствуешь! Кивни в знак того, что ты меня понимаешь!

Сандра кивнула.

– Ну так вот.. Я вытащу кляп... и не вздумай кричать! Хорошо?

Сандра кивнула снова. Саулюс вытащил кляп.

– Чего ты от меня хочешь? – спросила она. – Ты хочешь меня трахнуть, да? Тебе не дает покоя мое тело? Мы можем это сделать. Просто отвези меня обратно. Я никому ничего не скажу...

– Нет, так не пойдет. Мне нужна твоя душа, а не тело, детка.

– Саулюс... – сказала она ласково, как называла его тогда... – может, я еще люблю тебя? Может, я еще смогу полюбить тебя? Не поступай так. Ты сильно пожалеешь!

– Возможно. Но не об этом речь... Можешь не сомневаться, детка, я убью тебя. Я убью тебя вот этим.

Саулюс вытащил из рюкзака нож.

При виде ножа она побледнела еще больше, если это вообще было возможным.

– Паулюс! Скажи ему! Он сумасшедший! А ты, я вижу нормальный парень! – на этих словах Саулюс приподнял бровь. – Неужели ты не видишь, что он тебя использует? Он – настоящий псих! Он дьявол! Паулюс! У тебя еще есть шанс спастись! Останови его! Умоляю! Я не хочу умирать! Меня должна была ждать другая жизнь!

– Заткни рот этой чертовой миледи, – приказал брат.

– Нет! нет! – кричала она. – БУДЬТЕ ПРОКЛЯТЫ, ГРЯЗНЫЕ УБЛЮДКИ! БУДЬТЕ ПРОКЛЯТЫ!

Паулюс нехотя засунул ей в рот кляп. Он выглядел грустным.

– В чем дело, брат? Она на тебя действует, да? Тебе ее жаль? – спросил Саулюс.

– Да уж... убить женщину – совсем не то, что убить мужчину... я имею ввиду, что ты ее любил и все такое... это важно... – сказал Паулюс, – возможно, нас замучает совесть потом...

– Можешь в этом не сомневаться. Нас точно замучает совесть. Все связано, брат. Бог есть! За все надо платить!

– Еще есть время повернуть назад...

– Нет, брат. Ты чего? Не будь Д'Артаньяном, братишка! Ты испытываешь ложные чувства сейчас. Слишком поздно. Или слишком рано. Впрочем, я думаю, время настало.

Пауза. Многие назвали бы ее зловещей.

– А теперь... – он присел на корточки возле нее. – Сандра! Посмотри мне в глаза!

Сандра посмотрела в его глаза, но увидев, что он поднимает нож, зажмурилась... и задергалась... Саулюс опустил нож...

– Нет, так не пойдет...

– Брат! Давай скорее! мне не по себе! – сказал Паулюс резко.

– А, впрочем, в пизду. Я что-то нервничаю. Я в возбуждении. Дьявол! Что я тебе, Сандра, еще могу сказать, кроме того, что уже сказал? Я не люблю тебя больше... ты готова? Надеюсь, что да.

Сверкнул, как говорится, нож... Саулюс держал ее в объятиях в последний раз... «Прости меня... прости меня...» Сандра мотала головой. Где-то завывала собака.

Через полтора часа они уже были в своем грузовике. Паулюс все время молчал. Он не проронил ни слова с момента убийства. Видя, что брат пребывает в каком-то трансе, он доделал всю работу. Завернул тело в окровавленный ковер. Присыпал все это дело землей. Уровнял. Собрал инструменты. Саулюс не смог на этот раз обойтись без сентиментальностей. На могилу он положил две перекрещенные палки. «Она должна быть похоронена

по христианскому обычаю», – сказал он. «Я люблю ее сейчас, как никогда... – добавил он секунду спустя, – я чувствую, будто бы что-то умерло во мне... Я думал, мне станет легче... но мне напротив тяжело... мне очень тяжело, брат...» и все такое в таком духе... (даже лучшие из нас бывают сентиментальными.). Паулюс ничего на это не ответил.. они шли сквозь лес, ломая ветки и проваливаясь в грязь. Теперь они едут по дороге домой, а завывающий ветер, кажется, все шепчет что-то... и шепчет. Так назойливо, так настойчиво. Саулюс так и не смог уловить в этом шепоте ни фразы, ни смысла, ничего. Ведет грузовик на этот раз Паулюс, младший брат. Он и нарушает молчание.

– Я думаю, самое время ехать на Ямайку... – говорит он – А завтра просто отдохнем, выпьем... посмотрим какой-нибудь концерт... Робби вполне подойдет. Или Элвис... Мне чертовски остро чертела эта гребаная Литва... на Ямайке мы покурим настоящей ямайской травки. Может, начнем новую жизнь... меня там ждет девушка... наверное... брат. Ты в порядке?

Саулюс ничего не отвечает. Он медленно затягивается дымом и выдувает струю прямо в стекло. Ветер дует в стекло с одной стороны, Саулюс дымом – с другой. Ничего не меняется. Разве что пейзаж. Вдали показываются огни ночной Клайпеды.

– Мы можем в клуб сегодня пойти, – отвечает, наконец, Саулюс.

Паулюс, сам того не замечая, расплывается в довольной улыбке.

13. РАССКАЗ ПАУЛЮСА

Как только они увидели огни ночной Клайпеды, что-то внутри них переменилось. Сложно было сказать, что именно... Они оставили грузовик в гараже, переоделись и недолго думая пошли в California, а именно так и назывался клуб. Не так уж далеко от стойки, выделяясь на красном фоне, блистали шесты, на которых извивались танцовщицы..... Рядом – танцпол с кучей разного пляшущего сброда. Саулюс взял текилу и лонг-айленд, а Паулюс – водку и пиво. Они сели за столик, находившийся ближе к краю, к стене... единственный свободный. Играла Бийонс. Бармены продолжали суетиться. Наспех выпив за упокой души Сандры, они направились в курилку. Они прихватили с собой пиво и лонг-айленд.

– Я думаю, что любовь приносит свои агонии, – сказал Паулюс Саулюсу. – У меня тоже своих хватало. Я ведь был влюблен однажды. Хочешь, расскажу?

– Конечно, брат, конечно!

– Она жива. Насколько я знаю, она от меня освободилась. А я... я пошел дальше... Она живет сейчас где-то в России. И с ней все в порядке. Моя любовь была адовым адом для нас...

– Верю, – сказал Саулюс, – так оно обычно и бывает...

– Я расскажу тебе, – воскликнул Паулюс, сделав резкое движение и расплескав пиво себе на джинсы. – Я расскажу! Я познакомился с ней на концерте.... в-в... это было давно.... в то время у меня было чувство, что никому за мной не угнаться, что я – впереди всех на тысячу километров! Самый крутой, самый четкий! Безумный и опасный сукин сын! First line! И обо мне ходили дурные слухи! Что я скин! Что совершаю налеты на панков! Но это неправда! Я не только на панков налеты совершал! Ха-ха. Весьма недурная репутация, не правда ли? Как правило, работает на меня. Ты понимаешь... Но в тот раз мне надо было... ха-ха-ха!

– погоди, брат! Подожди!..

– Да, брат.

– Ты потише говори, чувства чувствами, но видишь тех двух баб, по-моему, они озадачены. Они все слышат. Они все слышат. Тише...

– Так это только к лучшему! Ну ладно. Я буду осмотрительным, раз уж ты сказал.

Саулюс промолчал.

– Так вот, меня считали очень крутым чуваком. Это был Каунас. Бабы от меня были без ума. Моя юность... Пацаны боялись. Это произошло на концерте. Я шел в туалет, а там была очередь, ну и обо мне ходили странные слухи, и я был напряжен в тот вечер и безумен вообще... и напуган, наверное, в тот конкретный момент... Ту очередь у туалета я ненавидел и презирал... одни малолетки... Вот, кто был по-настоящему напуган!... как только я появился, воцарилась гробовая тишина... И я уже взялся было за дверную ручку без стояния в очереди... И ОНА вдруг выступает вперед и говорит мне: «ТЫ ЧТО, СОВСЕМ РЕХНУЛСЯ ЛЕЗТЬ ВПЕРЕДИ ОЧЕРЕДИ??» она выглядела, как юная девочка тогда, но такая смелая... Я настолько был ошарашен ее реакцией... подошел к ней, взял ее за руку и сказал: «Нет, я не рехнулся... Ты не так поняла». Вся толпа это видела. Они охуели. Я тебе говорю, я влюбился в нее с первого взгляда! Я ушел, оставив их в недоумении. Все в той же гробовой тишине... Они все были какими-то худощавыми, беспомощными, изнеженными... Я хотел ее выцепить после концерта... Вот что это был за концерт, не могу вспомнить... Когда я ее увидел снова, то подбежал и снова начал признаваться в любви. И целовать руки... Мой безумный огненный шар вдруг взорвался любовью!.. словом, она потом мне сама рассказывала, что ей уже к тому моменту доложили мою неправильную репутацию... И она затряслась, когда меня увидела. Думала, я буду ее бить. А я подбежал к ней и выпросил свидание на следующий день в 6 часов у начала аллеи Свободы... Ну, ты знаешь, где это. Я был там ровно в шесть. И честно ждал ее 40 минут. Она не приходила. Я был взбешен.... Думал, она меня предала. Пошел прочь и где-то через час я как-то снова там оказался.... Сами ноги привели. И... ты представляешь... ты меня слушаешь?.. И она сидела и ждала меня, представляешь?..

– Что? Что?

– Она извинялась за опоздание... и мы долго целовались.. а потом дождь, летний дождь пошел... я успел укрыть ее курткой как раз за минуту, как мы пришли ко мне...

– Ну? Ну? Что же было дальше, – говорил Саулюс.

– У-у-у, детка, это была любовь, ЛЮ-у-у-бо-о-овь, понимаешь? Вдруг меня сразила любовь. Покруче, чем этого... из Булгакова... Мне больно об этом говорить. Я люблю боль... знаешь, я, наверное, не готов был к такому подарку с небес... – говорил Паулюс, – я не готов был к любви.

– К ней никогда нельзя быть готовым, брат.

– Да, это было слишком много. Я чувствовал этот переломный момент. Как будто мрак нашел на меня на вершине! Сплошное безумие! Мне срывало башню! Где-то что-то пошло не так. Знаешь, до чего дошло? Ха, дошло вплоть до того, что я выдумал ей свод правил, которых она должна была придерживаться... серьезно! не говорить громко, не смеяться, не разговаривать по мобильному телефону, не ходить в мини-юбке, не ходить в эти ее школьные театры, не чавкать, не плакать, не делать неправильных движений... она повиновалась... Я ее жутко ревновал ко всему... к себе самой в первую очередь... ко школе ... не знаю почему. Она еще школьницей была... Много правил, очень много, все и не помню. Ушла ко мне в 16 лет жить от родителей. А мне было 21. Я не мог выдержать этой любви. Это сводило меня с ума. Бил ее...

– Бил? Серьезно?

– Ну да, конечно, а что здесь такого?.. Много раз бил, брат, много раз прилюдно... И никто никогда не вмешивался... Никогда! Я много раз душил ее во время занятий любовью... Она тоже любила боль, ведь все прощала. У нас была очень сильная связь. Потом она говорила, что я гениальный актер, а я и не играл. Разве что так – перед Богом... Но потом мне надоело причинять боль ей... вернее я понял, что гораздо эффективней будет, если я буду причинять боль себе.. она любила меня, сечешь? я много раз резал себе вены, до костей, терял уйму крови, такая лужица у двери в ванную расплывается... вот эти шрамы... жуткие, а? Я сходил с ума! Помрачение какое-то нашло. Она так меня любила!... какой секс!. Это было ненормальным. Любовь, детка, лю-у-у-у-у-бо-о-овь, понимаешь? Но остановиться было невозможно. Мне хотелось посмотреть, до чего могу дойти я... а до чего может дой-

ти она... любовь разрушительна. Это называется любопытством? Или скотством? Брат?

– Сложно сказать...

– Она мне руки целовала... Перевязывала раны полотенцами и простынями...

– Н-да-а... А я этой части твоей биографии не знал. Думал, эти шрамы появились при других... обстоятельствах...

– Я о тебе тоже многого не знал, пока жил в Каунасе. Она говорила, что любит меня! Кстати, вот один эпизод про мою ревность. Хочешь, расскажу?

– Брат, чего ты, конечно хочу...

– У нас было нечего жрать и один ее знакомый принес еду. Когда я пришел, она кошеварила, а он сидел за столом. У меня сразу мелькнула в голове мысль, что он ее ебал, пока меня не было! Вот не могу объяснить. Я вышвырнул его за дверь, а потом бил ее и бил... бил и бил... как я ее не убил тогда – не понимаю. Как ты думаешь, брат, я псих?

– Ты просто очень чувствительный человек, брат.

– Ты так думаешь? – сказал брат, широко улыбаясь.

– Да, брат. Не считая того, конечно, что ты ебанутый маньяк... как и я... Если ты не забыл, я два часа назад зарезал *свою* любовь...

– Литовские бабы, – сказал Паулюс задумчиво, – только и могут, что вплетать в волосы синие цветы безумия... нам нужны другие цветы... нам нужны белые цветы, брат!... Ну, словом, она сейчас где-то в России, – продолжал он. – Я не знаю, как она и что она. Никакой информации. Однажды она просто пропала. Вмешались ее родители. Мне угрожали... за ней следили... один раз я ее видел, мы поговорили и я понял, что это конец. Они ее спасли. Я уже не чувствовал себя настолько крутым и всемогущим, как раньше... Думаю, там дело у нас шло к ее убийству с моей стороны. Это хорошо для нее – что она ушла. Наверное. Хотя чувства мне говорят иное... По слухам знаю, она уехала в Россию. Может, мужиков обслуживает, не знаю... Ну и после этого я замкнулся, заперся один в четырех стенах...

– Вот как, значит...

– Да...

На этом моменте одна из тех двух женщин, про которых говорил Саулюс, встала с дивана и подошла к ним.

– Извините, а не найдется ли у вас приречь?..

Саулюс достал зажигалку и прижег. Секундная заминка.

– А мою историю с Сандрой ты знаешь, – сказал Саулюс вроде бы брату, но на самом деле этой женщине – от смущения.

– Мы не знаем твоей истории, – сказала эта женщина.

– Она проста, как жизнь, – ответил Саулюс мгновенно и замолчал...

– Как жи-изнь?.. – протянула она.

Паулюс вышел из курилки... Подошла другая телка. Обе они были брюнетками, с толстым слоем штукатурки на лице. Об обеих немного можешь сказать. Клубные литовки, из середнячка. Но любительницы, не профессионалки. Просто две женщины. В таких не влюбишься, подумал Саулюс.

– А вы откуда? – сказал он.

– Откуда мы? Ой, откуда мы только не откуда! – сказала она, и они обе засмеялись. Паулюс вернулся в курилку с еще одним пивом, бутылкой текилы и рюмками, он загадочно улыбался.

– Привет, девчонки! – сказал он.

После короткого обсуждения стало ясно... что? что две девчонки, как водится, не прочь поразвлечься с серьезными парнями? Все как всегда. Когда они отлучились танцевать, Саулюс предложил энергичному брату по-тихому уйти.

– Это пошлое место, – сказал он, – по крайней мере, сегодня. Не для меня это.

– Да знаю, брат. Тебе непросто сейчас, я вижу. Но мне еще хочется тут побыть. Я хочу выпить. И потанцевать. ОЧЕНЬ.

– Я больше не могу...

– Я еще побуду. Ладно? Ты иди, если хочешь. Все в порядке. Побудь один. У нас тут все под контролем...

– Брат, знаешь, меня заинтересовала твоя история... может, она помогает мне разобраться в себе... Но нужно больше подробностей...

– Да хрен с ней, с этой моей историей. Какая разница, кто там кого любил. Ах, да, брат. Одна деталь, важная. Я не хочу ее убивать, я видеть ее вообще не могу. И знать не желаю. Я думаю,

если бы я ее убил сейчас, я бы чувствовал ... эм-м.... Раздражение... но мне это не нужно, – Паулюс опять дернул рукой и снова пролил пиво себе на джинсы...

Он, пританцовывая с пивом в левой руке, направился к танцполу, а Саулюс недолго думая пошел домой. Он видел, уходя, как брат кадрит тех двух баб. «Паулюс, Паулюс... брат Паулюс» – бормотал он и шел, качая головой. На улице было совсем уже холодно, и пока Саулюс шел к дому, у него было странное чувство, что по этой дороге, в такую же ночь, ему уже приходилось ходить тысячу раз – именно так, как сейчас. Саулюс не чувствовал ничего, кроме пустоты. Сандра была мертва, но это ничего не значило, это ничего не меняло и происходящему не было никакого объяснения, никакого оправдания, в нем не было смысла, ни малейшего, ни капельки, Сандра была мертва для него уже давно, и вот он идет куда-то, убив ее, идет по ночным безлюдным клайпедским дворам, по своему кривому непонятному маршруту, вот он заходит в подъезд... Кому какое до этого дело?..

**

«Нужно будет привести ему девчонку, – подумал Паулюс. – Ему это нужно. Да, это то, что ему сегодня нужно».

**

.....Саулюс сидел с бутылкой в руке в кресле, в темноте, в полнейшей тишине, забывшись в полудреме, когда одна из этих женщин зашла к нему в комнату. Как они вернулись вместе с Паулюсом в дом, он не слышал. Но проснулся от ее присутствия. Присутствия женщины. Из другой комнаты раздавались негромкие стоны, возня и смех... Саулюс увидел ее раздевающийся силуэт, потом она подошла к его кровати и легла. Саулюс неспешно встал со своего кресла, подошел и погладил ее бедро. Ее губы нашли его губы во тьме. Мужчина и женщина в одной постели. Саулюс трахал ее и во время секса ему пришло в голову, что он – секс – иногда ничем не отличается от онанизма... И как только он это понял, он сильно схватил ее за задницу и кончил – бессмысленным белым семенем – в ее теплое и мокрое женское нутро.

14. РАССКАЗ САУЛЮСА

Братья все еще лежали под одеялами в разных комнатах. Было около часа дня. Саулюс судорожно нащупал полупустую бутылку пива у кровати. Тех двух женщин уже в квартире не было. Он смутно помнил, как они ушли рано утром. На работу. Официантки в кафе.

– Я вчера еще был в казино, – крикнул Паулюс из другой комнаты.

– Как ты все успел?

– Не спрашивай. Я не знаю. Дело в другом... помнишь этого мента, который живет напротив?

– Да. Иван Свинын, кажется...

– Ага. Не согласишься, вчера я его встретил!

Паулюс зашел в комнату к Саулюсу. Саулюс продолжал лежать с натянутым до подбородка одеялом.

– Брат... ты никогда не задумывался над тем, почему нас не находят?

– Потому что мы хитрые сукины дети?

– Не только! – Паулюс прикурил сигарету и дал ее брату. Потом прижег себе и надолго замолчал.

– Брат! Тебе что-то известно, что неизвестно мне? Говори.

– Да нет, брат. Я думаю, тебе самому известно, какие тупые у нас менты. Они действительно поверили в то, что это Бэтмен зарезал Потворников вечности, потом поджег помещение и, сидя в огне, проткнул горло себе. Он сам начал об этом разговор. Мы сидели за стойкой, я спросил, как дела у нашей доблестной полиции. И он сказал, что люди стали пропадать в городе. Я говорю: то есть их кто-то похищает? И он ответил, что, скорее всего, это цыгане... сдают их на органы... мутные дельца... их никогда не раскрывают...

– А Потворники вечности?

– С ними все прекрасно. Они горят в аду.

– Погоди, брат. Они вообще не связывают все наши дела? И конкретно на нас у них ничего нет?

– Совершенно ничего. Они.... Или, по крайней мере, он... далек от мысли, что все эти пропажи людей... убийства Потворни-

ков вечности – дело рук одних и тех же людей.... Да кому могут быть понятны мотивы?

– Верно. Тот, кто понял тебя, стал равным тебе, и он на твоей стороне, брат. Ну что ж. Это хорошие новости. Мне кажется, теперь можно встать с кровати.

Саулюс встал. Братья обнялись.

– Ну что ж. Сегодня не будем ночевать здесь, – сказал Саулюс. – С трех часов сегодняшнего дня эта квартира нам официально не принадлежит. Надо не забыть отдать ключи... Деньги уже на наших счетах. Я уже поделил их пополам и выслал тебе твою часть на твой счет....

– Сколько это?

– Вышло очень выгодно заключить сделку. У тебя там 29 штук. У меня столько же.

– Неплохо!..

Саулюс кивнул.

– Да, кстати, брат, – сказал Паулюс. – Насчет этого... Ивана Свинына. Когда я уходил из казино, я дал ему 20 евро на то, чтобы он отыгрался.

– Он взял?

– Конечно, взял. И пожелал удачи.

Саулюс улыбнулся. Братья снова обнялись.

– Слушай, брат... – сказал Паулюс. – Ты вчера сказал в клубе, что я твою историю с Сандрой знаю...

На этом моменте по лицу Саулюса пробежала туча.

– Но ведь я ее совсем не знаю... что там у вас произошло? – сказал Паулюс.

– Брат. Я не готов об этом говорить. Я тогда был другим человеком.

– Хорошо, нет проблем...

...Воцарилось глубокое молчание. Саулюс чувствовал, что его история вот-вот сорвется с губ – благодаря этому молчанию. Паулюс ничего не говорил. Просто рассматривал стену, как ни в чем не бывало. Саулюс ждал, Паулюс тоже ждал. Шло время. Паулюс начал присвистывать. Наконец, Саулюс заговорил. Сна-

чала тихо, потом – более возбужденно. Видно было, что он хочет, чтобы история дошла до брата нужным образом.

– Помню, как много времени проводил я раньше на море... на косе... в лесу... сосны и чайки были моими друзьями, я сооружал замки из песка, рыл каналы. И, конечно, я фантазировал с таким романтическим уклоном. Вот вижу девочку, уставившуюся на прибой, она будоражит мое воображение, а подойти познакомиться я стесняюсь... и воображаю: вот сейчас на нее нападет морское чудище, и я спасу ее... представляешь? Но чаще всего ее просто звала мама... А я же после таких эпизодов чувствовал, будто бы я... опозорился перед природой, то есть лесом, морем, звездами... моими морскими чудищами... размечтался да еще и застенялся ее... соответственно, я предал мою природу, променял ее на какую-то хуету, изменил ей...

– Ты серьезно?

– Я никогда не был так серьезен брат.

– Это какой-то адский пиздец...

– Ну так слушай же дальше...

– Да я слушаю-слушаю...

– Ну так, значит, природа и фантазии. У меня было только это. Природа и фантазии. Я наблюдал за тем, как живут остальные, как у них все получается, и я ненавидел их за это. Они казались мне настоящими людьми, а сам я себе казался выдумкой. Уродом. Они смеялись, танцевали, а я учился не мигать в темноте...

Саулюс сделал паузу и закурил.

– Каждый вечер я проводил за чтением поэзии. Особенно мне нравился Рембо, но поначалу я читал всех подряд... даже Юстинаса Марцинкявичюса, мать его. Тогда особо без разбора. Ну и современных тоже. Но это потом... неважно. В общем, их слова звучали у меня в голове и горели огненными буквами перед глазами. Когда я отрывался от чтения, я подходил к зеркалу и делал напротив него разные выкрутасы, и мне казалось, что вокруг творится какая-то свистопляска, у меня гудело в ушах...

– А где был я в это время? – спросил Паулюс.

– Ну как... Ты же, в основном, за игровой приставкой проводил дни...

– Да, точно. Проебал, считай, детство!

– Да. Верно. Черт, какой невинный я был! Помню, однажды ночью, прогуливаясь по косе, я написал записку... прекрасной незнакомке... своей воображаемой возлюбленной... я написал нечто вроде: «Я тебя никогда не брошу. Я всегда буду с тобой вместе. Я буду любить тебя и до смерти, и после. Я найду тебя. Ты навсегда будешь моей. Я переверну мир ради тебя..» Записку я сжег, а пепел съел... Шло время...

– Так, потом ты теряешь девственность с той вонючей дурой, о которой ты рассказывал, и разочаровываешься в женщинах?

– Не совсем. Не торопи мою историю, ты же сам захотел ее услышать...

– Да, точно...

– Я не разочаровался в женщинах в тот раз, о котором ты говоришь, так как не был очарован конкретно той бабой, ее я просто использовал, чтобы лишиться девственности. Это совсем другая история. Поэтому я только укрепился в желании найти свою любовь, если уж ты об этом. Понимаешь? – Саулюс взял стопку водки, поднесенную ему Паулюсом, и братья выпили.

– Понимаю... – Паулюс поморщился.

– До этого, кстати, у меня была и потом испарилась из моей жизни Дангуоле¹⁰, правда, с ней у меня были чисто платонические отношения... за исключением того единственного поцелуя... я ей рассказывал о морских чудовищах, которые я видел, о подвигах, которые собираюсь совершить. Помню, как мы передавали друг другу письма... А потом она пропала... – продолжал Саулюс. – А я после этого стал реже ходить на косу... Шло время, я стал забывать... В том числе и Дангуоле ... Будем правдивы – я ее вообще забыл. Когда недавно я ее нашел на сайте angelovestoy.com, на самом деле, это уже была совершенно не она... И я уже был совсем другим...

Паулюс промолчал.

– Прошло около семи лет... И вот... в один прекрасный вечер... Момент настал... я нашел ее... она сама нашлась...

– Ты о ком сейчас?

– Я о Сандре сейчас, брат. Дангуоле мы проехали.

– Понял.

– Значит, я даже не помню наше знакомство... Я даже не заметил, как это все произошло... мне было весело, ей было весело... Мы ушли из компании, в которой были... пошли в бар.... Танцевали там.... Никаких задних мыслей – только утверждение любви. Я видел только ее, и мы танцевали. Потом я ее поцеловал... Это было так – мы уходим из бара... она останавливается возле подземного перехода... и говорит: «Саулюс...» «Да, детка, все, что угодно!» «Поцелуй меня нежно...» Мне казалось, что наши сердца бились в такт... Я влюбился по уши. Мы проводили очень много времени вместе. Много смеха и огня в глазах... Но так это было только первые две недели. Потом у меня начали открываться глаза... и мы начали ссориться... Насколько помню, впервые мы поссорились так: она делала какие-то задания по университету, а я лежал после работы на диване и смотрел на ее спину. «Сандра, подойди ко мне», – сказал я. «Нет, я делаю уроки... потом»... Она не заметила, что я не просто так попросил ее. Мне нужна была она... я погибал и не знал, какого черта происходит...

– Погибал? То есть?

– Ну да, брат, я погибал, так как знал, что все это временно... Наши отношения с ней – это временно... к великому сожалению... и что другой такой любви у меня больше никогда не будет... ведь она – первая, настоящая... одновременно и взрослая, и детская... Как сказать, ну *предчувствовал* я все тогда! В общем, на чем я остановился? А, да. «Сандра... обними меня...» – настоял я. «Сейчас... секунду».. Она что-то записала в тетрадь, обняла меня насуп и оставила дальше лежать на диване... Я как будто провоцировал себя и ее на ссору. Я понимаю, как это звучит... Какие-то обнимашки... возможно, это и глупо, но вся жизнь наша – это глупая шутка. Я продолжал лежать на диване.... Я был так молод, я совершенно не знал, что мне делать со своей болью, и я старался ее прятать... так я и ходил, с каменным лицом. Это вознаграждалось только во время секса... и когда я ее обнимал... А однажды она прижалась ко мне и спросила: «Саулюс, я тебя устраиваю? Может, мне нужно что-то изменить? Тебе все нравится в сексе?»

Я весь дрожал от голой боли и сказал: «Меня все устраивает». Она заснула ровно через 10 секунд, брат!... А я – нет. Помню, как я лежал рядом с ней и клялся себе, что я изменю ее: сделаю такой же, как и я сам. Я стерплю любые испытания, думал я. Она – это она, а я изменю это, я изменю божий закон. Я переделаю эту «вещь в себе». Я сделаю ее «вещью во мне». Но у меня ничего не получилось. Она оставалась прежней...

– А какая она была?

– В смысле?

– Ну ты говоришь, что она оставалась прежней...

– Она была обыкновенной материалистичной бабой, которая ничем не хотела жертвовать. И должен был жертвовать я. А я не хотел больше жертвовать своей свободой, ведь она, например, никогда ничем большим для меня не пожертвовала бы. В ней вообще ничего большого и не было-то. Она была просто тупой пиздой, брат. Но я был влюблен, я был привязан к ней, к ее телу, к запаху ее волос, я не мог дышать без нее. Вот от этого внутреннего конфликта я и сорвался однажды и заперся у себя на неделю. Не ходил на работу. Не отвечал на звонки. Она приходила каждый день. Я не открывал. Продолжал пить. На 7 день я впустил ее. Она испугалась.... «Теперь я знаю, какой ты на самом деле...» А я с испугу ответил что-то вроде «Нет, детка, я не такой... я люблю тебя... люблю тебя...» В итоге, я вошел в запой. И она от меня ушла... Я решил, что больше я в эти игры играть не буду никогда. Никогда больше, ты слышишь, брат? И я ее не видел с тех пор... пока однажды случайно она не оказалась у того ларька...

– Ясно... дальше я знаю...

– А дальше ты знаешь, да... Я не знаю, кто я, брат..... кто я? Я чертов ебанный идеалист, вот что! Во мне что-то перевернулось этой ночью... Как будто что-то открылось... или, наоборот, закрылось... я не знаю...

– Кончай грузиться, брат. У нас вся жизнь впереди! Мы только-только ее начали.

– Ты прав. Но, знаешь, брат, мне сейчас ГОРАЗДО легче стало – после того, как я тебе все это рассказал...

– Я рад этому, – сказал Паулюс, – действительно рад, брат. Ну что? Нам пора собирать вещи, ехать за билетами....

– Да, да, я помню... Помню... Подожди пять минут, брат... Мне надо почистить зубы и посрать. Куда ты вечно торопишься... У нас еще есть где-то час...

**

– Мы отрезали хвосты, мы отрезали хвосты! – братья танцевали на косе, куда они поехали по настоянию Саулюса, чтобы проститься перед отъездом с родной, литовской природой... Они выделывали коленца на косе... и напевали нехитрую песенку, только что ими придуманную: «Мыотрежем всем концы, мыотрежем всем концы!».

Подошел паром, братья перестали хохотать, зашли на борт и уселись на скамейки, рассматривая билеты. Каждая печать, каждый непонятный код на них бурно обсуждался. Сегодня был последний день их старой жизни и первый день новой. Цифры на билетах вполне могли содержать знаки. Впрочем, какая разница, что эти знаки таят в себе? Ведь не далее чем завтра братья поедут напрямик в рай! Прямиком к Богу, в его чертову прекрасную обитель! За бортом парома кричали чайки, и холодный ветер Балтики уже не казался так холоден. Этот ветер был принесен потоками с Ямайки, и щекотал братьям ноздри.

15. КАК САХАРНАЯ ВАТА

Смеркалось. Братья не спеша шли в сторону кладбища Лебартай. Настроение у них было просто отличным. Темнота их не пугала. Перед отъездом нужно было проститься с отцом. Пусть он лежал, закопанный, в земле, а дух его горел в аду – свидание было необходимо. На этом настоял Паулюс. Саулюса это немного удивило, брат был довольно далек от какой бы то ни было религиозной традиции, однако возражать он не стал. Ясно было – это последняя возможность повидаться.

– Ты знаешь, что у меня обрезанный член?

– Никогда не знал об этом, брат, – ответил Саулюс.

– В натуре тебе говорю. Хочешь глянуть?

Саулюс невольно обернулся, словно проверяя, не слышит ли кто. Паулюс захохотал над ним, выронив сигарету изо рта.

– Бля, брат, теперь ты и МЕНЯ смущаешь, – произнес он, сквозь смех. – До этого я думал, что нет ничего в том, чтобы два нормальных мужика увидели члены друг друга. Но теперь я тебя боюсь. Seriously! Я тебя боюсь, брат!

И Паулюс снова заржал.

Саулюс достал из рюкзака, висевшего за спиной, пару пива, ловко открыл, используя мобильный телефон. Братья сделали по глотку. Лес, который предварял кладбище, был уже совсем рядом.

– Так будешь смотреть? – спросил Паулюс через некоторое время. Эта фраза вызвала у обоих такой приступ хохота, что они уселись на землю и долго и от души смеялись. Это был один из тех дней, когда все очень близко к ста процентам. Последний день в Литве.

– А в чем разница, кстати? – спросил Саулюс, когда они успокоились. – С чисто технической точки зрения. В использовании.

– Не поверишь, брат, – ответил Паулюс, – а хуй его знает!!! Не с чем сравнить.

– Сукин ты сын! – восхищенно воскликнул Саулюс. – Крыть нечем.

– Гы-гы-гы, – заржал Паулюс в ответ. – Все чотко, брат. У меня всегда все чотко.

– Мы вообще чоткие пацанчики.

– Движемся на райончике.

– Все, что нужно в карманчике.

– Нужен кто – в телефончике.

Братья снова заржали. Паулюс закурил. Они ступили в лес.

– Помнишь ту девушку, на косе? – внезапно спросил Саулюс.

Было около семи или восьми часов. Братья уже довольно долго шли по лесу. Это был хороший лес, в нем росли разные деревья, не только сосны. – Я все никак не могу забыть ее. Ее звали Угне. Почему-то она застряла у меня. Прямо вот здесь. – Саулюс показал на область головы над левым ухом.

– Да брось ты. Все они шлюхи.

– Может быть, брат. Но это неважно. Сейчас мне кажется, что я должен был целовать ей ноги. Понимаешь, брат? Знак полного подчинения. Растворения своей личности. Именно там, на косе. Это единение. Совершенно неважно, что она собой представляла. От нее не требовалось такого уж многого – я простой человек. Это такие поступки, которые потом кажутся глупыми, ты смеешься над ними, я смеюсь над ними – но их нужно делать. Я тебя не обвиняю, брат, это твой порыв, этот топор... это чистая поэзия... звук дождевых капель, бьющих по коре сосен... но девушка... брат...

Саулюс замолчал. Стало совсем темно. Рюкзак с пивом почти опустел, но, кажется, там еще что-то оставалось. А еще предстояла обратная дорога. И вообще дорога. Длинная дорога – путешествие на край ночи... туда, где рождается самый яркий день...

Могила отца была неопрятна. Заметно было, что к ней никто не прикасался с тех пор, как в землю воткнули крест. Паулюс достал бутылку водки и вылил грамм сто в изголовье. Уже совсем ничего не было видно, братья не захватили с собой фонарики. В их карманах лежали только документы и банковские карты. Они стояли долго, в полной темноте, передавая друг другу бутылку.

Отец пропускал.

Обратно шли еще медленнее. Ни черта не было видно в этом лесу.

– Кажется, мне нужно посрать! – трагически произнес Саулюс. – Сру, я только и делаю, что сру, – воскликнул он в продолжение.

– Такова жизнь, брат... Но тут же совсем темно!

– Думаешь, кто-то подползет сзади и будет нюхать мое говно?

– Кто знает, кто знает. Извращенцев в наше время столько, я не удивлюсь, если один из них ползает по лесу.

– А что делать? Хочется.

Саулюс остановился и присел, где шел.

– Прямо на дороге? Ну ты даешь! – воскликнул Паулюс.

– Я не уверен, что тут дорога. Думаешь, это так?

– Не знаю. Сиди. Я достану топор на всякий случай.

– Знаешь, мне вдруг пришло в голову. Мы должны закопать его¹¹... Я хочу закопать его. Это будет символический акт освобождения.

– Освобождения Литвы от нашей тирании. Ха-ха-ха.

– Ты потворствуешь вечности!

– Конечно! Все мы в какой-то степени ей потворствуем.

– Я – нет. Срал я на вечность, – с этими словами Саулюс исторг здоровенную и вонючую какашку. – Думаешь, ей есть до нас какое-то дело? Ты помнишь, где мы скоро будем? Мягкий песок, волна бьется о самый прекрасный берег, который ты только можешь себе вообразить. Ты садишься, смотришь на волны, раскуриваешь косячок, отхлебываешь из большого бокала мохито.

Саулюс встал.

– Я все. Пойдем отсюда. Нужно найти место.

– По-моему, любое место подходящее.

– Давай здесь.

– Давай.

Братья остановились. По-прежнему было темно, как в дьявольском котле. Братья видели только смутно белеющие руки и головы друг друга.

– Копай у корней деревьев, там земля мягче. Просто прикрыть топор.

¹¹ Речь идет о том самом топоре, которым была зарублена девушка на косе (см. главу «Танцующая под дождем»).

– Хорошо.

Вскоре яма была готова.

Паулюс бросил в нее топор. Братья поднялись с коленей, отряхивая руки о штаны. Закурили. Саулюс сплюнул и медленно произнес:

– Трое славных малых отправились за море, один упал на землю и их осталось...

Он не закончил. Носком ботинка Паулюс стал закапывать яму.

– Что-то я устал, брат, – сказал Саулюс.

Он свернул с дороги, хотя никто из них по-прежнему не был уверен, что они идут по дороге, и уселся на землю, привалившись спиной к дереву. Паулюс плюхнулся рядом. Каждый ощущал тепло другого, но несмотря на это братья вдруг стали далеки друг от друга, как никогда раньше. Даже в детстве, когда они могли не видеться друг с другом месяцами, не говорить за это время ни слова другому – они были ближе. Саулюс достал последнюю бутылку водки из рюкзака. Пить было абсолютно бессмысленно. Глаза даже не видят горлышко. Водка скользит легко, из темноты в темноту. Раздался щелчок зажигалки – Паулюс прикурил. В дрожащем огоньке родился первый человек, родился, закричал, изверг семя и снова погрузился во тьму.

Кто-то из братьев вдруг заговорил – по-литовски – молился.

Блядский лес рядом с кладбищем. Души всех, кто там был похоронен, слетались сюда. Нет никаких причин для криков вон по ночам. Когда-то давно в этом лесу лег тевтонский отряд. Старые кости: старая кровь тянет как магнит.

– Брат, – шепотом произнес брат, – мне страшно.

Вдалеке – пространство изменило свое значение, может быть, это было рядом – возникло что-то, оно было словно сахарная вата в аппарате, обклеенном блестящей фольгой. Это был комок спутанной паутины, кокон, которым оплетают заболевшие листья деревьев насекомые.

– Ты видишь? – шепотом произнес Саулюс.

– Да, – таким же шепотом ответил Паулюс.

Они смотрели не отрываясь. НЕЧТО обнаружило признаки движения, категорию времени, большое белое тело, струящееся сквозь пространство. Оно росло. В темноте, где не было никаких ориентиров, оно достигло невероятных размеров.

Кажется, это был человек. Да... совершенно точно... кто-то из братьев ясно увидел очертания фигуры пожилого человека. Послышалась песня. Из глаза – Паулюса? – выкатилась крупная слеза и стала в уголке, как будто заслушалась:

Diena ějo ějo ějo,
Ligi vakaro priějo,
Ties žaliu namu sustojo,
Vakarui ranka pamajo.

Ei, vakari vakarěli,
Klok man pievų kilimělj,
Tildyk mišką ir laukus,
Dovanok saldžius sapnus.

Vakaras žodžius iš lěto
Tarsi pagalvěles měto,
Pailsai tu per dieneļę,
Atsipūski per nakteleļę.

В детстве эту колыбельную пел им отец... каждый вечер... когда был дома. Это бывали редкие вечера. Очень редкие – настолько, что каждый из них запомнился навсегда.

Братья закрыли глаза. По дороге, от которой их отделяло несколько десятков шагов, проехал велосипед с фонарем, выглядевшим в полной темноте, словно кусок сахарной ваты.

Они очнулись утром, задубевшие от холода. Первым проснулся Паулюс. Он пихнул брата в бок, удостоверившись, что тот еще жив. Низкое солнце косыми лучами освещало трещины на коре сосен, рассекая казавшиеся монолитными тела деревьев спящей сеткой золотистых отражений.

Сигареты закончились. Саулюс зашвырнул пустую пачку куда подальше.

– Как думаешь, брат, что это было? Привидение?

– Кто его знает.

– Это ли не доказательство существования жизни после смерти?

– А, может, привидение нам просто... э-э-э... привиделось?

Братья засмеялись. Наступал новый день.

16. ПАРА ВЫСТРЕЛОВ

– Как поедем, – спросил Саулюс, – на нашем грузовичке? Автобус? Автостоп?

– Конечно, автостоп, и обязательно через Каунас! – Паулюс подтянул ремни своего рюкзака плотнее.

– Зачем нам делать крюк? Поехали напрямик в Вильнюс! Лучше проведем время в *duty free*!

– Не, через Каунас, мне надо сделать там пару выстрелов, – Паулюс рассмеялся, а Саулюс нахмурился.

– Слушай, какие пару выстрелов? Все. Мы закончили. Мы едем! – он помахал билетами перед носом брата. – Все-е-е. Мы-ы-ы е-е-едем.

– Пара выстрелов, всего пара выстрелов, последних выстрелов. Обещаю, это займет 2 минуты. Ничего особенного. А потом сразу в *duty free*.

Саулюс согласился, хотя делать крюк не входило в их планы. Братья вышли пешком из города. Они шли легко, продолжая хором напевать песенку¹², немного переиначенную под себя:

there are two killers on the road
If ya give these men a ride
all your family will die
killers on the road, yeah.

Убивать никого не хотелось, хотелось просто петь и радоваться, Паулюс выставил большой палец через 5 километров после черты города и тут же, как по заказу, остановилась старая шкода, с древним дедом за рулем:

– Куда вам, сынки?

– Каунас, – ответил Паулюс

– Ну, садитесь, коли люди хорошие! – братья по старой привычке оба сели на заднее сидение.

¹² Песня Riders on the Storm группы The Doors.

**

– Не знаю, как тебе, брат, а мне нужно хряпнуть чего-нибудь, – сказал Саулюс, когда они уже увидели эти белые многоэтажки каунасского даунтауна. Они ехали на шкоде деда. Только уже без деда. Тот достал братьев своим назойливым разговором на тему особенностей скотоводства под Алитусом... и Саулюс сам попросил остановить машину, несмотря на зарытый топор войны... Теперь дед покоился под ивой.

– Нет проблем, брат. Наша посадка через 6 часов. Мы все легко успеем.

Паулюс свернул в гору и вскоре братья ехали вдоль частных бедных литовских домишек.

– Я четыре года прожил в Каунасе, эти пейзажи мне очень знакомы, – сказал Паулюс.

– Да, брат, я знаю... сверни вон туда. Там, кажется, магазин.

– Хорошо, брат.

Братья припарковались на стоянке и вышли из машины.

Внимание Саулюса привлек сидящий рядом с кустами маленький котенок, дрожащий от холода или страха. Это был совсем маленький котенок, дворового типа, серый, полосатый. Он был совсем один. И совсем не испугался подошедших к нему людей.

– Надо ему пожрать чего-нибудь дать, я мигом... – сказал Паулюс.

Саулюс остался один. Мимо пробежала собака... увидев котенка, она устремилась к нему и Саулюс уже было хотел хвататься за нож, но собака, виляя хвостом, просто бесцеремонно обнюхала маленькое существо, потом отбежала пару метров, потом, задрвав лапу, поссала и побежала дальше. Вскоре вернулся Паулюс. Нес он с собой порцию кошачьих консервов, бутылку текилы и две пачки сигарет. Одну из них он бросил брату. После этого Паулюс открыл пачку консервов и вывалил содержимое на асфальт. «Не надо было всю, – сказал Саулюс, – кот съест все, потом блевать будет». «Ничего, ничего, – сказал Паулюс, – съест, проблюется, потом съест блевотину... Все в порядке... Это ж кот!». Братья прижгли по сигарете.

Мимо проходят двое детей. Мальчик и девочка... как только девочка увидела кота, она радостно взвизгнула и побежала к нему. Котенок же тут же попытался удрать под машину. Но не успел. Девочка схватила его на руки и начала тискать и гладить. Котенок ничего не мог этому противопоставить. «Надо же, какая ирония, – подумал Саулюс, – взрослых не боится, собак не боится, а детей опасается...»

– Эй, – крикнул Паулюс, – ты чего? Не видишь, что ли? Ему не нравится, когда его тискают. А ну-ка отпусти его!

Девочка нехотя отпустила котенка и взяла мальчика за руку. Метров через десять она, не останавливаясь, прокричала через плечо: «Я вообще-то первая его нашла! И кормила его больше вас! Я его хозяйка! А не вы!» – она повела мальчика за собой.

Братья переглянулись. «Люди любят контролировать других, – промолвил Саулюс, – мир, брат, не изменишь...». «А мне по барабану!» – ответил Паулюс.

Братья снова залезли в машину.

Они ехали по закоулкам Каунаса уже около 40 минут, и Саулюс как-то перестал улавливать проделываемый ими маршрут. Какими принципами руководствуется его брат, ведя машину? Он прошерстил один район, другой, третий. Кого он ищет? Ищет ли он что-то определенное? Казалось, Паулюс сам не знает, чего хочет. Лицо его было очень задумчивым и отстраненным. Саулюс сделал еще один глоток из бутылки текилы и передал ее брату. Паулюс как следует к ней приложился.

– Брат! А куда мы вообще едем?

– Я просто хочу напоследок оставить свою подпись в Каунасе, – сказал Паулюс. – У меня с этим городом очень многое связано... мне нужно здесь напоследок расписаться.

– В кого ты хочешь стрелять?

– Погоди, брат. Мы уже приехали...

Паулюс остановил машину неподалеку от здания полицейского комиссариата района Аляксото и закурил.

– Постой, брат, – сказал Саулюс, – что ты собираешься сделать?

В ответ Паулюс только ухмыльнулся.

– Почему именно это здание? – спросил брат.

– Любое здание подойдет. Лишь бы там были менты. Патруль тоже бы подошел, но с другой стороны... у них только-только начался обед... там почти никого не будет. К тому же прикинь, как-во оскорбление? Завалиться к ним прямо в логово!

– Каков план?

– Ты сидишь здесь и страхуешь меня. Я иду и мочу всех собак.

– Ого!

– Просто посиди в машине и будь готов сразу отсюда рвануть. Я проникну в логово к ментам и захуюрю их там всех.

– Паулюс! Ты ебанулся! Они же вооружены!

– Эффект неожиданности, – сказал Паулюс и рассмеялся, – эффект неожиданности, брат. К тому же у них обед... я думаю, там будет только дежурный. Я сделаю пару выстрелов – последних выстрелов. – Паулюс погладил ствол и рассмеялся, – и мы сразу дернем в Вильнюс. Ямайка близка, как никогда! Там я буду паинькой. Начну новую жизнь. Но закончить старую надо с блеском! Пара последних выстрелов!

– Мы рискуем всем.

– Не больше, чем обычно. Все под контролем, брат. Они ничего не успеют сделать. У нас самолет совсем скоро. Я быстро. Сиди здесь.

Паулюс затушил сигарету о коробку передач и открыл дверь.

– Брат, – сказал Саулюс, – прости, но я пойду с тобой.

– Ладно, – сказал Паулюс.

– Только осторожно, брат.

– Конечно. Осторожность – мое второе имя, – ответил Паулюс.

Паулюс спрятал револьвер под майку... и вышел из машины. Саулюс догнал своего младшего брата, и они вместе зашли в здание.

Внутри, как и говорил Паулюс, сидел только один мент.

– Добрый день, – сказал Саулюс подчеркнуто вежливо. Он посмотрел на брата. – Меня обманули цыгане, – на этом моменте мент откинулся назад в кресло. – При покупке определенной

продукции, – говорил Саулюс, – при покупке определенной продукции... меня облапошили. Я не получил ничего, а они получили мои деньги. Эти злобучие цыгане совсем охуели! Мне не нравится, что этот сброд делает в городе моего брата!

– Что это была за продукция? – спросил мент, лысоватый, четкий литовский гоп.

– ...Впрочем, я не заявляю о факте пропажи, – продолжал Саулюс, – я заявляю о факте мошенничества.

– О каком именно факте мошенничества идет речь? – настаивал мент. – И при каких обстоятельствах случилось происшествие?

– Речь идет об обмане, об отвратительном акте мошенничества, – сказал Саулюс, интонационно подчеркивая каждое слово.

– Они продали мне муку. Простую муку.

– Подождите, вы что, шутите?

Мент снова откинулся на спинку кресла... он не выглядел удивленным или особо встревоженным, он просто устал, столько долбоебов приходят сюда со своими тараканами... еще одна ебаная осень. Он выдавил из себя улыбку.

– Заканчивайте, парни...

– Паулюс, расскажи господину полицейскому про цыган, – сказал Саулюс.

– Мне похуй, цыган ты или нет, – сказал Паулюс. – *Главное, что ты мент, грязная псина. Только псы идут в менты в этом государстве, да и не только – как я подозреваю. Вы в лучшем случае – полицейские морали, а мы с Братом – полицейские нравственности. Мораль – в поступках, нравственность – в помыслах...* (на этом моменте Саулюс снова вспомнил о девушке, которую Паулюс убил топором на косе) Короткая пауза. По лицу мента видно, что у него нет философского образования. Паулюс выхватил пушку и выстрелил. баБАХ. Пуля прошла прямо в шею. – *Паршивому псу – паршивая смерть,* – сказал Паулюс значительно. – *Всем им скоро наступит пиздец, и Паулюс Раманаускас приложит к этому руку,* – баБАХ – раздался контрольный выстрел в голову.

Саулюс не повел и бровью.

– Надеюсь, это и есть твоя пара выстрелов? – устало сказал он, – это все?

– Ну да, – ответил брат. – Кстати, как тебе моя речь? Всегда мечтал убить мента.

– Ничего. Неплохо.

Спрятав мертвого мента в шкаф и накрыв испачканное кресло плащом умершего, братья вышли из здания и сели в машину, Паулюс – снова на водительское, Саулюс – рядом с ним. Саулюс пристегнул ремень.

– Ну, брат? Съебываем отсюда!

– Брат... скажи мне... я поступил правильно?

– Возможно, брат.

– Адский взрыв фашизма! – рассмеялся Паулюс.

Саулюс промолчал. Паулюс завел машину, и они поехали.

– Кстати, ты же знаешь, чем занимался наш дед во время войны?

– Что-то такое слышал от отца...

– Ха-ха, да-да, примерно тем же самым! Расстреливал жидов в команде братьев, а потом заделался стоматологом ну и с приходом доблестной Красной армии иммигрировал в Америку. Хорошо, что у него уже был задел в виде золотых коронок и так далее... для карьеры в США... ха-ха! сам понимаешь, откуда он у него был!¹³

– Я к евреям хорошо отношусь.

– Я к евреям тоже. Конечно! Это самоирония, пойми. Не путай еврея с жидом! Вот этот мент – точно был жид! «Чертов слуга капитализма», мать его! Ты видел его усики?!.. Ха!

До Вильнюса Братья добрались без происшествий. Оставили дедовскую развалину еще на окраине, остановили такси и так добрались до аэропорта. Зашли в дюти-фри, приобрели бутылку вискаря...

– ...Н-да-а... – сказал Паулюс, сидя рядом с братом в зале ожидания, – прекрасный цветок смерти... что может быть лучше, чем когда чувство твоей правоты проходит через все твое тело?

¹³ См. Рута Ванайгайте. Книга «Наши», гл. «Зубной техник и Ко.».

Чувство законченности – прекрасное чувство! На этом кончается наша старая жизнь, что весьма жаль. По-моему, она была прекрасной. Мне нравилось убивать. Но топор войны зарыт, с Каунасом теперь окончательно покончено. Наш отец мертв, а я... я должен идти дальше. Карма моя очищена... Я верю в это. Серьезно! Меня ждет на Райском острове Любовь и Новый Свет... Я это заслужил. Прощай, Литва...

Саулюс продолжал молчать.

...Вечером, едва самолет братьев оторвался от бетонной полосы аэропорта Вильнюс, на побережье возле Клайпеды выбросило тонныдохлых шпротин. Рыбу стали разбирать местные жители. «Надо предупредить людей, – сказал кто-то. – Это может быть опасно».

17. ЭПИЗОД В САМОЛЕТЕ

Они сидели в самолете, Саулюс – возле окна, Паулюс – рядом с ним. Кепка скрывала глаза Саулюса, он молчал. Паулюс жевал жвачку. За окном были облака, облака и ничего более.

– Я еще никогда не летал в самолетах, – сказал Паулюс. – Мне страшно.

– Значит, тебе нужно выпить... – сказал Саулюс задумчиво.

– Нет, брат. Не поможет. Я под амфитамином...

– Что?!..

Саулюс оторвался от газеты и смотрел на брата выпученными глазами. Паулюс продолжал интенсивно жевать жвачку.

– Я под амфитамином, брат.

– И давно?

– Уже полчаса как. Мне было скучно.

– Брат. Да ты же сдохнешь! Нам лететь до хуя и с лишком! Бля... ты и меня в гроб сведешь! ну ты даешь!

– Я когда был маленьким... не, я не хочу об этом рассказывать. Это просто жуткая история. Хотя могу, конечно. Я могу! Но не буду... Просто мое состояние это как... Слушай, нам долго лететь? Эй, стюардесса! – он схватил за руку проходящую мимо стюардессу. – Девушка, дайте воды мне и моему брату... мне очень хочется пить. Вы слышите меня! Пожалуйста, немного воды – это то, что нужно мне и моему братишке... БРАТЫШ. Какое славное слово, правда? – он повернулся к Саулюсу. – Вернее я хотел сказать классное... БРАТЫШ, ха-ха-ха, БРАТЫШ. Он – мой БРАТЫШ.

– Извините моего брата, он боится летать в самолетах.

– Ничего страшного, – ответила та. – Я сейчас принесу воду.

Паулюс продолжал жевать жвачку, громко чавкая. Стюардесса принесла воду.

– Спасибо, детка, – сказал Паулюс. – Спасибо тебе от меня и моего БРАТЫША САУЛЮСА!!!! Кстати, передайте экипажу, что с ними летит Паулюс. Так и скажите, что они везут самого Паулюса. Скажите, скажите, почему бы и нет? Мы особо не прячемся. Скажите, что везете меня и моего братишку Саулюса. Паулюс – это я. А вас как зовут?

– Рита.

– Нам надо будет как-нибудь познакомиться, Рита. Я и вы в самолете. Это романтично, правда?

– Хотите что-нибудь перекусить?

– Я бы съел вас на завтрак. И еще компот ...

– Мой брат не будет есть.... – сказал Саулюс. – Можете идти. Стюардесса ушла.

– Чего ты ее послал? Брат? Ну, может быть, это я ее послал. Но я же никуда ее не посылал верно?

– Это пиздец... – сказал Саулюс. – Брат, попробуй молчать. Просто жуй жвачку...

Паулюс попытался последовать совету брата. У него это получилось – ровно 5 секунд.

– Я еще никогда не летал в самолетах... – сказал Паулюс. На этих словах любопытный мальчуган из другого ряда привстал на сиденье и посмотрел в их сторону.. Черноволосая женщина, по всей видимости, его мать, схватила его за руку – и мальчуган пропал из виду... – Но мне еще предстоит много перелетов, – продолжал Паулюс, – очень много, и это первый. И я пролечу его... я пролечу! Как ебаная космическая ракета! Девушка, вплетаящая в волосы белые цветы покоя, уже совсем рядом!

Саулюс застонал. «Что это с моим братом?» – думал он. Хуже места и времени для употребления амфитамина он себе вообразить не мог.

О-ох-х... Саулюс откинулся на сиденье. Лететь предстояло долго. Но награда того стоила. Многие уже позади. Осталось чуть-чуть. Все эти убийства... А был ли в них вообще какой-то смысл? Спросить Паулюса? Нет, лучше его сейчас не возбуждать на такие темы – а то весь самолет будет знать, с кем они едут. Состояние под амфитамином – не совсем удачное состояние для таких разговоров. Тем более, в самолете! Был ли смысл во всех этих убийствах? – снова подумал Саулюс. Он уже ничего не знал наверняка. Одно было очевидно: они все еще живы. И это после того, как они нарушили все мыслимые и немыслимые запреты. Это все какое-то удачное стечение обстоятельств. Бог на их стороне. И теперь все позади. И они летят в эту чертову обитель Бога.

Кажется, Паулюс опять хочет что-то сказать. Но Саулюс опережает его:

– Не надо, брат... Посмотри лучше на то, какие прекрасные облака за окном... хочешь, мы поменяемся местами?.. я серьезно! ты только взгляни на них... разве они не прекрасны?..

– Да это просто чертовы газы... – пробурчал Паулюс. Но пересел.

18. ПРИЕХАЛИ

Братья проснулись в *Reggae Hostel*, где они остановились, и недолго думая направились к морю. Вчера они прилетели поздно, устали, к ночи Паулюса начало отпускать, они еще некоторое время искали гостиницу, потом пили виски в номере... А сейчас – их первый день в раю.... «Я даже не чувствую похмелья», – отметил про себя Паулюс. Ключ они оставили негру-консьержу. Было как-то странно идти по улице, полной негров. Саулюс чувствовал на себе их взгляды. Но идут-то братья к морю! И вот они здесь. Надо отметить, что ямайская природа с ее холмами, пальмами и морем завораживала Паулюса. К тому же он был молод, силен. Здоров, полон сил и молодости, бытия в себе, и, после всего совершенного, здесь, в обители Бога, он испытывал невообразимое наслаждение, невысказанный успех, настоящий праздник духа.

– Охуенно! – заорал он и принялся носиться кругами по песку.

Брат ухмыльнулся.

– Всего лишь пляж. Но нам не хватает мохито!

Пока Паулюс выделывал коленца на песке, совершал невообразимые прыжки, Саулюс сходил в ближайший бар.

– Здесь настоящий рай! – крикнул Паулюс приближающемуся брату. Саулюс подошел, со словами «мохито не было, брат» протянул брату бутылочку пивка и расположился рядом.

– Рай, говоришь... Ну что ж. Будем наслаждаться им, пока можем. Пришлось совершить немалый путь...

– Ага... Пошли купаться?

– Иди.

– А ты?

– Я буду купаться сегодня ночью...

...

– Пошли? – сказал, наконец, Паулюс, слегка обсохнув.

– Да, конечно, брат.

По мере их углубления в город, Паулюс как-то занервничал.

– У нас все при себе, да? Документы, карточки...

– Да. А что? Тебя тоже что-то тревожит?

– Не знаю. Что-то вон та компания негров мне вообще не напоминает ангелов... Мне не нравятся эти люди. Все так незнакомо... Испытываю некий страх, – сказал Паулюс.

– Ну вот ты и сам это сказал. Страх – последствие всякой лжи, как говорил Достоевский.

– Какой лжи?

– А хрен его знает... Может, нам следовало поехать в Крым? Впрочем, мы ищем не рай, брат. Мы ищем путь.

– Куда? – спросил Паулюс.

Пауза.

– Куда, брат? Путь куда? – переспросил Паулюс.

Саулюс открыл рюкзак, достал оттуда минералку и сделал несколько глотков воды.

– Я не знаю, брат... я не знаю... Раньше я и сам думал, что в рай. Я сражался с бесами и думал, что это чтобы попасть в рай. Я так думал. А теперь даже и не знаю... Пошли в бар...

– Пошли... Дай попить, брат.

– Сушняк?

– Да.

– Неудивительно! Учítывая, сколько ты вчера вынюхал и выпил... – Саулюс улыбнулся. – Как ты вообще живой-то?..

**

Братья были уже в довольно сильном подпитии, сидя за стойкой в этом ямайском баре, когда к Паулюсу подошла девушка. На ней были короткие черные шорты, оголяющие ее толстые ляжки, и белая блузка, совсем не скрывающая ее огромных сисек. Паулюсу нравились всякие женщины. Такие тоже. Но к тому моменту он уже был изрядно пьян, и она двоилась у него в глазах. Так что он и внимания бы не обратил, если бы она не начала вплетать ему в волосы этот чертов белый цветок. Паулюс побледнел, как будто бы он увидел свою мертвую мать.

– Ни хрена себе. Это... и *впрямь*... ты? Саулюс! Ты это видел? Это ты подстроил?

– Нет.

– Почему ты вплела мне в волосы цветок?

– Я не знаю... что-то на меня нашло, – она рассмеялась, потом добавила, – просто он красивый, как ты.

– Почему белый?

– У меня только такие и есть...

– Я люблю тебя!

Она рассмеялась.

– Как тебя зовут?

– Hannah.

– *Hannah?*

– Hannah.

Паулюс рассмеялся.

– Меня зовут Паулюс. Я проделал огромный путь, чтобы встретиться с тобой. Я хочу взять тебя в жены, Hannah. Ты выйдешь за меня?

– Какой ты скорострел!... он всегда такой?

Саулюс рассмеялся.

– У меня есть деньги, крошка, – сказал Паулюс. – Мы можем потратить их вместе...

– Что ты делаешь в этом баре, Hannah? – спросил Саулюс. – Ты проститутка?

– Уже не-е-ет. Теперь уже не-ет, – возразил Паулюс. – Это все неважно!

– Ну, еще я мою посуду и помогаю по хозяйству. Еще вот продаю свои поделки, – она показала на угол со всякими поделками из бумаги, статуэтками, вуду-фигурками.

– Понятно.

Она рассмеялась и тронула Паулюса за нос, – пошли в гостиницу... Недорого, – она снова рассмеялась.

– Ебать, как это все романтично! – воскликнул Паулюс. – Белый цветок! Ну надо же... Я знал, что это случится однажды...

– Все связано, брат... Бог есть! – подмигнул Саулюс.

– Я согласен, крошка. Только платить не буду. Ха-ха-ха. Если что, брат, я крикну ОКЛАХОМА.

Она рассмеялась:

– Будешь, будешь, ты за все заплатишь...

Она взяла Паулюса за руку и повела за собой...

**

– Ты знаешь, я еврейка... тебя это не смущает? – сказала она, разглядывая татуировки на теле Паулюса.

– Нет, меня это не смущает...

Она скинула с себя халат...

**

С этого вечера жизнь братьев и впрямь перевернулась. Братья почти перестали видеться. Паулюс все свое время проводил с Hannah, постоянно занимаясь с ней сексом и почти перестав пить...

Однажды она отвела Паулюса в травяное поле. У них случился конфуз при переводе на английский. Она имела в виду обычную, не прущую траву. Паулюс сделал вид, что огорчился. Но когда они пришли на место, у Паулюса возникло радостное чувство, что он на Куршской косе. Никакого отличия. Так же щебечут птицы, так же палит солнце и они вдвоем среди засохшей травы.

– Наверное, тут много насекомых, – сказала она.

Паулюс улыбнулся.

– Давай покурим, – предложил он.

– Давай! – радостно сказала она. – Секс с тобой под гашишем это нечто. Улет башки.

Он рассмеялся и поцеловал ее.

Затем достал плюшку, раскурил сигарету, аккуратно положил плюшку на сигарету и засунул ее в прожженную в бутылке дырку.

– Мне страшно, – сказала она. – Я нечасто курю гашиш, ты же знаешь... а вдруг мы сгорим?

– Я люблю тебя, – сказал он. – Затянься.

– Мне страшно. Ой, – она затянулась, потом протянула бутылочку Паулюсу. – Держи.

– Нет, давай еще, до конца.

– Хорошо.

Она затянулась еще раз. Затем подождала и выдохнула. «Молодец», – подумал Паулюс. Затем он поцеловал ее.

Она вздрагивала всем телом от его прикосновений. То, как сладко она постанывала, сводило Паулюса с ума. «Хороший гаш»,

– подумал он. Ничего не существовало кроме Паулюса и Hannah, его и ее. В округе – нет людей.

«Ты бы знал, что у меня сейчас творится в голове», – сказала она и снова углубилась в поцелуй.

Она была так красива, и солнце плавно опускалось в море, и Паулюс подумал, что сейчас, вот сейчас, все прошлое, настоящее и будущее происходит одновременно, то есть прямо сейчас. И что это не просто она лежит на полотенце среди высохшей травы. Это все женщины, всех времен и народов лежат сейчас среди этой желтой травы и смотрят на него такими хитрыми прищуренными глазами... Все, которых он когда-либо знал или видел, все, о которых он когда-либо думал... Это ощущение усиливалось одновременно с тем, как усиливались ее крики. На последних двух, особенно звонких, он кончил.

– Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя, – говорила она.

Когда она начала плакать, он положил голову ей на живот. Она гладила его волосы пальцами... мало-помалу рыдания прекратились. Вдруг она громко расхохоталась, и Паулюс присоединился к ее смеху.

Затем он посмотрел на нее. Она посмотрела на него.

– Я люблю тебя, – сказал он.

– Шесть лет.

– Что?

– Тебе сейчас шесть лет.

– Да, я знаю, я знаю... Почему-то я смущаюсь тебя.

– Давай вместе посмотрим на небо?

– Давай.

Они легли рядом.

– Я не видел здесь ни одного насекомого, Hannah.

– Они просто пошли спать...

– ...потому что к ним в гости пришли цари земли, – подхватил Паулюс.

– Да, они такие, ой, все, нам пора спать, – она показала это мимикой.

Они снова рассмеялись.

Как-то у Паулюса с Hannah завязался разговор о литературе. Она оказалась читающей девушкой и восторженно отзывалась о Сартре. Паулюс мгновенно помрачнел, и на лице его появилось *то самое жестокое выражение*. Паулюс показал ей портрет Селина на своем сердце. Она скривила рот. Паулюс сказал:

– Ты, к примеру, не болеешь за *Žalgiris*, ты даже не знаешь, что это такое, и я тебя не виню за это... просто мы с тобой словно на разных уровнях чистоты... вот и все... тебе нравится месье Жан Поль Сартр, я же считаю его жирной жидовской свиньей... понимаешь?

– Не говори так о моем народе.

– А ты знаешь, как твой народ поступил с Селином, с этим величайшим гением? Несколько лет назад еврейская община во Франции добилась исключения его из списка чествуемых писателей на 2011 год из-за его так называемых «антисемитских» взглядов... Ты знаешь, о чем это говорит?

– Мне это ни о чем не говорит... Я даже Селина не читала...

– Еще бы! Зато ты читала и восхищаешься этим «Тартром»!.. Или «Сартиром», как называл его Великий Селин! А я тебе скажу, о чем это говорит. Это говорит о том, что ДАЖЕ МЕРТВЫЙ, СЕЛИН ОПАСЕН... КАК Я, МОЙ БРАТ И ТАКИЕ КАК МЫ! МЫ СПАСИТЕЛИ, МЫ ПУТЬ И СВЕТ. Такие, как ты, убили любимого тобой Христа... и они убили Селина... пусть тебе будет стыдно за твой народ!

– Паулюс, но я – не святая!

– Но ты веришь, что святые – гуру, верно? А никаких гуру на свете не существует, есть только ты и твоя вонь... да... В тебе есть червоточинка, крошка. Ты самая обыкновенная... тварь божья, такого, знаешь ли, потребительски-мещанского пошиба... чистая жидовка, что ни говори!

– Я тебе сразу сказала, что я еврейка. Раньше тебя это не волновало...

– Я был счастлив...

– Паулюс... хороший мой... я тебя прошу... наслаждайся мной, жизнью, Богом и природой... и пусть твое сердце обретет мир...

– Хорошо, детка...

...С этого дня Паулюс снова стал пить.

**

Паулюс никак не мог изменить это самое «Hannah». То есть они были разными – внешность, характеры, которые он не пропускал сквозь себя, а пропускал мимо, мимика, пристрастия. Это была просто «Hannah» – теплая вагина, мягкая грудь. Что-то, что укрывало от холода. Что-то, что давало немного шанса пережить ночь. Она приходила, уходила. «А смысл?» – думал Паулюс в те секунды, когда ему было хорошо, когда он кончал в нее своим семенем. Потом эта мысль сменялась другой: «А, это же Hannah. Мне так не холодно, неужели этого недостаточно?» Он шел, стриг ногти. Понуро, уставившись в эти столетние доски. Ногти на ногах давались хуже всего, поэтому с ними он ждал дольше обычного. Потом возвращался, забирался в свою норку и улыбался – хоть на эти 30 минут у него под одеялом было тепло. Потом она уходила. Мучительно, медленно, терзая его утренним первым солнцем. Это было самое ужасное. «Ну почему она не уходит до, почему она уходит после?!» – каждый раз молча спрашивал он у нее. Но она уходила слишком поздно, когда волна страха подходила к сердцу, сжимая дыхание этой железной перчаткой, когда руки начинали дрожать рябью и сквозь пелену снов прорывалось сознание того, что это все – реальность. Где-то на полпути между пятнами на простынях и пальцами, изогнутыми ветвями, Паулюс вскрикивал от недостатка воздуха, но заставлял себя замолчать, борясь. Иногда она говорила: «Ты теперь мой на всю жизнь!» Паулюс искренне радовался, но потом это сумрачное утро приходило вновь. Мятые ими простыни, вонь его внутренних органов. Она уходила.

В мире был изъян. И Паулюс чувствовал это. В каждом кирпичике, которые он изучал сотнями, был изъян, что уж говорить о большем? Она была лишь оболочкой. Паулюс думал о ней, когда нюхал цветы, или когда смеялся, когда ему везло. Но, в остальном, он чувствовал этот изъян. Он знал, что однажды, когда все

двери откроются, он сможет видеть все вокруг бесконечным. И Ее тоже. Но также он знал, что он слишком заперт внутри себя. Что это именно он не может изменить мир вокруг.

Ну и? Все так тихо и медленно. Как сказать? Ну, «спокойно». «Ничего не болит, ничего не беспокоит», как говорит Брат. Кажется, что достигнуты промежуточные итоги. Она уходит с воскресной газетой... Паулюс, он же... такой парень... когда приходит осень, он молотит кулаками по воздуху...

– Пожалуй, пожестим, – думал Паулюс. – Нет, не пожестим, – думал Паулюс. – Какая разница?

Она познакомилась с ним так мистически. Он же видел ее уже когда-то? Хотя бы миллиард лет тому назад? стакан в руке. Мне что, еще один раз показать тебе, как он лопается в моей ладони? Она не ответила. Над ее левым плечом висел дьявол.

И лев лежал, он ел из рук. И было не так холодно. Он ел из ее рук... Потом они играли джаз и блюз. В основном про убийства мальчиками девочек, и он подмигивал ей. С искренней улыбкой. Почти танцевал. Он думал о том, как сшибает ее на землю. А Она молит его не убивать. А Паулюс только бьет ее в ответ сильнее. «Это была кровь из моего носа» – пел он. Ну а потом... Она же много не говорила. Она просто уходила. Он чувствовал себя крайне круто, вдыхал, слушал. Но потом природа брала свое. Все вокруг было костюмированным балом, ботинки сверкают, маски мелькают. А потом наступала темнота... Наннаһ? Она излечивала его сердце.

– Да ладно, – Паулюс улыбался, ему было спокойно, он понимал, что все это... Ладно... Покурил, уже не больно. Больше не больно, не больно. Тебе показать билеты в боль?..

**

Шло время... о Саулюсе ничего не было слышно. Как-то утром Паулюс просыпается в постели один. С кухни доносятся запахи жареных овощей.

Паулюс поискал рукой под кроватью бухло, но ничего не нашел.

Через какое-то время она зашла в комнату.

– Доброе утро, Паулюс. Ты меня любишь?

- Погоди-погоди. Где мой вискарь, крошка?
- А зачем он тебе?
- Э-э, крошка! Он мне сейчас очень нужен!
- Больше, чем я?

Паулюс промолчал.

- Выбирай. Либо я, либо бухло. Ты слишком много пьешь.

«Почему это она решила, что может вместо меня определять, сколько много, а сколько мало? Только потому, что мы с ней много раз уже спали вместе?»

Она вздохнула:

- Твои овощи – на плите... позавтракай.
- Мне нужен стейк с кровью и стакан виски!
- Паулюс, у тебя похмелье. Тебе сейчас нужны овощи...

Паулюс вновь промолчал.

– Ну, мне пора... пойду займусь серфингом... присоединяйся... тебе будет полезно...

- Нет, спасибо...
- Пока не прекратишь бухать, я к тебе не вернусь...
- Ок.

Она пожала плечами и вышла из номера. Паулюс встал с кровати, блеванул в толчке, закурил, поссал и посрал. Это его немного успокоило. «Надо с ней помириться, что ли, – подумал он. – А то что я, как маленький... я же теперь стараюсь рассчитывать не на день вперед, а хотя бы на два... Я больше никого не убиваю, может, даже наоборот, так чего это я такой жесткий с ней. Это же просто «Hannah»... теплая вагина, мягкая грудь... что-то, что позволяет мне пережить «эту ночь»... Я должен быть благодарен ей за это».

**

Через несколько месяцев Саулюс решил навестить брата в его изменившейся жизни.

Братья обнялись, как будто не виделись 6 лет. Паулюс долго не отпускал брата из своих объятий. Но это было какое-то мертвое объятие. Саулюс не почувствовал ничего, никакой радости. Только усталость от неотвратимости пути.

– Я чувствую, что ты очень down сейчас. В чем дело? – сказал Паулюс.

– Не знаю.

– Тебе надо выпить и покурить, – сказал Паулюс, и Саулюс вроде бы согласился с этим. Но им обоим надо было выпить и покурить. В тишине, без посторонних. Желательно на косе. Но вокруг было слишком много разных ниггеров. И Саулюс не верил, что теперь это когда-либо изменится. Паулюс передал ему фляжку. Саулюс приложился к ней.

Вскоре они добрались до дома Паулюса и Hannah. Она к тому моменту уже была с довольно большим животом. В нем явно проживало и развивалось неведомое существо. Паулюс же выглядел, как человек, несчастный в браке, хотя в браке они не состояли. Он даже как-то постарел за это время.

– А где ты был все это время, брат? – спросил Паулюс. – Чем ты занимался?

– Я курил гашиш, пил вино, читал библию и занимался спортом.

– Ясно. У меня есть и гашиш, и травка. Что будешь?

– Я буду травку.

– Hannah-a-a-a-ah!

– Что? – донеслось из зала. «С зала», – подумал Саулюс.

– Куда ты положила травку?

– А что?

– Надо брата накурить нормально. Он курит как паровоз.

– У меня мало осталось...

– Я куплю тебе завтра.

Она замешкалась.

– Почему Саулюс не может курить то, что куришь ты? Почему надо обязательно мое?

Глаза Паулюса сверкнули. Саулюс опустил глаза ниже.

– Здесь вообще ничего твоего нет. Ты тоже моя!

Пауза. Паулюс высматривал взгляд брата. Саулюс прятал глаза.

– Hannah! Я завтра же куплю тебе травку! – сказал Паулюс.

– Саулюс, – она обернулась к нему, – ну почему я должна делиться с тобой травкой... я не хочу...

Паулюс захохотал.

– Да не, не надо, – сказал Саулюс. – Ты вообще не должна. Я покурю гашиш...

**

– Брат, моя жизнь в последнее время – это вечное ношение сумок! Ничего для себя. Совершенно ничего!

– Слушай, братан. Пойдем, прогуляемся?

– В ресторан?

– Да необязательно. Просто пройдемся. Пообщаемся.

– Да, давай. Пошли. Наппа! Мы уходим!

– Куда?

– Прогуляться, – сказал Саулюс.

– А можно я с вами? Что я одна буду тут делать?

– Ну пошли все вместе... – сказал Паулюс.

...

– Я люблю свою жену, – добавил он.

Саулюс нахмурился.

**

– Сыграем в кости? – предложил брат.

– Почему бы и нет? Кто записывает?

– Ты.

Братья начали бросать кости. До конца раунда оставалось несколько бросков.

– Так, тебе нужно каре и покер. Хотя... даже покер тебя не спасет, – задумчиво сказал Саулюс, подсчитывая мысленно очки за игру.

– ВОТ БЛЯДЬ! ПИЗДЕЦ! ТЫ ОХУЕННО С РУКИ СКАЗАЛ! – Паулюс сказал это весьма агрессивно, что удивило Саулюса. Он даже не осознавал, что его фраза прозвучала символично. «В любом случае, я-то тут при чем?» – подумал он, а вслух сказал: «Это же просто игра, брат, это просто разговор во время игры. Можно же начать игру заново».

– ДА, ДА... КОНЕЧНО... КОНЕ-ЕЧНО...

Паулюс покер так и не кинул. Пришла пора бросать Саулюсу.

– НУ ДАВАЙ, ВСЕ РАВНО НИЧЕГО НЕ КИНЕШЬ. У ТЕБЯ НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧИТСЯ. ЧТО, ПОКЕР РЕШИЛ БРОСИТЬ? НУ-КА, ДАВАЙ, А НЕТ ЕГО! НЕТУ ПОКЕРА, БЛЯДЬ, НИ ХУЯ... – Паулюс подчеркнуто действовал брату на нервы.

Внезапно к этому порыву Паулюса присоединилась Hannah, и это было слишком много.

– НУ ГДЕ ЖЕ ПОКЕР, А, САУЛЮС? ПОЧЕМУ НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ ЕГО БРОСИТЬ?

– ПРИЯТНО ТЕБЕ, САУЛЮС? – вторил ей Паулюс, – ЧТО МОЛЧИШЬ?

«Блядь, да они совсем ебанулись!» – подумал Саулюс, а вслух сказал: «Продолжайте, продолжайте...». Они были вдвоем или даже втроем. Вот это-то и было самое чувствительное... Тут до Саулюса все и дошло. Это не два солдата выясняли отношения. Это реально были две разные стороны баррикад.

Затем Hannah пришла в себя.

– Паулюс, прекрати. Зачем так набрасываться на Саулюса?..

Паулюс не ответил.

**

Пришла пора спать. Паулюс расстелил брату постель в гостиной, а сам пошел в спальню к Hannah. «Обычно мы спим в разных комнатах», – пояснил он.

Саулюс взял с полки книжку Бодлера и погрузился в чтение. «La femme est naturelle, c'est-à-dire abominable¹⁴», – писал великий французский поэт.

Где-то через сорок минут он лег. Вскоре он услышал, как брат вышел из спальни и лег на диван рядом с ним. Саулюсу это не понравилось, но он был в гостях.

Зачем он вообще пришел к ним? Чтобы убедиться в том, что брат от него отрекся? Чтобы увидеть это собственными глазами? Он увидел это. Что дальше?

Тут Паулюс обнял и поцеловал брата в плечо, даже попытался схватить за жопу.

– Братан, какого хуя? – встрепенулся Саулюс.

– Блядь, – по лицу Паулюса пробежал восторг. – Я думал, это не ты, а Hannah... Прости, брат...

– Бля, это же надо совершенно забыть о том, что я к тебе приехал, чтобы так перепутать!

– Если я буду помнить обо всех этих вещах, – сказал Паулюс, – я совершенно точно сойду с ума!

**

Уходя, Саулюс обнял Hannah, сказав: «Прости, если что не так».

– Да нет, ты что. Мне все очень понравилось! – сказала Hannah.

– Хорошо...

Пауза.

– Спасибо этому до-ому! – сказал Паулюс, как бы подсказывая брату нужные слова.

Саулюс неуверенно хмыкнул.

– Ладно, пошли, – сказал Паулюс.

Братья вышли на улицу.

– Ты сейчас куда пойдешь? – спросил Паулюс.

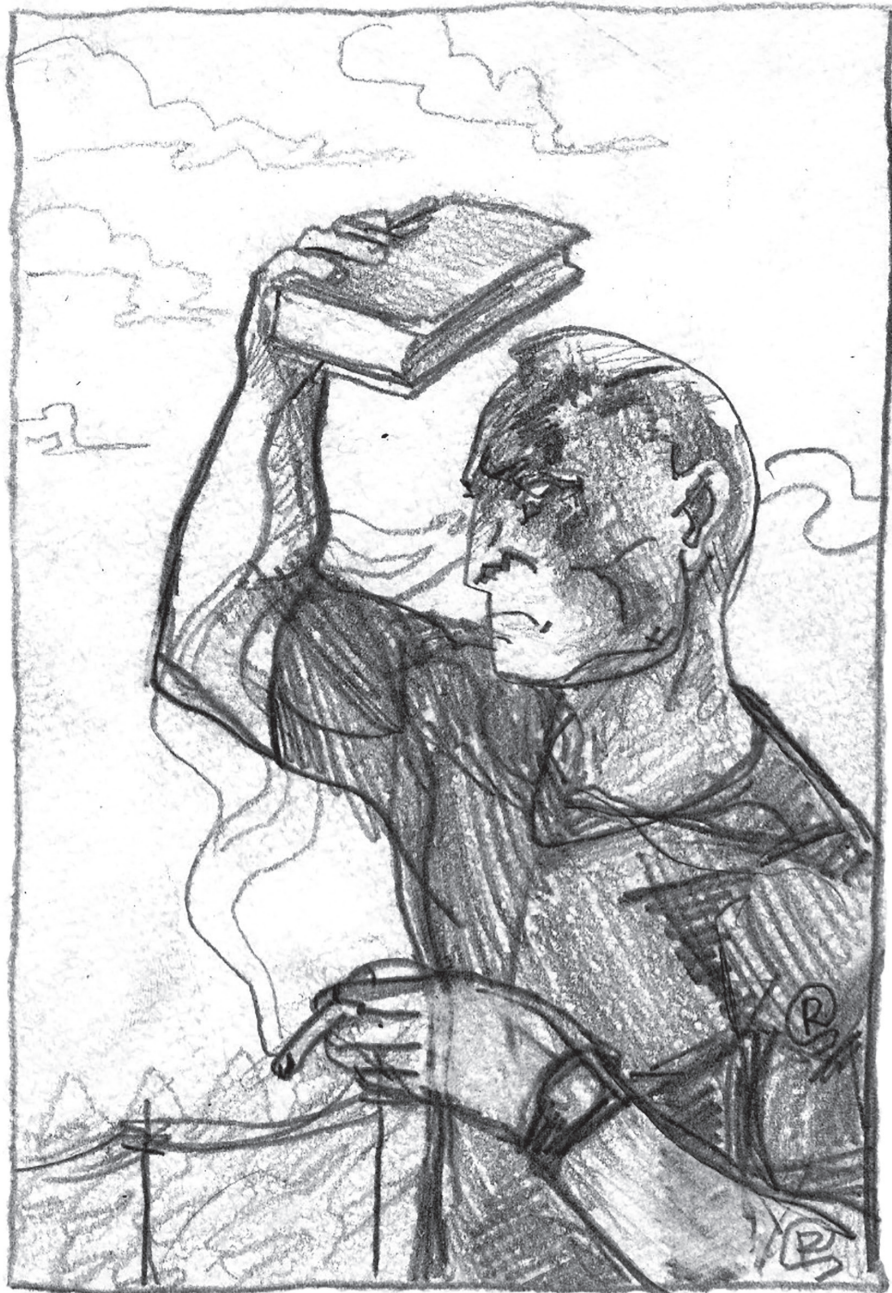
– Да схожу сейчас, пожалуй, на море... Может, потом съезжу на стадион *Kingston Communications*. Говорят, там сегодня вечером выступает знаменитый музыкально-поэтический ансамбль *The Big Brothers* с этими тремя сумасшедшими братьями-гитаристами и экспериментирующим художником-оформителем... У них сейчас тур, ездят по миру со своей литературной рок-программой... Не знаю. А ты? Может, хочешь со мной?

– Не могу. Мне надо сначала в аптеку, потом в магазин... Есть еще много других домашних обязанностей...

– Понятно...

– Когда мы снова встретимся? – спросил Паулюс.

– Очень скоро, – ответил Саулюс.

19. ЗАДАНИЕ ОТ ДЬЯВОЛА

Паулюс вроде бы и не спит, однако все происходит, как во сне. Сначала его душа словно вышла из тела. Или это точно сон? Потом Паулюса пронзила жгучая острая боль, словно столп света сошел с него. Перед Паулюсом на потолке появились огромные изогнутые красные глаза. Паулюс попытался пошевелиться, но не смог. Он попытался закричать, но изо рта его послышалось лишь легкое шипение и показались слюни.

– *Ты теперь навсегда в моих руках...* – послышался голос дьявола. – *У меня есть к тебе задание...*

«Иди нахуй!» – хотел крикнуть Паулюс, но не смог.

Не сказав, что это за миссия, глаза вскоре пропали. Паулюс продолжал смотреть в потолок. Это определенно был дьявол. Паулюс не знал, как ему быть и как вырваться из этого оцепенения... Ничего не происходило. Внезапно тихо отворяется дверь, и в комнату заходит... брат. Он подходит к Паулюсу.

– Спишь, брат? – спросил Саулюс, и Паулюс не смог ответить. – Спи...

Саулюс накрыл его одеялом...

**

Когда Паулюс очнулся, брата не было рядом с ним. Паулюс встал, допил остатки вискаря, затем он вышел на веранду. Там брат и сидел, держа в руках Первый утренний косяк. Паулюс с удовольствием затянулся.

– Был ли спокоен твой сон? – спросил Саулюс.

– Да не совсем, – сказал Паулюс. – Мне сегодня ночью приснился чертов дьявол.. он хотел мне дать какое-то задание...

– Задание?! Какое?

– Да я так и не понял...

– Это очень интересно, брат.

– Это всего лишь сон, – улыбнулся Паулюс.

– Может, это не просто сон? *Ко мне дьявол тоже в последнее время приходит!* – как бы по секрету вполголоса поделился Саулюс. По выражению его лица было видно, что он не шутит.

– Хорош заливать. Ты просто слишком много куришь, брат... Вот то, что ты скуриваешь за день, Нанпап курит полгода.

– Вполне возможно, так и было... Все связано, брат... Бог есть... – сказал Саулюс.

– Я знаю. Пойдем внутрь, сядем. Подгрузил меня твой косяк...

Саулюс докурил, и они вместе зашли в комнату и плюхнулись в кресла.

– Брат, – сказал Саулюс, – у меня есть к тебе серьезный разговор.

– Да, брат. Я слушаю.

– Ты знаешь, что я сделал после того, как мы с тобой в последний раз виделись? Хотя, откуда ты можешь это знать...

– Ты вроде на концерт Big Brothers собирался...

– Да, но я не пошел. Я просто пошел в один из ближайших баров... и снял самую лучшую проститутку в городе. По крайней мере, так мне сказал один худощавый сутенер по имени Skinny. Его трое ребят тоже хвалили ее...

– Да ладно!

– Не обольщайся. Сутенер сказал, что она стоила 100 баксов, но она стоила всего лишь на 30...

– И как она?

– Здоровая черная баба, брат. С большими сиськами и жопой. Тут таких большинство. Ничего особенного, брат. Она не стоила 100 баксов. Она стоила на 30. Но я не о ней хотел рассказать тебе. У нее был пес...

Пауза. Паулюс закурил.

– Рассказывай по порядку.

Саулюс тоже закурил.

– Да все было как обычно, брат.... Разве что... ее собака.... Лежала в углу.... И иногда поднимала голову на шум.... И смотрела такими грустными глазами... пока я ебал эту черную пизду. Без гандона, – добавил Саулюс. – Наверное, мы с ней подружились именно из-за собаки. Мне как-то хотелось снова потрепать этого пса за ухом. У него были очень умные глаза. Черт, да и у сотой части людей нет таких красивых глаз, какие были у этого пса... И я стал приходить к ней каждый день. Мы валялись на кровати, ку-

рили. Пили вино, разговаривали... слушали музыку.... По большей части Ника Кейва, Костю Ступина и Янку Дягилеву... Она ничего не понимала в Косте и Янке на русском, конечно.... Приходилось объяснять... Ты же все время был с Hannah...

– Ну и что? – перебил Паулюс.

Саулюс сказал:

– Брат, что значит «ну и что»?... Ты даже не даешь мне договорить... Черт, даже не хочу теперь рассказывать...

Пауза. Паулюс промолчал.

– Господи, Паулюс! Да я же весь в крови, мои руки в крови, посмотри на меня, я весь по пояс в крови, мне не смыть этого никогда!.. А ты не можешь меня даже выслушать...

– Да ладно-ладно, рассказывай уже...

Пауза.

– ...на днях я очнулся на берегу моря рано утром. Шел дождь. А возле меня – лежит Джек...

– Джек?

– Ну да, пес... Собака. А мои руки – снова в крови.... Джек лежит, еще теплый, и прибор шумит... и капли дождя барабанят пузырями по воде... И это – предел, понимаешь? Дальше – некуда. Я больной... Просто ебанутый на всю голову человек! Душевно-больной. Что можно придумать более ебанутое, чем это? Даже тебе этого, по-моему, не переплюнуть. Этого никому, блядь, не переплюнуть! Затем я ползал по берегу и ел песок....

– Ты и впрямь ел песок? Зачем? – переспросил Паулюс.

– Я жевал песок и пытался кричать. Но мог только блевать песочной кашей...

У Саулюса задрожали губы.

– Брат, ну чего ты, в самом деле, – сказал Паулюс, смягчившись, – все убитые собаки попадают в рай... Если тебе станет от этого легче, то я прощаю тебя за пса Джека, которого я даже не знал. Успокойся. Помни, что у тебя есть я, твой брат. Я и Hannah, мы тебе всегда поможем. Кстати, чего мы вообще так редко стали видеться? Переезжай к нам. Ты можешь жить с нами, сколько захочешь...

Саулюс несколько растерянно улыбнулся.

– Я за этим сюда и пришел. Чтоб сообщить тебе...

– Что?

– ...что ваши пути пересеклись лишь на мгновение... как у меня и этой собаки!..

– Ты о чем вообще?

– А ты что, думал, что это будет вечно и что белый цветок решит все твои проблемы, – сказал Саулюс, – и проблемы мира? Человечества? И Бога, черт подери! Нет, брат! Они приходят и уходят, как волны, оставляя за собой лишь грязь! И оставляя тебя одного с разрывающимся сердцем! Вопрос в том, встанешь ли ты на ноги после них, не прикончили ли они тебя окончательно... – здесь Саулюс сделал паузу, вытер слезы, затем продолжил. – Ты знаешь, брат. Вчера я разговаривал с самим Господом Богом, и знаешь, что Он мне сказал?..

– Что?

– *Что сегодня ночью передо мной опустится волшебный трап... Меня ждут другие миры...*

– Саулюс, у тебя и впрямь течет крыша... ты же знаешь об этом, да?.. Ты точно только куришь?.. Какой еще, блядь, трап?! Ты о чем вообще?!

Саулюс улыбнулся улыбкой привыкшего себя укрощать человека.

– Это неважно...

– Без комментариев... У меня просто нет слов, брат.

– ...я довольно давно уже чувствую себя непонятым, брат. Тобой. А когда я пришел к вам в гости, и увидел вас, я все понял....

– Я меняюсь. Каждый день. Это безусловно, – сказал Паулюс после некоторой паузы. – Моя новая любимая песня Ника Кейва. *The Jubilee Street*. Слышал? Там все об этом. And here I come up the hill, I'm pushing my wheel of love, I got love in my tummy and a tiny little pain, and a ten ton catastrophe on a sixty pound chain, and I'm pushing my wheel of love up the Jubilee Street. Каждая строчка – в цель... – сказал Паулюс. – I ought to practice what I preach! I am alone now, I am beyond recriminations, the curtains are shut, the furniture has gone, I am vibrating, I am glowing, I am flying. Look at me now, – сказал Паулюс, глядя брату прямо в глаза, – I am flying!

Пауза. Саулюс говорит невозмутимо:

– Я тебе как брат скажу это. Когда я пришел к вам, я увидел обычную бабу, которой следовало бы заняться спортом и уборкой и сидеть тихо, ведь она не ходит на работу. Это не так-то и много... разве нет? И она все время должна присутствовать между нами? И ты, брат, ты же никакой не подкаблучник... и это не мгновенное твое какое-то замешательство... Ты просто.... Да ты просто отрекся от меня, ты меня предал и похоронил! Ты и себя тоже похоронил!

– I am beyond recriminations!

– А как же истина, брат?

– Какая еще, блядь, истина!

– Да ты уже превращаешься в одного из тех неверующих людей!

– Ну и пусть, меня это вообще не ебет, брат. Я люблю ее... И я люблю своего будущего ребенка... Брат! Я же лечу, ты только посмотри на меня!..

– А меня?.. Ты любишь? – спросил Саулюс.

– Тебя я тоже люблю. Ведь ты мой брат...

...

– Ты знаешь, – сказал Паулюс после продолжительной паузы, – мой коллега по работе, когда я работал в Каунасе в охране, хотел жениться. Его жена была беременной – как Hannah. И вот, незадолго до свадьбы, она попадает в авиакатастрофу... Представляешь? Он должен был лететь на том рейсе... И он мне говорит: «Ты знаешь, как тяжело, когда погибает твой ребенок, который еще не родился, но которому уже было дано имя...» – Паулюс запнулся.

– Какое?

– ...Святослав... Святослав... Я его очень, очень хорошо понимаю. Это очень, очень страшно...

Еще одна продолжительная пауза. Наконец, Саулюс встает с кресла и говорит, с некоторой брезгливостью в голосе:

– Страх – это последствие всякой лжи... А ты... Паулюс Раманускас... брат... лети прямо в ванную комнату и посмотри своему страху в лицо. В прямом смысле... Лети прямо в ванную и посмотри. Туда, – Саулюс показал рукой, как будто бы Паулюс не знал, где у него ванная комната.

Застыв, Паулюс сидит в кресле в черных очках и молчит.

– Я оставлю вас наедине... Если ты захочешь... а ты захочешь... ты сможешь найти меня в отеле... я буду там, в своем номере... буду тебя ждать.....

Пауза.

– Избавься от тела... – добавил Саулюс и вышел.

**

Сначала Паулюсу показалось, что Саулюс спит. Но присмотревшись повнимательней, он увидел, что у брата открыты глаза. Каменное, смертельно бледное лицо. Ник Кейв, тихо играющий из MP3-плеера. Паулюс сделал шаг по направлению к кровати. Саулюс остановил его жестом и словами «Привет, брат... *Ты же понял, что это было за задание, да?..*» Что-то в голосе Саулюса и всей атмосфере было невероятно знакомым... Как будто он уже читал эту книгу... Саулюс выключил плеер, присел на кровать и продолжил: «Ты ведь пришел, чтобы убить меня, брат?».

– Да, – ответил Паулюс.

– Я знал это. Я рад, что ты пришел, брат.

Паулюс в замешательстве перенес вес с одной ноги на другую.

Саулюс встал, подошел к окну, с секунду посмотрел на фантастически звездное небо, в котором – вечность, обещание, холод и безмолвие... Затем задвинул красные шторы. Он закурил. Паулюс молчал, пристально наблюдая за братом.

– Ну что ж, – промолвил Саулюс, – вот и наступил самый важный момент в моей жизни... И я готов к нему... Если и помирать, то только от твоей руки. Наверное, так действительно было бы правильно.

Паулюс достает револьвер.

– О! Нет, брат! Какой еще револьвер? Ты с ума сошел, что ли? Ни в коем случае! – Саулюс открывает рюкзак и достает оттуда нож. – Вот, возьми лучше это!

– Нож? Почему нож? – говорит Паулюс.

– Мне тут приснился один сон... – говорит Саулюс. – Поверь, брат. Ты убьешь меня этим ножом... Но я, впрочем, не умру... меня ждет вечность!..

Паулюс берет в руки нож. Медлит.

– ...я уж не говорю про то, что так будет гораздо тише... – добавляет Саулюс.

– Брат, я должен сделать этот шаг. Дальше, больше, понимаешь? – говорит Паулюс, неожиданно для себя как бы оправдываясь перед братом.

– Я знаю. Не переживай. Делай свой шаг, ведь свой я уже сделал...

– Последняя просьба? – спрашивает Паулюс.

– Да какие еще просьбы, брат. Давай безо всей этой херни, ладно? Все, что мне нужно для путешествия, у меня с собой, – Саулюс улыбнулся.

Пауза. Саулюс говорит:

– Брат... Никогда не препятствуй божьему замыслу! Никогда, ты слышишь, брат! И сейчас тоже... Делай свое дело. Ты должен быть истинно благочестен¹⁵, брат! Если не сделаешь этого шага, Господь так и оставит тебя младенцем духа... Навсегда... О! Брат! – Саулюс широко улыбнулся совершенно безумной улыбкой. – *Я кое-что слышу! Сонмы наших предков уже зовут меня! Это их зов! Мне пора... Я люблю тебя, брат...*

– ДА ПОШЕЛ ТЫ НАХУЙ, ЭГОИСТ! – закричал Паулюс и с силой ударил брата ножом прямо в сердце. Мгновенье они стояли так вместе. Затем тело сползло на пол. Паулюс испуганно смотрит на свои руки. Потом садится на колени, шепча: «Брат.... Прости меня, прости меня, прости меня, я люблю тебя, брат. Люблю тебя, прости меня...». На лице Саулюса застыла легкая улыбка. Паулюс обнимает мертвого брата, пачкаясь в им же пролитой крови.

И начинает плакать навзрыд, подвывая.

Бог – это любовь, Бог – это смерть, это Паулюс с ножом в руках, это мокрая собака, скалящая зубы, это темная кровь прищипывания, струящаяся из отворенных вен.

¹⁵ Благочестие – это истинное богопочитание, благоговейное признание божественных истин и исполнение их на деле (Толковый словарь В. Даля).

SOZU

20. ЗЕРКАЛО

Кажется, прошло несколько дней, и Паулюс сидит в гостиничном номере и смотрит на себя в зеркало. Перед ним у зеркала – пустые бутылки из-под виски, остатки сигар, разбросанный пепел. Взгляд Паулюса тяжелый и мутный. Иногда он испуганно озирается по сторонам. На нем – белый фрак. Белый фрак и больше ничего.

Белый фрак, но вновь, как и тогда, когда его прорвало у гроба отца, он чувствует страх и потерянность. Вот садится муха на его руку, обхватившую ствол... он этого не замечает. Он глядит себе в глаза, и смотрит в них так глубоко, как никогда еще не смотрел, и ему страшно... Каждая клетка его тела словно кричит ему из зеркала: *«Я – плоть, я плоть, я тленна, я – не ты... но ты умрешь.. умрешь...»* А пустота из глаз его вмещает в себя все... и эти крики... чтобы хоть как-то вырваться из наваждения, он бьет себя по щеке, но глаза его не упускают самих себя в отражении ни на секунду, и он продолжает видеть свой труп, смотрящий на него из зеркала...

– *С чего же все началось?* – вдруг шепчут его губы, и в глазах мелькает какой-то огонек. – *Уж не с того ли случая, когда я ударил ножом плоть того мертвого уродца по кличке Кит? Это было так давно... Нет, это было как будто вчера.. Да, вот я выхватываю нож из руки Саулюса и всаживаю его в уже мертвую плоть с отрезанной головой... Раз, другой, третий, четвертый... А зеленые листья шуршат на ветру... А муравьи ползают... Как же я тогда смог остановиться? А! Саулюс! Саулюс оттащил меня от трупа... мой брат... брат... которого я убил.*

Паулюс вздрагивает... Нет, нет, это произошло гораздо раньше, может, еще тогда, когда он жил в Каунасе, когда был жив еще его отец. Когда он работал в Соласе охранником... и Паулюс тотчас же зацепился памятью за один эпизод того самого дня... А Паулюсу тогда снились сны, страшные сны, в которых дети с лукавыми глазами взрослых стучались к нему в дверь... к нему, спящему на рабочем месте... и он не отпирал им дверь. А они лезли через крышу, через окна... и вот этот мальчик, которого Паулюс наблюдал в камеру и видел, как тот украл мороженое.. и Паулюс заводит его в мониторную, на свое основное рабочее место. И спрашивает у него:

– Имя... Как тебя зовут?

– Саулюс...

– Фамилия...

– Раманаускас, – прошептал пацан, опустив глаза.

– Что?

– Римкус.

– Почему же ты украл мороженое, Саулюс Римкус?

И мальчик молчит и смотрит на него своими ясными глазами...

– А?..

И мальчик все молчит, а Паулюсу одновременно хочется как помочь пацану вынести весь магазин, так и снести ему башку метким выстрелом. Паулюс говорит:

– Скажи телефон своей мамы...

И мальчик называет его, и Паулюс набирает номер и говорит:

– Здравствуйте, меня зовут Паулюс. Я работаю охранником в торговом центре «Солас». Ваш сын Саулюс украл мороженое. Отпускать его или подождать вас?

– О, господи, как же это он так, – отозвалось в трубке. – Спасибо вам за то, что позвонили, пусть идет домой, отпустите его, пожалуйста... уж я накажу его как следует. Он у меня попляшет, придурок!

Паулюс положил трубку...

– Иди, – говорит Паулюс мальчику.

Мальчик стоит, дрожа и не шевелясь.

– Иди, – говорит Паулюс.

Мальчик уходит. Паулюс остается один. Зачем он это сделал? Зачем позвонил его маме?..

И Паулюс остается один, а мальчик идет домой к маме, и Паулюс ни черта не знает, что ему делать с этим мальчиком, этим миром, этой непогодой, этой мрачностью, с этой нескончаемой каунасской ночью, с этой невыносимой секундой, которая и не думает кончаться... тик-так. Тик-так. А Паулюс все здесь, в Соласе, в царстве тьмы... Ямайка не снилась ему тогда даже в самых прекрасных снах!

И вот он слышит скрипку... откуда она взялась? Паулюс этого не знал, но она снова звучала в его голове. Затягивая, затягивая.

И теперь, находясь в дешевой гостинице на Ямайке, облаченный в белый фрак, Паулюс сидит за столом и смотрит себе в

21. BAGHEERA NIGHT CLUB

Паулюс стоит перед вывеской *Bagheera Night Club*. Темная ямайская ночь, и Паулюс никак не может разобраться в том, что же ему делать дальше этим вечером, да и вообще по жизни. «Зайду-ка я внутрь», – решил он.

Внутри было множество «мартышек» – сплошь туземцы да несколько иностранцев. Клубная атмосфера. Громкая музыка, мигающий свет. Паулюс сел в кресло и заказал кальян. Мартышки танцевали и веселились, словно ничего кроме этого не имело значения. Очень шумно. Паулюс надел капюшон. «Что это за люди? И почему это им так весело? С чего это они так странно двигаются?». На миг Паулюс почувствовал себя Микки Рурком. Зашел в бар на краю света просто, чтобы выпить пару шотов...

К нему подошли две испанки. Случился следующий разговор:

- Здравствуй, парень. Чего ты тут делаешь один?
- Я зашел просто, чтобы посмотреть, выпить.
- Давай потанцуй с нами.
- Я не танцую...

Зато танцевали они – минут 5 они вертелись вокруг Паулюса, но Паулюс никак не мог расслабиться – просто молчал и пил и курил и выглядел он, должно быть, очень скучным типом. Так, по крайней мере, думал он сам. В подтверждение этого испанки вскоре исчезли, вновь оставив Паулюса наедине с собой.

«Странно... – подумал он... – с одной стороны, я их всех презираю, а с другой стороны это я, кто чувствует себя ущемленным...». Этот вопрос предстояло решить. Паулюс сначала думал что-то под звуки громкой музыки, потом он вспомнил строчку из песни «I don't think, I drink» и вроде бы перестал думать.... Он сидел и курил кальян и пил... Вроде бы он не думает, вроде бы не думает. Не сегодня. Сейчас ему нужно расслабиться...

Тут его осенило: «Господи, да я же могу их всех убить!» Эта мысль принесла Паулюсу огромное облегчение. «Они к этому совершенно точно не готовы.... У меня есть преимущество...». Паулюс почувствовал, как в груди у него прошла радостная волна.

«Ха-ха, я могу вас всех убить! Я могу вас всех убить! Я могу вас всех убить!» – закричал Паулюс по-литовски, зная, что никто здесь не понимает этот язык. Радостный, он вдруг захотел танцевать. Через минуту он уже выделял всякие незамысловатые па на сцене и люди показывали ему знаки одобрения. Вновь объявились те две испанки. Они терлись о него сиськами и жопами. Паулюс не хотел их, но продолжал свой дикий танец. «Все так просто. Никто не решит мои проблемы за меня», – подумал он. «Я могу вас всех убить! – вновь закричал он. – Я могу вас всех убить! Я могу вас всех убить!». На лице его блуждала тихая спокойная улыбка.

22. WE ALL LIVE FOR SKINNY THE PIMP

Паулюс сидит в очередном баре и пьет пиво. Что это за место? Паулюсу все равно. Он с трудом помнит, как сюда попал. Все чертова жара. Паулюс просто сидит и пьет пиво. Какой-то худощавый старик наклоняется к Паулюсу и предлагает ему разделить с ним косой. Паулюс жестом отказывается...

– Ты выглядишь, словно бы ты убил человека, – старик затаился и закашлялся.

– Что?

– Убийство. Словно бы ты совершил убийство.

Паулюс остолбенел. Его лоб покрылся холодным потом. Он хлопнул себя по голове.

– Трупы! Ебать! Я совсем забыл про трупы!

Он словно очнулся. Как это он мог забыть про трупы? Вот что значит остаться без брата. Все дерьмо приходится разгребать самому.

Старика сказанное Паулюсом совсем не удивило.

– Сколько они уже стоят?

– Кто?

– Трупы.

– Дня два... нет. Три.

– При такой погоде, наверное, уже завоняли, – старик покачал головой. – Но ты не переживай, – он затаился и передал Паулюсу косяк. – Лучше затайись-ка... отличная дурь!

Паулюс затаился.

– Кислота. Лучший способ избавиться от трупов – растворить их в кислоте, – сказал старик. – Я так делал много раз. Я тебе помогу. Где трупы?

Паулюс нервно рассмеялся.

– А ты не боишься, что их станет на один больше?

– Я ничего не боюсь, сынок. Я слишком стар для этого. У меня такой бизнес. Я могу продать тебе 200 литров кислоты и полную анонимность всего за 10 000 долларов.

– Почему так дорого?

– Кислота на дороге не валяется, сынок. Анонимность тоже.

Паулюс задумался. Потом воскликнул:

- Блядь, я не хочу, чтобы моего брата сожрали черви!
- Ты убил своего брата?
- Это длинная история, старик.

Старик затянулся и снова закашлялся. В очередной раз взглянул на Паулюса с любопытством.

– А твой этот самый брат, он... ты имеешь в виду настоящего брата? Родного?

- Да. Конечно.

Глаза старика злобно сверкнули.

– А знаешь... Я продам тебе кислоту за 1 000 долларов. Почти по себестоимости.

- Почему?
- Ты точно хочешь знать?
- Да.

– Твой брат – ебанутый псих, вот почему. Он убил нашего Джека. Это был славный пес... Ты тоже ебанутый, весь в брата... Зачем ты убил его?... Вот скажи мне, зачем вы, белые, так поступаете? Убиваете самых близких вам существ, а потом страдаете, как бабы... Я же видел, как он относился к Джеку.... Ну, спасибо хоть Mollie не тронул – видимо, она ему была до пизды. Из-за вас, белые, загрязняются мировые океаны и гибнут дельфины. Зачем вы выбрасываете магнитофоны на свалки, когда их еще можно починить? Впрочем, это не мое дело. Но ты должен знать – мне приятно, что он получил по заслугам. Будем считать, что Джек отомщен. Пусть же твоего брата съест кислота, он не достоин человеческих похорон. 1 000 долларов. Таково мое предложение тебе.

Теперь уже Паулюс посмотрел на него с любопытством.

- Как тебя зовут?

– Ребята! – старик повернулся к компании, играющей в покер в углу. – Скажите, зачем вы живете?

Компания начала дружно топтать ногами на манер we will rock you.

– WE ALL LIVE FOR SKINNY THE PIMP, SKINNY THE PIMP. WE ALL LIVE FOR SKINNY THE PIMP, SKINNY THE PIMP!

– Хватит, пацаны, хватит! – крикнул старик. Компания притихла. Старик повернулся к Паулюсу:

– Меня все тут называют Skinny the Pimp. Это мои родственники... – он показал на компанию. – Толстого зовут Макхольм. Того, что в полосатой майке, зовут Небраска. Самый маленький – Джонни.

– Меня зовут Паулюс.

– Как того фашистского генерала?

– Да, как его самого.

– Понятно.

Старик наклонился через стойку ближе к Паулюсу.

– Я могу достать все, что хочешь, Паулюс. Девочки, наркотики, оружие – все, что угодно.

– Хорошо, я согласен.

– Запиши мой рабочий телефон.

Паулюс записал.

– Эй, белый парень! Иди к нам! Сыграем в покер! – донеслось с покерного стола.

– Чуть позже, – сказал Паулюс. – Сначала мне нужно уладить кое-какие дела...

**

Дом Hannah, где в ванной лежала она, Паулюс проверил первым. Никаких следов полиции или иного палева Паулюс не обнаружил. Все было точно на своих местах. И труп – и черные очки, и окурки в пепельнице, и стопки. Ничего не изменилось – только в комнате стоял сильный трупный запах. Паулюс распахнул окно...

Затем он вышел, сел в такси и поехал к брату... Слава богу, и здесь все на своих местах. На удивление, труп брата не вонял совершенно. «Я слышал о таком... Святые не воняют...» – с трепетом и страхом подумал Паулюс. Он отдернул красные шторы... Затем он не без труда взвалил тело брата себе на плечи и отнес в ванную. (Паулюс обладал незаурядной физической силой, но тело брата почему-то оказалось очень тяжелым). Спустя некоторое время Паулюс набрал номер Скинни и продиктовал нужные адреса.

– В течение часа все будет сделано. Используй перчатки и маску, сынок.

– Хорошо...

Паулюс принялся мыть пол... кровь смывалась плохо. Паулюс вышел в аптеку за марганцовкой... вот он снова за работой...

Не прошло и часа, как Небраска и кряхтящий маленький Джонни внесли в номер две канистры... Та, которую нес Небраска, была наполовину пуста.

– Получается 75 литров, не 100, если вы принесли мне половину... – сказал Паулюс.

– Тебе хватит, – густым басом прогудел Макхольм.

– Вот перчатки и маска... разберись с этим трупом. О другом мы позаботимся сами. Дай ключ, – сказал Небраска.

Паулюс дал ключ. Негры ушли. Паулюс снова остался один. Он зашел в ванную...

– Ты пришел из ниоткуда – и ты ушел в никуда, брат. Надеюсь, твоя душа обрела покой. Могу сказать только, что твое тело не сожрут черви... прощай, брат! – сказал Паулюс. Затем он вылил на брата две канистры. Жидкость разъедала плоть с шипением. Паулюс закрыл дверь, закурил и стал ждать.

Минут через 30 у Паулюса завибрировал мобильный телефон. «Все готово», – прочитал он. Так быстро? Он зашел в ванную. От брата не осталось совершенно ничего. Не прошло и получаса... только какая-то непонятная жидкость... Зажав себе нос, Паулюс опустил в нее руку и вытащил из ванны пробку. Затем он снял перчатку и положил ее в пластиковый пакет, как и другие вещи, которые следовало утилизировать где-нибудь в другом месте.

**

– Мы съезжаем, – сказал он на регистратуре. – Сколько я вам должен?

– За один день.

– Всего-то!..

**

Негры ждали его дома у Hannah. Они курили траву и снова играли в покер. Паулюс зашел внутрь. Телевизор был включен на канале мод. Небраска оторвался от игры.

– Все сделано, белый парень! Можешь сам в этом убедиться! Если не возражаешь, черные очки дамы я оставляю себе! Они мне приглянулись!

– Не возражаю...

Паулюс осмотрел ванную. Никаких следов. Hannah больше не существовало даже как труп. Отлично. Паулюс почувствовал некоторое облегчение.

– Пора убираться отсюда, – сказал он.

– ALL IN, – закричал Джонни и придвинул к общей куче долларов 20.

Макхольм и Небраска повернулись к столу.

– Хуй с тобой, Джонни, call.

– Fold.

Парни вскрылись. У Джонни был фулхаус.

– Ах ты, маленький засранец!

– Ха-ха-ха-ха!

– Все, парни, пошли отсюда...

Паулюс и три негра сели в розовый кадиллак и поехали обратно... Небраска был в новых черных очках. Из колонок громко орал Боб Марли.

– Сделайте потише, парни, – сказал Паулюс. – Мы палевно едем...

Эта реплика вызвала у негров бурю радости.

– I SHOT THE SHERIFF! BUT I DIDN'T KILL NO DEPUTY! – заорали они хором и расхохотались.

Паулюс вздрогнул.

**

Скинни сидел за кассой.

– Все в порядке, парни? – спросил он.

– Да, Скинни...

– Отлично.

Паулюс выложил на стол одну тысячу долларов. Скинни пересчитал.

– Здесь только 1 К, а трупа было два. Мы не договаривались насчет второго трупа.

– Ну как же, – возразил Паулюс. – Я же говорил «трупы», а не «труп».

– Мы не говорили о втором трупе.

– Ладно. Сколько хочешь за него?

– Местная женщина. Это серьезно тебе обойдется...

– 2 К будет достаточно?

– Нет.

– А сколько?

– 5 К.

– Ладно, мне на самом деле плевать... Ты получишь свои 5 К.

Считай это жестом доброй воли.

– Вот и хорошо... мальчики! Налейте гостю выпить!

Перед Паулюсом появился стакан текилы.

– Я бы покурил еще...

– 20 баксов.

– Хорошо, хотя это издевательство, конечно.

Паулюс положил на стойку 20 долларов.

– Да ладно, я пошутил... – Старик пододвинул купюру к Паулюсу и вытащил из своего портсигара огромный косяк.

– Угостишь? – спросил он.

Паулюс ухмыльнулся и прижег.

– Если нужна будет девочка, скажи.

Паулюс кивнул и выпил стакан текилы.

– Эй, белый парень, – крикнул Джонни из-за покерного стола. – Иди к нам! Сыграем в покер...

Но Паулюс отказался и на этот раз. Вскоре он попрощался со всеми и пошел к себе.

23. ПИСЬМО ПАУЛЮСА

Паулюс все время испытывал боль, настоящую душевную боль. Он – один. Нет никого на свете, на кого можно было бы положиться, по-братски любить. Не было и Ее рядом. Самый великий – самый одинокий. Он уже и не знал, как справиться с этим болезненным ощущением. Алкоголь да гашиш, да хождения по ямайским проституткам помогали крайне ненадолго, боль все время давала о себе знать, а иногда – и триппер. Боль была наподобие птицы, раскачивающейся на мокрой ветке, она была наподобие тикающей бомбы. Сейчас Паулюс стал отчаян до предела. Паулюс отметил, как вздулась у него селезенка от большого количества употребляемого алкоголя, ему было неудобно даже сидеть за столом. Боль душевная постепенно перерастала в боль физическую.

Он походил по комнате, затем выпил. Черт, ему так нужен сейчас брат! Надо поговорить по душам, определиться с будущими пределами. Обсудить то, что Паулюс задумал совершить... Но это совершенно невозможно. Паулюс нашел в мусорном ведре пару каких-то листов, чистых только с одной стороны, взял карандаш и начал писать. У него получилось следующее письмо:

Люди!

Животные!

Никчемные таракашки!

К вам обращаюсь я, Паулюс Раманаускас, гроза долин литовских и не только!

Настала пора рассказать вам о том, что я собираюсь сделать. А на момент, как вы имеете эту записку на руках, уже сделал. Я уже неоднократно давил вас в своем диком танце, но завтра я просто устрою полноценный хореографический концерт! Я буду отстреливать ниггеров из окна своего номера в гостинице... У

меня здесь куча боеприпасов. Есть даже граната. Прежде чем меня схватят, я встану на колени со сцепленными на затылке руками, буду при этом голым, чтобы вы не подумали, что у меня есть оружие и я могу причинить кому-то вред... да, я буду на коленях со сцепленными на затылке руками... Я буду улыбаться... и, быть может, в этот момент меня поцелует Господь.

Возможно, меня убьют, возможно, я попаду в тюрьму или какое-нибудь психиатрическое отделение закрытого типа. После того, как я сделаю то, что собираюсь сделать. Я осознаю весь риск своего «деяния». Охраняйте меня по-строже, господа полицейские, если я попадусь в ваши руки живым, это вам такой дружеский от меня совет, ведь я рожден таким, по-другому я не могу и не буду.

И я не один такой. Я верю, есть множество тех, кто возьмет на себя миссию *karma police!* Миссию, дарующую ее носителю силу и бессмертие, ибо это вечные спутники правды. Пусть победит правда, пусть все остальное умрет, пусть выживет только правда, а все остальное пусть умрет!

Здесь мухи огромны, как космические фонари, а время течет по-другому... медленней... и я знаю, что мое время на исходе. Мой путь почти пройден, за моей спиной – гора трупов и к ней и от нее ведут мои следы... далеко не каждый сможет прочесть книгу моей жизни, ибо она написана этими кровавыми следами. Здесь нет ничего, что бы могло возбудить самолюбие «читателя», придется по душе публике. Только удары, удары под дых, удары под

печень. Нравится ли вам такая игра? Достаточно ли она жестока для вас?

*У нас нет мерил абсолютной истины, все эти мерилы на поверку выходили фальшивыми. Людей я измеряю по мерилу *карга police*. Только по лжи и правде... Я готов ответить за все. В этом моя сила, в этом моя прелесть. Я, Паулюс Раманаускас, готов ответить за все. Этим я внушаю ужас, этим я опасен. Но не думайте, что я буду играть по вашим правилам, даже отвечая. Я играю только по своим.*

У меня была хорошая жизнь. На всем, что я делал, есть отпечаток чистоты. Я чист. Моя совесть чиста, мое тело болит, мое сердце кровоточит, но это кровь любви. Она бурлит во мне. Это пламя долга горит во мне, пламя моего призвания, моя кровь. Я ни о чем не сожалею. Ведь отныне по ночам, на Куршской косе, мои братья и сестры смогут увидеть, как мой дух бродит меж сосен и звезд.

Каждому отпущена некоторая часть времени... Как же она будет проведена? Я верю, что обо мне будут складываться легенды – и в долине мертвых на меня будут смотреть с уважением мои братья по духу... а сейчас....

Настала пора воззвать к Богам и затребовать ответы на свои вопросы! Настала пора найти разницу между дозволенным и запрещенным! Настала пора разрешать и запрещать самому, а также снова усовершенствовать свое искусство жить!

Паулюс

Поразмышляв над тем, подписываться ли ему кровью, он остановился на варианте, что нет, не надо. Он поставил свою размашистую подпись карандашом.

Дело начато. Осталось его завершить. Прекрасно! Паулюс взял в руки винтовку, которую приобрел на днях у Скинни, и стал собирать ее и разбирать. Собирать и разбирать. При этом он разговаривал с зеркалом. Вдруг по спине у него пробежал холодок.

«Я что, действительно собираюсь завтра отстреливать людей из окна, а потом ждать, пока меня не схватят? – подумал Паулюс. – Это полное безумие, полное безумие... Однако... я именно так и поступлю... Дело начато. Его осталось лишь закончить». Паулюс собрал винтовку и направил дуло на глаз своего отражения в зеркале. Затем он аккуратно спрятал винтовку под кровать.

Паулюс пробежался глазами по своему «завещанию». Господи. Чертов графоман. Какая глупость. Это все излишне, глупо. Очередная глупость, очередная бравада. Вся жизнь человека – череда глупостей, правда внутри человека изменчива. А потом – небытие. Так стоит ли цепляться за эту глупую жизнь? Поступок – вот, что ценно. Паулюс смотрит на площадь, по которой ходят люди, люди, которым даются возможности... безграничные возможности. Но они ходят по площади, на которой вот-вот, быть может, начнется бойня. Кто их заставляет это делать?.. Почему они здесь?.. Разве они не знают, что они под прицелом?.. Всегда под прицелом?..

– Да потому что люди – бессмысленное племя, все их тропки примитивны и жизнь не стоит и ломаного гроша!.. – с досадой воскликнул Паулюс, после чего поджег свое «завещание», прикуривая от той же спички.

24. ОТКРЫТЬ ДВЕРЬ

Паулюс смотрит в окно из номера в гостинице. По площади в разные стороны ходит много людей. Это напомнило Паулюсу бродяжеское движение. «Чертовы тараканы, – подумал он, – ползаете вы, конечно, быстро, но от карма police еще ни один не ушел...»

Ох-х... как же хорошо будет, совсем, совсем скоро... Надо только точно попасть...

Паулюс вспоминает «Тропу здоровья» на косе... которую они часто преодолевали с братом и отцом вместе... Чаще, конечно, это случалось летом, но Паулюсу почему-то вспомнилось, как это место выглядит осенью ... Вернее даже в несколько тех самых дней... когда ветра нет, солнце прощается перед уходом в другие края, а красно-желтые листья... падают, падают.... кружатся, кружатся... Паулюс улыбнулся, живо вспомнив слова брата: *«Пушкин только и делал, что писал об этих ебучих листиках! Нет, серьезно, брат! Только об этом и писал! Клянусь!... Даже когда ему казалось, что пишет он о чем-либо другом!..»* И Паулюс идет по этим «ебучим листикам», шуршит ими, разглядывает кроны деревьев и думает о своем... словно бы он ни в чем не виноват...

Паулюс вновь услышал скрипку. Она играла ту самую сводящую с ума мелодию, но сейчас в ней появилось какое-то новое, пронзительное звучание. В восхищении Паулюс подошел к окну и посмотрел на небо. Что это там такое? Такое огромное, такое красное? Паулюсу кажется, что в небе он видит Красного Воробья... должно быть, это знак.

Вот Паулюс достает жгут, перевязывает себе левую руку, втягивает в баян вмазку... Скинни говорил, что это очень сильная дрянь... Паулюс прицеливается и первым же выстрелом попадает себе точно в вену... На миг он застыл, воздев очи к потолку, прислушиваясь к какой-то, только ему одному слышной, мелодии.

Затем Паулюс ввел в себя наркотик и тут же наполовину сполз с кресла...

Ему показалось, что на него навалилась огромная снежная лавина, разлетевшись чудесным кайфом по каждой клеточке его тела... Эта огромная масса, она давила на него и Паулюс даже не мог пошевелиться. Губы Паулюса посинели. Из его вены продолжал торчать шприц. Внезапно Паулюс почувствовал, как его стремительно заносит куда-то в сторону, а потом утягивает вниз, в страшную бездну. В этот самый миг сознание покинуло его.

Содержание

0. ОТ АВТОРА	3
1. КИТООБРАЗНОЕ НЕЧТО	10
2. ЗАРОЖДЕНИЕ БРАТСТВА	24
3. ТАРАКАНЫ	33
4. РАК	38
5. ПОИСК ЧИСТОТЫ	50
6. ПОТВОРНИКИ ВЕЧНОСТИ	58
7. ANGIE	68
8. ПИРАТСКАЯ ИСТОРИЯ	74
9. ТАНЦУЮЩАЯ ПОД ДОЖДЕМ	79
10. СОН ПАУЛЮСА	87
11. ПОЭТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ	91
12. САНДРА МАРОЗАЙТЕ	97
13. РАССКАЗ ПАУЛЮСА	111
14. РАССКАЗ САУЛЮСА	118
15. КАК САХАРНАЯ ВАТА	126
16. ПАРА ВЫСТРЕЛОВ	133
17. ЭПИЗОД В САМОЛЕТЕ	141
18. ПРИЕХАЛИ	145
19. ЗАДАНИЕ ОТ ДЬЯВОЛА	160
20. ЗЕРКАЛО	168
21. BAGNEERA NIGHT CLUB	172
22. WE ALL LIVE FOR SKINNY THE PIMP	175
23. ПИСЬМО ПАУЛЮСА	182
24. ОТКРЫТЬ ДВЕРЬ	187

Big Brothers. Братья Раманаускэй. – Москва: 2018. – 192 с.

БРАТЬЯ РАМАНАУСКЭЙ

Big Brothers

Иллюстрации к тексту и рисунок обложки: Агеенко Роман Игоревич

Редактор – Жижом Владислав

Верстка – Грейчус Алексей

Подписано в печать 25.12.2017. Формат 60x90/16

Печать офсетная. Тираж 50 экз.

Российская система возрастных ограничений. На основании Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»